

Has been issued since 1870.
ISSN 2313-402x, E-ISSN 2409-2118
2015. Vol. (14). Is. 2. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr. Khlynina Tatiana – Institute of Social-Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor-in-Chief)

PhD Vlaskina Nina – Institute of Social-Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Assistant Editor)

PhD Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine

PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russian Federation

Dr. Krinko Evgeny – Institute of Social-Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Dr. Dzhandzhugazova Elena – Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation

Dr. Men'kovsky Vyacheslav – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Dr. Red'kina Ol'ga – Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Dr. Tyumentsev Igor – Volgograd Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Journal is indexed by: **CrossRef** (USA), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (USA), **Electronic Scientific Library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **Google Scholar** (USA), **Index Copernicus** (Poland), **Open Academic Journals Index** (Russia), **ULRICH's WEB** (USA).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation
Website: <http://ejournal15.com/>
E-mail: sochi003@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 17.06.15.
Format 21 × 29,7.
Enamel-paper. Print screen.
Headset Georgia.
Accounting sheets 6.
Printing sheets 8,7.
Circulation 500 copies. Order № 14.

© Russkaya Starina, 2015

Издается с 1870 г. ISSN 2313-402x, E-ISSN 2409-2118
2015. № 2 (14). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Хлынина Татьяна – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (Главный редактор)

Власкина Нина – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (Заместитель главного редактора)

Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина

Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Кринко Евгений – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (Главный редактор)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Джандугазова Елена – Российский государственный университет туризма и сервиса, Москва, Российская Федерация

Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Редькина Ольга – Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Тюменцев Игорь – Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Российская Федерация

Журнал индексируется в: **CrossRef** (США), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (США), **Electronic Scientific Library** (Россия), **Global Impact Factor** (Австралия), **Google Scholar** (США), **Index Copernicus** (Польша), **Open Academic Journals Index** (Россия), **ULRICH's WEB** (США).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

2015

№ 2

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal15.com/>
E-mail: sochi003@rambler.ru

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом «Исследователь»» –
Academic Publishing House *Researcher*

Подписано в печать 17.06.15.
Формат 21 × 29,7.
Бумага офсетная.
Печать трафаретная.
Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 6. Усл. печ. л. 8,7.
Тираж 500 экз. Заказ № 14.

© Русская старина, 2015

CONTENTS

Relevant Topic

- Scientific Dialogue of the Russian and Slavic Historians in the Correspondence
of K.I. Nevostruyev and N.A. Popov
Nail M. Valeev..... 80

Articles and Statements

- The Network of Healthcare Facilities and Social Welfare of Kyiv Region
in the First Half of the 19th Century
Andrey I. Cherepanov..... 86
- Kazakomanstvo. Don Case (the 1860s). Part II
Alexey A. Volvenko..... 94
- The Relationship between Governments and Administrative Authorities in the Towns of
Tobolsk Province in the Late 19th – Early 20th Century
Igor S. Tomilov 108
- “The Winter Happened to Be Severe...”: The Impact of the Weather Conditions
on the Battles on the Big Bend of the Don in November 1942 – February 1943
Vladimir I. Afanasenko, Evgeny F. Krinko..... 115
- The Origins of Soviet Musical Subculture (1950–1960s)
Alexander A. Venkov..... 130

Casus: The History of Russia in the Small Peas

- Everyday Life of the Black Sea Beaches in the Late 19th – Early 20th Century
(on the Example of the Caucasian Coast)
Anna V. Krivokon..... 139

Reviews and Surveys

- “Entrusted to Remember...” Don Archives for the 70th Anniversary
of the Great Victory. Collection of Documents and Materials. Rostov-on-Don:
Altair Publishing House, 2015. 280 p.
Sergey V. Yanush..... 148

Obituary

- In Memory of Tatiana Pavlovna Khlynina..... 150

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 14, Is. 2, pp. 80–85, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.14.80
www.ejournal15.com

Relevant Topic

UDC 929

Scientific Dialogue of the Russian and Slavic Historians in the Correspondence of K.I. Nevostruyev and N.A. Popov

Nail M. Valeev

Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Russian Federation
20, Baumana Street, Kazan
420111, Republic of Tatarstan
Dr. (Philology), Professor
E-mail: an-rt@yandex.ru

Abstract

In this article author introduces the correspondence of K.I. Nevostruyev and N.A. Popov that helps to understand scientific opinion about “Slavic question”, which was revealed in various aspects of their scientific studies. Scientists believed in the brotherhood of the entire Slavic community and particularly in the role, which Russia played among the Slavs. These letters reveal historiographical situation and specifics of the scientific communication in the context of a three-level interconnection of the European and Russian metropolitan and provincial science.

Keywords: K.I. Nevostruyev, N.A. Popov, correspondence, Slavic question.

Введение

Устойчивый интерес российских ученых и общественных деятелей к славянскому вопросу наглядно подтверждают сохранившиеся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ) письма ученых-славистов Капитона Ивановича Невоструева и Нила Александровича Попова.

Материалы и методы

В основе статьи лежит анализ взглядов К.И. Невоструева и Н.А. Попова на «славянский вопрос», позволяющий вскрыть всю полноту сформировавшихся научных суждений ученых по одной из самых актуальных проблем XIX столетия. Материалы переписки сохранились в неопубликованном виде в НИОР РГБ. Нося личный и одновременно деловой характер, письма дают косвенную информацию о существующей историографической ситуации, затрагивают и важные события в истории славянских народов.

В работе применяется системный подход к информации писем, реализованный через применение традиционных исторических методов: описательного, текстологического, проблемно-хронологического, историко-типологического, историко-сравнительного. При этом автор исследовал весь комплекс переписки К.И. Невоструева. Переписка не

требовала атрибуции, в некоторых случаях проводилась датировка писем. Особое внимание при изучении переписки уделено идейному анализу текстов, стилистическому и лингвистическому анализу внутренних признаков письма и эпистолярного этикета.

Обсуждение проблемы

Исследователей многогранного творческого наследия К.И. Невоструева в перспективе ждет огромная работа, т.к. ученый в полный голос сумел сказать свое слово в археологии и археографии, в гомилетике и библеистике, в филологии и истории, в изучении древнейших памятников отечественной письменности и словесности.

Результаты

Капитон Иванович Невоструев (1816–1872) известен отечественным исследователям как член-корреспондент Императорской (Российской) академии наук, профессор богословия Московской духовной семинарии, член Сербского ученого общества в Белграде и Югославянской (Хорватской) академии в Загребе, профессор-археограф, палеограф, археолог, историк и филолог. К.И. Невоструев – составитель семитомного «Описания славянских рукописей Московской синодальной библиотеки». Этот научный подвиг был оценен первой Ломоносовской премией Академии наук.

Нил Александрович Попов (1833–1891) – историк, публицист, общественный деятель, известный, прежде всего, как автор первого научного труда по истории Сербии, отмеченного Императорской академией наук Демидовской и Уваровской премиями. В 1863–1865 гг. он был в научной командировке в Европе, где увлекся славянским движением, во многом также под непосредственным влиянием панславистских идей М.П. Погодина и С.П. Шевырева, хотя и не до конца разделял их веру в мессианское призвание славянства. Он был убежден, что славянские народы должны освободиться от турецкого и германского господства и освоить европейское культурное наследие, его высшие проявления.

Нил Попов – русский «славянофил-западник», сотрудничал с представителями того и другого направления. Он первым прочитал курс истории славян в Московском университете. Н.А. Попов поставил себе целью ознакомить русское общество с историей славянских народов, привлечь общественное мнение России к делу их освобождения и просвещения. В 1868 г. он был избран постоянным секретарем Славянского благотворительного комитета. В 1869 г. защитил докторскую диссертацию «Россия и Сербия», удостоенную Уваровской премии. В последующие годы написал целый ряд книг по славянскому вопросу. Нил Попов, как М.П. Погодин и К.И. Невоструев, был библиофилом и собрал крупнейшую в России библиотеку по славянству, которая ныне хранится в РГБ. В 1883 г. избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук. В 1885 г. назначен управляющим Московским архивом Министерства юстиции. В 1879 г. опубликовал «Письма к М.П. Погодину из славянских земель». В разные годы написал ряд статей о М.П. Погодине.

Идеи особой роли России в славянском мире, активно развиваемые М.П. Погодиным, председателем Славянского благотворительного комитета, были основаны на необходимости единения и братства всего славянского мирового сообщества. Он был убежден, что братья-славяне – единственные наши союзники в Европе, что мы должны поддерживать их и опираться на них в нашем противостоянии с Западом. Такие идеи, разумеется, были близки и К.И. Невоструеву, и Н.А. Попову. Скорее всего, именно под воздействием М.П. Погодина Капитон Иванович начал активное сотрудничество с сербскими собратьями. Он носил в своей душе нравственные и умственные идеалы славянского единения и братства, твердо веря, что самобытная славянская культура будет жить в веках. При работе со славянскими рукописями Московской Синодальной библиотеки он стал особое внимание уделять тем древним документам, где речь шла о становлении и развитии православия в славянских землях. С этими документами он знакомил чешских, австрийских и сербских коллег-ученых, готовил их к публикации, делал копии и отсылал их по принадлежности в названные страны.

Н.А. Попов в своей речи «М.П. Погодин как славянский публицист», прочитанной на публичном заседании Общества любителей российской словесности 21 марта 1876 г., посвященном памяти умершего, высказался об огромных заслугах М.П. Погодина в деле

единения славянских народов. Во время путешествия в славянские земли в 1835 г. М.П. Погодин познакомился и подружился с глубоким исследователем славянских древностей Павлом Шафариком и многими выдающимися учеными. Начался активный процесс взаимодействия с славянскими братьями, отзвуки которого живы до сих пор. Они вызывают в нас душевную вибрацию, сочувствие и сострадание, желание чем-то помочь братскому народу, когда речь заходит, например, о современной трагической судьбе Югославии, сербского и других народов, проживающих в этих благословенных краях.

В первом письме из 12, хранящихся в НИОР РГБ [1], (которое является далеко не первым, что становится понятным из текста данного послания) речь идет об отсылке экземпляров невострюевской работы «Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII века» (М., 1868) [2] славянским братьям.

«Милостивый государь Нил Александрович! При сем препровождаю Вам экземпляры Ипполитова Слова 1) для Южно-Славянской Академии в Загребе, 2) для Чешской Матицы в Праге, 3) для Галицко-Русской Матицы во Львове и 4) для Славянской беседы в Вене, кои все и прошу покорнейше Вас отправить в означенные места... а затем экземпляр Слова и статейку о плащанице благоволите принять в собственную Вашу книгоположницу [такое неожиданное название библиотеки встречается нечасто. – Н.В.]. Имею я еще у себя назидательное чтение – три жития преп[одобного] Иосифа Волоцкого, изданных мною по рукописи XVI в. с примечаниями к объяснению текста, и желал бы их, если не будут бесполезны и непонятны, послать в какую-нибудь из помянутых Вами прошлый раз народных школ. Особенно в родной нам Галиции или Угорской Выры (Рум.). Потому и прошу Вас на лоскутке бумаги означить две или три из этих народных школ и оный вручить подателю сего. С истинным к Вам почтением и душевною преданностию честь имею быть Ваш покорный слуга Капитон Невоструев. 1869 февр. 3».

В данном случае видно несомненное воздействие погодинских идей активной просветительской помощи славянским братьям на К.И. Невоструева.

Следующая записка показывает, что ученые славянских стран, получившие невострюевские труды, также отдариваются книгами, своими периодическими изданиями. «Посланную Вами мне при отношении за № 4347 Сербскую книгу: Српска библијографја я получил, и приношу за то Вам, и от кого сами изволили получить искреннейшую мою благодарность... 1869 авг. 29».

По-видимому, присланные из-за границы книги распределялись по списку специалистам по вопросам славяноведения в России или по усмотрению секретаря благотворительного комитета Н.А. Попова.

В следующем письме обозначена несколько неожиданная бытовая деталь, объясняющая причину некоторой задержки ответа на письмо Н.А. Попова – «...ради настоящих больших у меня треволнений...». Интересно было бы узнать, какие треволнения могли вдруг так взбудоражить чудовского анахорета?! (К.И. Невоструев почти безвыездно 23 года прожил в Чудовом монастыре на территории Московского кремля и трудился не покладая рук). Ну а дальше описано, как ученый оконфузился, попросив Н.А. Попова прислать в дар текст его недавно защищенной докторской диссертации «Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г.» (М., 1869) [3]. «Когда увлекшись добрым Вашим словом о докторской диссертации Вашей и интересом предмета, изъявил я желание, иметь ее: то никак не воображал, чтоб это сочинение занимало два тома и без сомнения стоило дорого. А вы, как бы в обличие мое, были столь снисходительны и щедры, что и в самом деле прислали мне столь дорогой труд Ваш, аки пленника привязавши меня к походной колеснице Вашей...». Но подарком книжник-буквояд, конечно же, доволен и вернуть его не хотел, хоть и стыдно, что выпросил.

21 января 1870 г. К.И. Невоструев спрашивал своего собеседника, как ему отправить книжную посылку в монастырь Крупа Сербской православной церкви в Австрии, в Далмацию, архимандриту Исаяе Олуичу. Заодно, чтобы не платить за почтовые услуги самому, выяснял: «не будет ли от Славянского комитета в скорости посылки за границу? В таком случае ударил бы я Вам челом, если можно, захватить и мою, вновь вышедшую книгу описания Синодальной библиотеки в трех экземплярах, – один в Вену для г. Миклошича, да два в Белград – для митрополита Михаила и тамошнего Дружества Сербской словесности...». В этом письме четко обозначено авторство книги – «мою, вновь

вышедшую книгу описания Синодальной библиотеки». Делаем акцент на данном факте, чтобы как-то остеречь любителей приписывать подвиг описания в основном А.В. Горскому [4]. Вопрос далеко не простой, и нежелательно специалистам перетягивать одеяло в ту или другую сторону. Оба достойно потрудились во славу русской науки, будем это помнить и гордиться славными сынами Отечества своего. В записке без даты, написанной по всей видимости в ближайшие же дни, он уточняет адресатов, кому предназначаются книги. «По Вашему благожелательному соизволению препровождаю Вам четыре экземпляра вновь вышедшей книги Описания Синод[альных] рукописей о книгах богослужебных. 1-й экземпляр в Белград митрополиту Михаилу, 2-й экз. туда же в Сербское общество словесности, 3-й в Загреб в Юго-Славянскую Академию и 4-й в Вену проф. Миклошичу. Прошу покорнейше препроводить их буде вместе с Вашим к славянам транспортом».

Интересно проследить судьбу статьи «Историческое обозрение православия в Чехии и древняя православная служба святому Вячеславу Чешскому» [5], о которой многократно упоминается в невострюевских письмах Н.А. Попову. 15 января 1871 г. он писал: «Препровождаю Вам статью, о которой говорил я Вам, предположенную мною к отсылке в Юго-Славянскую Академию для напечатания. Если по усмотрению Вашему она окажется достойною сего и сколько-нибудь интересною для Ученого общества: то покорнейше прошу оставить ее у себя и при случае препроводить в Югослав[янскую] Академию. Если же неудобною представится: то благоволите возвратить ее мне с человеком Вашим. От меня через несколько дней еще будет небольшая в Загреб посылка книг».

В данном случае Н.А. Попов должен был выступить и в качестве рецензента работы, как ученый-специалист по славянским вопросам.

Через месяц – следующая записка: «Не нашед Вас дома, покорнейше прошу оставленные в квартире Вашей посылки, 1-ю – в Югославянскую Академию, в Загреб, а 2-ю – в Сербское Ученое Дружество нельзя ли препроводить чрез Московский Славянский благотворительный Комитет, когда будет оказия... 1871 февр. 19».

Через две недели отправлена очередная записка. «Усерднейше теперь я должен благодарить Вас за то, что подали Вы мне мысль, послать немудрую статейку мою в Югослав[янскую] Академию. Как материал, может, будет она у них иметь какое-нибудь значение и принесет какую пользишку. Отец архимандрит Нового Иерусалимского сиречь нашего Воскресенского монастыря, член Сербского Ученого общества просил меня попросить Вас переслать посылаемую при сем статью его на имя Сербского митрополита Михаила с приложенными рисунками... При помощи Божией постараюсь собирать и доставлять в Югославянскую Академию требующиеся для нее сведения».

В НИОР РГБ удалось обнаружить письмо Н.А. Попова, на которое ответил чудовский ученый.

«Милостивый государь Капитон Иванович! Сим честь имею уведомить Вас, что я получил письмо от г. Президента Южно-Славянской академии наук и искусств, который от имени Академии приносит Вам благодарность за статейку, посланную Вами чрез Комитет для издания Академии. Она будет напечатана в следующем томе Древностей, которых Академия печатает по одному тому в год. Кроме того г. Рачки просит Вас, как вполне знакомого с древними Московскими библиотеками и архивами о присылке в Академию всевозможных отрывков из старинных рукописей, касательно политической, церковной и литературной истории южных Славян... Секретарь Комитета Нил Попов».

Важнейшим представляется нам следующее письмо от 12 апреля 1871 г.: «Покорнейше прошу Вас, если можно, препроводить сей текст за Вашею комитетскою печатью в Юго-Славянскую Академию, которую в нем с приношением благодарности, извещаю о получении мною посланного от Академии диплома на звание члена-корреспондента ея. *Rad Jugoslavenske Akademije*, кн. XIV от посланного Вами вчера я получил».

Факт состоявшегося очередного признания научных заслуг в славянском мире, без сомнения, очень порадовал Капитона Ивановича. В конце письма сделана не менее интересная приписка – «Историю Елабуги прошу Вас принять в дар», подтверждающая соучастие ученого в подготовке к печати и публикации книги о малой родине, непреходящей любви к ней. Тем более что он включил в нее два старинных акта, обнаруженных им в архиве Спасского собора города Елабуги во время последнего приезда к родным.

Летом 1872 г. уже смертельно больной Капитон Иванович написал Попову очередную записку с просьбой отправить в славянские страны вторично изданную и вновь пересмотренную по просьбе епископа Таврического Гурия «Службу святой Параскеве Пятнице и Святой Кириакии по тексту греческой Минеи», которую тот попросил подготовить для монастыря в честь Параскевы, в его епархии находящегося. Здесь же Невоструев информировал своего собеседника о письме из Загреба. «Из Загреба вчера получил я письмо от г. Даничича, что оттиски статей моих и рукописная статья «О православии в Чехии» там получены, и, надеется он, будет отпечатана Академией...».

Предпоследнее письмо написано уже в клинической больнице 22 сентября 1872 г. И все оно целиком – о книгах, статье «О православии в Чехии», и ни слова о болезни.

«Присланные мне, как пишете, из Югослав[янской] Академии и от Белградского общества шесть книг, благоволите передать подателю сего, письмоводителю моему. Да ежели посланная мною в январе или феврале в Югослав(янскую) Академию статья: «Историческое обозрение православия в Чехии» в сих трех же Юго-Слав[янской] Академии книгах не напечатана, и Академия, опасаясь раздражить католиков, вообще затрудняется отпечатать ее в своих изданиях: то покорнейше прошу, нельзя ли ее из Академии вытребовать и переслать в Белградское ученое братство для напечатания в Гласнике. Там, думаю, не без удовольствия примут сию статью, а первосвяtitель Сербский вполне ее одобрит».

Единственное отличие в заключительных строках – «С совершенным к Вам почтением и душевною преданностию честь имею быть Ваш покорный *больной* слуга Кап. Невоструев», не без юмора отмечающих состояние здоровья его.

Последнее, трудночитаемое, скорее всего, написанное 18 октября 1872 г. лежа в кровати письмо уже трагично по содержанию.

«При письме Вашем, получил книги из Юго-Славянской Академии. Усерднейше благодарю Вас за столь доброе отношение, а Юрия Даничича за намерение печатать статью... поклон. Да прошу сим, когда будете писать, что поучений Константина пресвитера и портрета фотогр[афического] не посылал им доселе от одолевшей меня более полугода болезни. Лучше и более писать не могу...». В конце сделана приписка: «Полный экземпляр Описания Син[одальной] б[иблиоте]ки Даничичу даст Бог сил не премину [послать], – чрез Ваше посредство».

Человек всегда живет верой в лучшее будущее. А Капитон Иванович через 40 дней после этого письма перейдет в иной мир, не отправив в Загреб ни своей фотографии (которую мы не можем найти на протяжении четверти века изучения его судьбы и творчества), ни поучений, ни полного экземпляра «Описания...» [6].

Выводы

Письма К.И. Невоструева и Н.А. Попова, хранящиеся в НИОР РГБ, – живые свидетели эпохи. Они наглядно подтверждают устойчивый интерес российских ученых и общественных деятелей к славянскому вопросу, показывают, с каким волнением и ответственностью подходили все они к разрешению проблем славянского мира.

Примечания:

1. Архив Н.А. Попова // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 239. 13 п. 26 л.
2. Невоструев К.И. Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII века. Исследование и материалы к нему. 1868. К. 5. № 14. М., 1868.
3. Попов Н.А. Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 год. Часть II, после устава 1839 года. М., 1869.
4. Валеев Н.М. К.И. Невоструев: творческая биография ученого. Переписка. М., 2015. С. 139.
5. Невоструев К.И. Историческое обозрение православия в Чехии и древняя православная служба святому Вячеславу Чешскому. 1872. К. 6. № 3. М., 1872.
6. Валеев Н.М. К.И. Невоструев: творческая биография ученого. Переписка...

References:

1. Arkhiv N.A. Popova // Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki (NIOR RGB). F. 239. 13 p. 26 s.

2. Nevostruev K.I. Slovo svyatogo Ippolita ob antikhriste v slavyanskom perevode po spisku XII veka. Issledovanie i materialy k nemu. 1868. K. 5. № 14. M., 1868.
3. Popov N.A. Rossiya i Serbiya. Istoricheskiy ocherk russkogo pokrovitel'stva Serbii s 1806 po 1856 god. Chast' 2, posle ustava 1839 goda. M., 1869.
4. Valeev N.M. K.I. Nevostruev: tvorcheskaya biografiya uchenogo. Perepiska. M., 2015. S. 139.
5. Nevostruev K.I. Istoricheskoe obozrenie pravoslaviya v Chekhii i drevnyaya pravoslavnaya sluzhba svyatomu Vyacheslavu Cheshskomu. 1872. K. 6. № 3. M., 1872.
6. Valeev N.M. K.I. Nevostruev: tvorcheskaya biografiya uchenogo...

УДК 929

**Научный диалог российских и славянских историков в переписке
К.И. Невоструева и Н.А. Попова**

Наиль Мансурович Валеев

Академия наук Республики Татарстан, Российская Федерация
420111, Республика Татарстан
Казань, улица Баумана, 20
Доктор филологических наук, профессор
E-mail: an-rt@yandex.ru

Аннотация. В статье в научный оборот вводится переписка К.И. Невоструева и Н.А. Попова, важная с точки зрения отношения ученых к славянскому вопросу, раскрывающемуся в различных ракурсах и аспектах их научной деятельности. Ученым были близки идеи особой роли России в славянском мире, основанные на необходимости единения и братства всего славянского мирового сообщества. Материалы писем раскрывают историографическую ситуацию и специфику научной коммуникации в контексте трехуровневой взаимосвязи европейской и российской столичной и провинциальной науки.

Ключевые слова: К.И. Невоструев, Н.А. Попов, переписка, славянский вопрос.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 14, Is. 2, pp. 86–93, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.14.86
www.ejournal15.com

Articles and Statements

UDC 94:614.2(477.41).1800/1850

The Network of Healthcare Facilities and Social Welfare of Kyiv Region in the First Half of the 19th Century

Andrey I. Cherepanov

Pereyaslav-Khmel'nitskiy State Pedagogical University
Named after Grigoriy Skovoroda, Ukraine
30, Sukhomlynsky Street, Pereyaslav-Khmel'nitskiy
Kiev region, 08401
E-mail: korban.a@yandex.ru

Abstract

In the article the historical formation of medicine and social welfare of the Kiev province in the first half of the 19th century is analyzed. This topic is important and up-to-date, because the question of the medicine and social security protection development in Ukraine is a live issue through present. The author of the article provides a complex analysis of the development process, organization and activity of the Kiev province health facilities of the particular period. The research is based on using archival documents and materials, and scientific publications.

Keywords: county doctors, medical police, social security, Kiev province.

Введение

Изучение охраны здоровья и социального обеспечения населения является неотъемлемой составляющей исследований истории социальной сферы. Она включает удовлетворение потребностей в медицинском обслуживании, пенсиях, функционирование детских домов, домов престарелых, приютов для больных людей и другие направления. Проанализировав доступные источники, можно утверждать, что в Киевской губернии в первой половине XIX в. хотя и уделялось определенное внимание вопросам охраны здоровья и социального обеспечения населения, все же они оставались на низком уровне. Система здравоохранения делилась на государственную и частную. Государственная система в Киевской губернии работала плохо и не могла обеспечить потребности растущего населения, поэтому правительство пыталось переложить ответственность на частную систему здравоохранения. Эти меры делали ее дорогой и недоступной для необеспеченных слоев населения, вызывали сопротивление предпринимателей, которых обязывали брать на себя расходы по обеспечению охраны здоровья подчиненных. В таких условиях медицина была неразвитой, распространились болезни и эпидемии. В данной статье предпринята

попытка комплексно проанализировать процесс развития, организации и деятельности медицинских учреждений Киевской губернии данного периода.

Материалы и методы

Источниковая база работы включает материалы Центрального государственного исторического архива в г. Киеве, непосредственно документы канцелярии киевского, подольского и волынского генерал-губернатора, канцелярии киевского военного губернатора, а также управления попечителя Киевского учебного округа. В статье применены реконструктивный, сравнительно-исторический, типологический методы исследования.

Обсуждение и результаты

Для улучшения системы медицинского обслуживания недостаточно было квалифицированных кадров. Поэтому открывались медицинские учебные заведения. Так, циркуляр киевского, подольского и волынского генерал-губернатора Д.Г. Бибикова от 1 марта 1842 г. свидетельствует об открытии фельдшерской школы в Киеве [1]. Сохранились сведения о количестве учителей и учеников, предметах, которые там изучались, и средствах, выделяемых на содержание учебного заведения [2]. В 1846 г. генерал-губернатор Д.Г. Бибилов сообщал Николаю I о строительстве в городе Киеве городской больницы и фельдшерской школы [3]. Обучение в фельдшерских школах проводилось как на государственные, так и на частные средства. Так, вдова дворянка Клубоцкая просила принять ее сына Семена в фельдшерскую школу за счет подольского приказа общественного надзора [4]. Особенно важное значение в развитии медицинских знаний и учреждений имело основание в 1834 г. университета Св. Владимира в Киеве с открытием медицинского факультета в 1841 г. Оборудование и библиотека в новое учебное заведение были завезены из Кременецкого лицея и Виленского университета. На первый курс было зачислено 29 студентов. Медицинский факультет начал свою работу во временном помещении трехэтажного дома, арендованного по улице Лютеранской. Правительство предполагало построить специальное помещение и создать 10 кафедр. Срок обучения составлял 5 лет. Первым профессором еще в 1840 г. назначили доктора медицины, известного киевского хирурга В. Караваева. Владимир Караваев в своей научной и практической деятельности придерживался анатомио-физиологического направления. Будучи знатоком топографической анатомии, опытным клиницистом, виртуозно владея хирургической техникой, он достиг блестящих результатов во время многих сложных операций. Преподавая хирургию, Караваев особое внимание уделял работе студентов у постели больного, другой практической деятельности в операционной, перевязочной, амбулатории, что привлекало студентов изучать хирургию. Под его влиянием хирургами стало много врачей, оказавшихся пионерами соответствующих методов лечения в участковых земских больницах. Караваев написал учебник операционной хирургии, который пользовался популярностью среди практических хирургов.

18 февраля 1847 г. Караваев начал оперировать под эфирным наркозом, ему принадлежит заслуга популяризации этого метода обезболивания в лечебных учреждениях Киевской губернии. Большой вклад внес Караваев в разработку оперативной офтальмологии. Он ввел в обиход и широко популяризировал операцию экстракции катаракты вместо операции «реклинации» и внес усовершенствования в методику этого вмешательства, заменив разрез роговицы книзу разрезом вверх. Предложенный Владимиром Караваевым способ экстракции катаракты вскоре начал применяться не только в России, но и в Европе. По свидетельствам современников, в своей небольшой клинике и амбулатории Караваев выполнил около 10 000 операций по поводу катаракты (каждую в течение нескольких секунд) и много других операций. Подавляющее большинство его больных составляли крестьяне, которых он лечил бесплатно. Среди крестьян бытовала пословица «Пойду в Лавру Богу помолиться и Караваеву поклониться» [5].

Из 29 первокурсников 16 обучалось на казенные средства, а 13 – на собственные. Студенты изучали физиологическую анатомию, методологию медицины, а на других факультетах слушали физику, химию, ботанику, зоологию, латинский и немецкий языки, богословие. С 1841 г. начала работать библиотека медицинского факультета [6].

Стоит отметить, что качественный уровень медицинской подготовки в первой половине XIX в. вызывал многочисленные нарекания из-за того, что подготовка будущих специалистов проводилась устаревшими методами. Большинство клинических дисциплин преподавалось на латыни. С принятием нового устава Киевского университета Св. Владимира была создана кафедра государственного медициноведения. Она включала такие дисциплины, как судебную медицину, медицинскую полицию с гигиеной, медицинское законодательство, ветеринарную полицию с эпизоотическими болезнями. На кафедре также преподавались основы общественной медицины, организации медицинского дела в России. В программу медицинской полиции в 1849/1850 учебном году, например, были включены разделы «Попечение об общественном здоровье», «Попечение об отвращении вреда, причиняемого известного рода занятиями, ремеслами, образом жизни» [7].

Борьба с социальными болезнями была темой научных статей талантливых ученых медицинского факультета А. Вальтера, Г. Минха, В. Покровского и др. Первым руководителем кафедры медициноведения был И. Леонов. В 1854 г. кафедру возглавил Ф. Меринч, который большое внимание уделял проблемам гигиены, опубликовал «Лекции по гигиене», читал курс истории медицины. В развитии университетского медицинского образования, в подготовке врачей Киевской губернии огромная роль принадлежала выдающемуся ученому, гениальному хирургу, педагогу и общественному деятелю Н. Пирогову. Его идеи и работа имели большое значение, особенно в период, когда он занимал должность попечителя Киевского учебного округа. В качестве члена Временного медицинского комитета Министерства народного образования Н. Пирогов принимал самое активное участие в учреждении Киевского университета. Как опекун Киевского учебного округа в 1858–1861 гг. он много внимания уделял деятельности медицинского факультета Киевского университета: посещал лекции, занятия, способствовал осуществлению профилактических идей, поскольку считал, что «будущее принадлежит медицине профилактической» [8].

29 октября 1840 г. в Киеве было основано научное объединение врачей, на 3 года позже Медицинского общества в Вене и на 20 лет раньше Московского общества врачей. Инициатором его создания был инспектор Киевской лекарской управы Иван Кудрявцев, учредителями – доктора К. Боссе, Л. Гротковский и Ф. Меринч. С 1849 г. общество возглавил профессор В. Караваев [9]. Вопросам общественной медицины в этот период большое внимание уделял профессор и декан медицинского факультета А. Вальтер. Как достойный ученик Н. Пирогова, А. Вальтер поддерживал его идеи «о торжестве медицины предохранительной». В своей актовой речи «О значении медицины для России» 30 августа 1862 г. он обосновывал целесообразность усиления преподавания гигиены и предложил организовать для этого отдельную кафедру гигиены, санитарные обсерватории для проведения санитарного надзора.

Уже в 50-е гг. XIX в. в Киевском университете преподавались многие аспекты гигиенических знаний, вопросы организации медицинского дела, но основные методы исследований носили описательный, демографический и эпидемиологический характер [10]. Известный доктор Д.П. Де ля Флиз в своих альбомах писал о необходимости знания основ гигиены и медицины даже священниками, поскольку их ежедневно вызывали к пациентам, заболевания которых в основном оставлены на произвол судьбы, в то время как благотворные советы и некоторые обычные медикаменты смогли бы вылечить или хотя бы облегчить страдания больных. Их советы по гигиене помогли бы предотвратить эпидемии, уменьшить количество зараженных и больных. Например, сколько бы детей остались живыми, если бы священник мог убедить матерей не кормить младенцев больше, чем нужно [11].

В начале XIX в. на территории Киевской губернии, как и во всей Российской империи, внедрялись элементы медицинской полиции. В уездных городах учреждалась должность уездного врача. На него возлагались такие основные обязанности, как организация борьбы с эпидемическими болезнями, скорой медицинской помощи и заготовка лекарственных трав. У уездных врачей были помощники, так называемые лекарственные ученики. Это были молодые люди без медицинского образования. Врачи должны были обучать их готовить лекарства и выполнять простейшие врачебные назначения. Никаких ассигнований

на медикаменты государство не выделяло. Больницы ограничивались в основном применением лекарственных растений. Рецепты выписывались на травы, корни, масла, настойки, отвары, которые добывали из растительного сырья. Чаще всего назначались примочки, полоскания, сборы. Капли и мази встречались редко. Совсем не выписывались рецепты на суппозитории и глобулы [12]. Уездные врачи работали судебными медицинскими экспертами, наблюдали за санитарным состоянием фабрик и заводов в уезде, а также должны были препятствовать распространению сифилиса и других венерических заболеваний среди рабочих. Городские врачи заведовали городскими больницами, ведомствами общественного надзора, а также периодически осматривали жителей уездов и арестантов города. Сельские врачи должны были следить за нераспространением венерических заболеваний у крестьян и проверять поставки медикаментов сельскому населению. В каждом уезде Киевской губернии было по 2 больницы и по 3 приемных покоя. Самыми распространенными заболеваниями были дифтерия, корь, скарлатина, оспа, тиф [13].

Архивные материалы сообщают о постоянном инспектировании городских больниц государственными служащими и выявлении недостатков в их работе. Так, 12 августа 1834 г. поступило распоряжение киевского гражданского губернатора действительного статского советника Александра Алексеевича Корнилова инспектору Киевской врачебной управы о необходимости инспектирования медицинских учреждений Киевской губернии [14]. 30 декабря 1835 г. в канцелярию генерал-губернатора поступили рапорты городских инспекторов врачебной управы о состоянии городских больниц в городах Черкассы, Звенигородке, Умани, Сквире, Липовце, Тараще, Чигирине [15]. А в 1845 г. рассматривалось дело о ежемесячном инспектировании городских больниц Киевской губернии [16]. Техническое состояние больничных зданий не всегда было удовлетворительным. Довольно часто это были старые помещения, непригодные для больницы. Так, в 1830 г. больницу в городе Чигирине перевели в «ветхое, сырое и неудобное помещение» [17]. В 1827–1834 гг. новое помещение городской больницы было построено в г. Сквире [18]. А в 1844–1847 гг. новая городская больница построена в городе Каневе [19]. Почти в каждом городе Киевской губернии находились государственные учреждения «приказа общественного призрения», в частности больница для приличных болезней, городская богадельня, дома для психически неуравновешенных людей, инвалидов, воспитательное, акушерское, успокаивающее заведения, аптека. Эти учреждения финансировались из городского бюджета. Так, в 1806 г. в учреждения общественного надзора Киевской губернии поступило 13 000 руб., в том числе в Киев – 1 000 руб., Васильков – 1 000 руб., Радомышль – 100 руб., Сквире – 800 руб., Таращу – 300 руб., Звенигородку – 300 руб., Черкассы – 150 руб., Чигирин – 350 руб. Из этих денег на содержание лазаретов и богаделен выделили 2 147 руб., в том числе в Сквире, Тараще, Звенигородке – по 60 руб., в Черкассах – 32 руб. [20].

Во многих городах больницы были небольшими. Так, в городе Василькове действовала больница на 10 человек для бедных людей, средства на которую выделялись из городского бюджета [21]. Кроме больниц для военнопленных открывали госпитали и лазареты. Так, в 1805 г. были отведены помещения для лазарета Уманского полка. В 1810 г. построено 10 флигелей при Киевском военном госпитале. В 1834 г. отремонтирован лазарет для нижних воинских чинов в г. Василькове. Информация о техническом состоянии помещений госпиталей и лазаретов, их медицинском обеспечении, о количестве больных поступала в канцелярию киевского военного губернатора. Об этом свидетельствуют сведения о количестве больных, находившихся в четырехклассном киевском госпитале в 1827 г. В этом же году 18–20 сентября Киевский военный госпиталь инспектировал военный губернатор генерал-лейтенант П.Ф. Желтухин. А в 1845 г. император Николай I вынес благодарность генерал-губернатору Д. Бибикову, киевскому коменданту Пенкержевскому и другим чиновникам за обустройство и поддержание образцового порядка в Киевском военном госпитале.

Помещения, выделяемые под медицинские учреждения, в основном были деревянными, медицинский персонал и больные не соблюдали технику безопасности, поэтому нередко здесь случались пожары. Так, в 1805 г. возник крупный пожар в киевской городской больнице [22]. Кроме того, в первой половине XIX в. в Киеве отсутствовали элементарные санитарные условия, водопровод и канализация, что послужило одной из причин частых эпидемических заболеваний. Сильные вспышки холеры были в 1830–

1831 г., 1847 г., 1852–1853 г., 1855 г. Медицинскую помощь жители города получали в городской больнице на 82 койки, в лазаретах при учебных заведениях, а также в военном госпитале, который обслуживал ежегодно 1800 больных. Но этих медицинских учреждений было недостаточно для такого большого города, как Киев. Медицинская помощь преимущественно была платной, поэтому ею могли пользоваться в большинстве своем состоятельные киевляне. Неудовлетворительное санитарное состояние города, плохое медицинское обслуживание, высокая цена за лечение приводили к тому, что в отдельные годы (с 1796 г. по 1835.) смертность в Киеве превышала рождаемость. Кроме названных медицинских учреждений в городе были психиатрическая больница, богадельня на 295 человек, инвалидный дом на 66 человек, 2 детских приюта и 5 аптек.

С 1835 г. в Киеве начали функционировать водолечебные учреждения, которые ежегодно обслуживали в среднем 114 человек. С ноября 1839 г. по август 1843 г. в городе была открыта «глазная лечебница» [23]. Количество лиц, которые лечились минеральными водами, ежегодно увеличивалось, что требовало открытия новых подобных заведений. 22 апреля 1846 г. в Киеве была «учреждена лечебница киевских искусственных вод» [24]. До того как в городе были открыты водолечебные учреждения, больных из Киева отправляли на лечение в другие города. В частности, в июне 1830 г. в Киевском военном госпитале лечились кантонисты Киевского батальона Морозюк и Васюченко, которых отправили для лечения минеральными водами в город Старую Руссу.

Лечебные минеральные воды были и в других уездах Киевской губернии, и принадлежали они тем помещикам, на землях которых располагались. Так, одно из водолечебных учреждений было открыто в 1833 г. в селе Костановке Звенигородского уезда Киевской губернии и принадлежало помещикам Лопухиным. Учреждениям «приказа общественного призрения» принадлежали и аптеки, которые открывали как на государственные, так и на частные средства. В отчете киевского гражданского губернатора действительного статского советника Ф. Переверзева в 1835 г. приводятся сведения о количестве аптек в Киевской губернии, их материальном положении и обеспечении медикаментами. Разрешение на открытие аптеки владельцы должны были получать в государственных учреждениях. Так, в 1826 г. была взята в аренду аптека с медикаментами и другим имуществом, которое принадлежало несовершеннолетним братьям Якубовским в городке Ходоркове Сквирского уезда Киевской губернии. В 1838 г. врачебная управа позволила провизору Гольдману открыть аптеку в городе Ржищеве. Но нередко чиновники отказывали жителям в открытии таких медицинских учреждений. В 1828 г. графу А. Потоцкому отказали в открытии второй аптеки в городе Умани [25]. Рост городов и поселков, развитие промышленности, возникновение новых отраслей производства привело к концентрации рабочих на фабрично-заводских предприятиях, а это, в свою очередь, поставило вопрос об их социальном обеспечении и здравоохранении, которые в первой половине XIX в. были еще на низком уровне.

Достаточно частыми были сообщения о росте заболеваемости среди рабочего населения. Так, в 1830 г. в рапорте киевскому военному губернатору генерал-лейтенанту Б.Л. Княжину отмечалось, что Киев разделен на 4 части. Приведены списки лиц, которые болели в каждой части города, описано, какой болезнью (в частности Иван Гнячков (каретник) – лихорадкой, Станислав Перовский (подмастерье) – лихорадкой, Иван Фаненко (мастер мебели) – чахоткой). Всего в списке перечислено 57 человек, большинство рабочие, которые болели в основном простудными заболеваниями [26].

В первой половине XIX в. на предприятиях отсутствовали элементарные меры по технике безопасности. Судебные дела в Киевской губернии пестрели сообщениями о различных увечьях рабочих и их смерти. Так, на кирпичном заводе в г. Киеве в урочище Корчеватом, принадлежавшем инженерному военному ведомству, были убиты государственные крестьяне Петр Подляшенко, Семен Городенко, Иван Гончаренко, а три человека прибиты обвалившейся глиной. У изуродованных крестьян были перебиты ноги, грудная клетка, побиты головы. Пострадавших рабочих отправили в Киевскую городскую больницу. Советник Киевской уголовной палаты Тобаровский, расследуя это дело, пришел к выводу, что несчастный случай на производстве произошел в результате недосмотра инженерного ведомства, подрядчика, но главной причиной была неосторожность рабочих. Недостаток средств безопасности и медицинского страхования фиксировался практически

на всех производствах, что приводило к увечьям и смерти рабочих. Лучшим медицинским обслуживанием и более человечным отношением к проблемам рабочих на вредном производстве отличались больницы при сахарных заводах частных фирм и обществ. Так, на сахарных заводах в Черкасском и Чигиринском уездах, принадлежавших Алексею Алексеевичу Бобринскому, были открыты больничные отделения не только для работников заводов, но и для других местных жителей. В г. Смела предприниматель построил в 1842 г. бесплатную центральную больницу на 100 коек. На ее содержание ежегодно он выделял 10 000 рублей серебром.

Однако не только рабочие и служащие испытывали проблемы со здоровьем, но и студенческая молодежь – будущая элита Киевской губернии. Недостаточное развитие медицины не могло не сказаться на здоровье молодежи. Значительный риск для здоровья молодых людей составляли чрезмерное употребление алкоголя и курение. Среди других заболеваний студенчества были распространены инфекционные и венерические болезни, тиф, заболевания желудка, простуда, болезнь глаз. От многих болезней не было лекарств, поэтому наблюдалась высокая смертность среди студенчества. Для спасения здоровья студентов коммерческие заведения организовывали два раза в неделю профилактические осмотры, покупали медицинские инструменты и лекарства. Больные студенты могли получить помощь в помещении университетской клиники, а тяжелобольные направлялись в городские клиники, где содержались за счет вузов. Проводились медицинские осмотры и перед поступлением молодых людей в учебные заведения [27].

Выводы

Таким образом, анализ имеющегося материала показывает, что социальное обеспечение и здравоохранение в Киевской губернии в первой половине XIX в. оставались на низком уровне. У более зажиточных слоев населения было больше возможностей приобрести дорогие лекарства и проконсультироваться с квалифицированными врачами. Условия труда так же, как и больницы при заводах, были лучшими во владениях достаточно состоятельных предпринимателей. В то время здравоохранение и социальное обеспечение населения зависело от воли владельцев и государственных чиновников. Единого исчерпывающего законодательства по защите рабочих не было. У владельцев промышленного производства было только желание получить как можно больше прибыли, что иногда приводило к потере чувства меры в эксплуатации рабочих.

Примечания:

1. Центральный государственный исторический архив в г. Киеве (далее – ЦГИАК). Ф. 442. Оп. 72. Д. 444. Л. 116.
2. ЦГИАК. Ф. 707. Оп. 8. Д. 329. Л. 120.
3. ЦГИАК. Ф. 442. Оп. 1. Д. 474. Л. 118.
4. ЦГИАК. Ф. 442. Оп. 83. Д. 287. Л. 12.
5. Голяченко О., Гапіткевич Я. Історія медицини. Тернопіль, 2004. С. 248.
6. Голяченко О., Гапіткевич Я. Історія медицини... С. 248.
7. Онищенко О. 160 років Національному медичному університету імені О.О. Богомольця. Київ, 2001. С. 366.
8. Коцур Н. Наукові основи становлення і розвитку гігієни в Україні (XIX століття) // Наукові записки з української історії: збірник наукових статей. Переяслав-Хмельницький, 2009. Вип. 22. С. 74–81.
9. Голяченко О., Гапіткевич Я. Історія медицини... С. 230.
10. Коцур Н. Наукові основи становлення і розвитку гігієни в Україні (XIX століття)...
11. Де ля Фліз Д.П. Альбоми. Київ, 1996. Т. 1. С. 244.
12. Голяченко О., Гапіткевич Я. Історія медицини... С. 248.
13. Казьмирчук М.Г. Соціально-економічний розвиток Київської губернії (1861–1917 рр.). Київ, 2011. С. 399.
14. ЦГИАК. Ф. 442. Оп. 1. Д. 1609. Л. 12.
15. ЦГИАК. Ф. 442. Оп. 68. Д. 4. Л. 122.
16. ЦГИАК. Ф. 442. Оп. 78. Д. 45. Л. 23.
17. ЦГИАК. Ф. 533. Оп. 3. Д. 668. Л. 14.
18. ЦГИАК. Ф. 442. Оп. 58. Д. 55. Л. 70.

19. ЦГИАК. Ф. 442. Оп. 77. Д. 22. Л. 42.
20. Российский государственный исторический архив. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 56. Л. 248.
21. Казьмирчук М.Г. Соціально-економічний розвиток Київської губернії (1861–1917 рр.)... С. 399.
22. ЦГИАК. Ф. 533. Оп. 1. Д. 783. Л. 38.
23. ЦГИАК. Ф. 442. Оп. 1. Д. 2929. Л. 15.
24. ЦГИАК. Ф. 442. Оп. 1. Д. 5967. Л. 47.
25. ЦГИАК. Ф. 533. Оп. 3. Д. 327. Л. 45.
26. ЦГИАК. Ф. 533. Оп. 2. Д. 630. Л. 88.
27. Казьмирчук М.Г. Соціально-економічний розвиток Київської губернії (1861–1917 рр.)... С. 399.

References:

1. Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv v g. Kieve (dalee – TsGIAK). F. 442. Op. 72. D. 444. L. 116.
2. TsGIAK. F. 707. Op. 8. D. 329. L. 120.
3. TsGIAK. F. 442. Op. 1. D. 474. L. 118.
4. TsGIAK. F. 442. Op. 83. D. 287. L. 12.
5. Golyachenko O., Gapitkevich Ya. Istoriya meditsini. Ternopil', 2004. S. 248.
6. Golyachenko O., Gapitkevich Ya. Istoriya meditsini... S. 248.
7. Onishchenko O. 160 rokiv Natsional'nomu medichnomu universitetu imeni O.O. Bogomol'tsya. Kiiiv, 2001. S. 366.
8. Kotsur N. Naukovi osnovi stanovlennya i rozvitku gigieni v Ukraini (19 stolittya) // Naukovi zapiski z ukrains'koy istorii: zbirnik naukovikh statey. Pereyaslav-Khmel'nits'kiy, 2009. Vip. 22. S. 74–81.
9. Golyachenko O., Gapitkevich Ya. Istoriya meditsini... S. 230.
10. Kotsur N. Naukovi osnovi stanovlennya i rozvitku gigieni v Ukraini (19 stolittya)...
11. De Iya Fliz D.P. Al'bomi. Kiiiv, 1996. T. 1. S. 244.
12. Golyachenko O., Gapitkevich Ya. Istoriya meditsini... S. 248.
13. Kaz'mirchuk M.G. Sotsial'no-ekonomichniy rozvitok Kiiiv'skoy gubernii (1861–1917 rr.). Kiiiv, 2011. S. 399.
14. TsGIAK. F. 442. Op. 1. D. 1609. L. 12.
15. TsGIAK. F. 442. Op. 68. D. 4. L. 122.
16. TsGIAK. F. 442. Op. 78. D. 45. L. 23.
17. TsGIAK. F. 533. Op. 3. D. 668. L. 14.
18. TsGIAK. F. 442. Op. 58. D. 55. L. 70.
19. TsGIAK. F. 442. Op. 77. D. 22. L. 42.
20. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. F. 1281. Op. 11. D. 56. L. 248.
21. Kaz'mirchuk M.G. Sotsial'no-ekonomichniy rozvitok Kiiiv'skoy gubernii (1861–1917 rr.)... S. 399.
22. TsGIAK. F. 533. Op. 1. D. 783. L. 38.
23. TsGIAK. F. 442. Op. 1. D. 2929. L. 15.
24. TsGIAK. F. 442. Op. 1. D. 5967. L. 47.
25. TsGIAK. F. 533. Op. 3. D. 327. L. 45.
26. TsGIAK. F. 533. Op. 2. D. 630. L. 88.
27. Kaz'mirchuk M.G. Sotsial'no-ekonomichniy rozvitok Kiiiv'skoy gubernii (1861–1917 rr.)... S. 399.

УДК 94:614,2(477.41).1800/1850

**Сеть учреждений охраны здоровья и социальное обеспечение населения
Киевской губернии в первой половине XIX в.**

Андрей Игоревич Черепанов

Переяслав-Хмельницкий государственный педагогический университет
имени Григория Сковороды, Украина
08401, г. Переяслав-Хмельницкий, Киевская область
улица Сухомлинского, 30
E-mail: korban.a@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализирована история становления медицины и социального обеспечения Киевской губернии в первой половине XIX в. Данная тема является важной и актуальной, ведь вопросы развития медицины и защиты социального обеспечения на Украине остро стоят и в настоящее время. В статье предпринята попытка, используя архивные документы и материалы, научные публикации, комплексно проанализировать процесс развития, организации и деятельности медицинских учреждений Киевской губернии данного периода.

Ключевые слова: уездные врачи, медицинская полиция, социальное обеспечение, Киевская губерния.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 14, Is. 2, pp. 94–107, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.14.94
www.ejournal15.com

UDC 947

Kazakomanstvo. Don Case (the 1860s). Part II

Alexey A. Volvenko

Taganrog Institute Named after A.P. Chekhov (Branch of the Rostov State University of Economics (RINH)), Russian Federation
46, Initsiativnaya Street, Taganrog, Rostov Region, 347936
PhD (History)
E-mail: avolvenko@mail.ru

Abstract

The article analyzes the published debate in “The Don Army Sheets” mainly on topical issues of social, economic and political development of the Don Host in the early 1860s.

Keywords: Don army sheets, printing debate, the Krasnovs, “the Ust-Medveditsky nobleman” (I.S. Ulyanov), “kazakoman”.

Обсуждение и результаты

В самом начале 1863 г. военный министр Д.А. Милютин в конфиденциальном письме сообщил войсковому наказному атаману (далее – в.н.а.) П.Х. Граббе о том, что информация о непростой ситуации на Дону, которая «может иметь... последствия», дошла лично до Александра II. Доложил ее сам министр, основываясь на своей «полной убежденности и уверенности» в существовании на Дону «везде (если не всюду) вредной... интриги», а также на том, что «не найдется ни одного приезжего с Дона, не принадлежащего к известной партии» [1]. Уже через месяц Д.А. Милютин в очередном письме к П.Х. Граббе писал теперь уже об озабоченности императора состоянием дел в местной печати:

«...На Дону издается секретная рукописная газета “Будильник”, которая сначала имела направление сатирическое... а потом стала выражением мнения людей, мечтающих о невозможном восстановлении донской старины, восстающих против всяких, очевидно, клонящихся к народному благу нововведений и развивающих ненависть к правительству и ко всему русскому. Эта же партия людей сделала своим органом и официальную донскую газету, не допускает в печать никакие мнения, не подходящие к образу ее мыслей, едко нападает на все появляющиеся в других периодических изданиях такие же статьи о Донском войске, искажая смысл их самым недобросовестным образом, и вообще стремится к тому, чтобы посредством официальной газеты овладеть общественным мнением на Дону и управлять им по своему произволу и для своих целей» [2].

В этом же письме Милютин потребовал от Граббе немедленного прекращения издания «Будильника» и принятия мер к тому, чтобы «официальная донская газета не была органом какой-либо партии». Нельзя не заметить определенную взаимосвязь между этим посланием и письмом С.С. Робуша к бывшему в.н.а. М.Г. Хомутову. Дело в том, что мнение Робуша с рекомендацией «посоветовать бы кому-нибудь» (см.: [3]) – это не просто мнение лица, как

он сам выразился, «далекого от всех здешних вопросов». В начале 1862 г. Робуш еще числился цензором «Донских войсковых ведомостей»¹ [4], имея среди некоторых представителей новочеркасского общества, по крайней мере А.А. Карасева, репутацию доносчика, к тому же близко вхожего в хомутовское семейство [5]. Таким образом, оценка Робушем состояния донской печати является вполне компетентной и вызывающей доверие у бывшего атамана. М.Г. Хомутов уже в качестве члена Государственного совета, очевидно, мог превратиться в «эксперта» по донским делам, думается, что к его информации и советам должны были прислушиваться или принимать их во внимание не только в Военном министерстве, но и при дворе. В любом случае, даже если наше предположение о взаимосвязи сообщения Робуша и осведомленности Александра II о «вредном» направлении донских газет неверно, из письма военного министра к П.Х. Граббе видно, что после удаления А.М. Дондукова-Корсакова с Дона главные усилия правительства были направлены на купирование проявившегося казацкого недовольства и негативного общественного мнения, ставших заметной проблемой для центральных властей.

Упоминание рукописной газеты «Будильник», пожалуй, самый трудный для объяснения пункт письма. Об этой газете до сих пор известно немного, каких-либо ее остатков, оригиналов или копий мы не обнаружили. Единственным источником, на основе которого можно получить хоть какое-то представление об этом издании, являются воспоминания все того же А.А. Карасева. Он утверждал, что «Будильник» распространялся в Новочеркасске в 1860 г. в количестве 5–6 штук «в виде тетрадок». Газета присылалась по почте «от времени до времени, в продолжение года», «из разных мест», «на имя лиц, отличавшихся особенными способностями в деле распространения всяких новостей, а пикантных наипаче» [6–7]. Неясно, кому принадлежала идея «издания» газеты и кто являлся ее автором (авторами). В начале 1860-х гг. М.Г. Хомутов выдвинул предположение, что в выпуске «Будильника» был задействован А.А. Карасев. Но последний категорически отмел эти подозрения, сделав спустя годы очень туманный намек по этому поводу в сторону А.А. Корсуна, одного из авторов сатирических статей о Хомутове.

А.А. Корсун (Корсунов) в 1840-х гг. занимался переводческой и издательской деятельностью, интересуясь малорусским языком и литературой. После окончания юридического факультета Харьковского университета А.А. Корсун служил на Кавказе чиновником по особым поручениям при дербентском губернаторе, не оставляя литературные увлечения. В 1860 г. он получил отцовское наследство в селе Богдановская-Антиповка (Ростовский-на-Дону уезд) недалеко от Таганрога и прочно «осел» на Дону [8]. Мы уже упоминали со ссылкой на Карасева об «антикоррупционной» направленности статей «Будильника». Также со слов Карасева, рукописные публикации газеты «доводили атаманшу [Е.М. Хомутову. – А.В.] до болезненных припадков, заставлявших ее ложиться в постель. Атаман тоже тревожился...» [9]. С учетом всего вышперечисленного, было бы весьма заманчиво увязать появление «Будильника» с приездом на Дон А.А. Корсуна – юриста и литератора, бывшего «кавказца», проживающего за пределами Земли Войска Донского (далее – ЗВД), но рядом с Новочеркасском, да еще и увидеть в этом «руку» А.М. Дондукова-Корсакова, тоже бывшего «кавказца», которому были выгодны статьи, обличающие «хомутовские» порядки. Однако даже косвенных доказательств этому мы не обнаружили, как собственно не обнаружили и свидетельств издания «Будильника» в 1861–1862 гг., тем более с политическим, «партийным» уклоном.

В таком случае возникает вопрос – почему «Будильник» оказался упомянутым в милютинском письме начала 1863 г.? Объяснений этому факту может быть много, мы же сделаем акцент на специальном, как нам кажется, привлечении Д.А. Милютиним информации о «Будильнике» (вопрос о проверке ее достоверности остается открытым) для того, чтобы создать впечатление о публичной, печатной полемике на Дону не как о случайном явлении, а как о закономерном результате наметившейся тенденции порицания власти и ее действий со стороны определенной части донского общества. Такой акцент в письме призван был убедить П.Х. Граббе отнестись со всей серьезностью к ситуации в донской печати, т.к. ранее по отношению к Дондукову-Корсакову атаман продемонстрировал, с точки зрения военного министра, неоправданную лояльность. Каким

¹ С 1856 г.

образом ответил П.Х. Граббе на письмо Милютин, какова была его аргументация, узнаем чуть позже.

А пока, руководствуясь несложной логикой милютинского послания, согласно которой авторы ведомостей, явно доминирующие на ее страницах, как раз и образуют некую «партию», попытаемся установить тех, кто «мечтал о невозможном восстановлении донской старины», а затем реконструировать их идейные представления. Однако сначала несколько слов уделим непосредственно «Донским войсковым ведомостям» (далее – ДВВ). Газета выходила в Новочеркасске с 1839 г. и являлась типичным местным изданием, аналогичным губернским ведомостям. С 1852 г. к ней добавилась неофициальная часть, с периодичностью издания – 1 раз в неделю. Наблюдение Е.Е. Шуруповой о том, что «на протяжении 40–60-х гг. XIX в. программа губернских ведомостей изменялась, реагируя на характер читательских запросов, направленность интересов самой редакции и кураторов газеты, уровень сформированности круга авторов публикаций», вполне можно распространить и на донские ведомости [10]. Так, в 1850-х гг. в неофициальной части ДВВ основное внимание уделялось местной истории, археологии и этнографии, т.е. темам, специально оговоренным в программе для губернских газет 1845 г. Нам также представляется убедительным мнение Сьюзан Смит-Питер о том, что к середине XIX в. ведомости «превратились в платформу, на которой обсуждались нужды губерний или, по крайней мере, их жизнь», а развитие провинциальных газет «стало определяться не центром, а губерниями» [11]. Такую точку зрения признать верной в отношении к ДВВ позволяет даже самый поверхностный анализ статей донской газеты за 1850–1860-е гг. Круг же потенциальных читателей ДВВ был невелик, на 1862 г. ведомости насчитывали 167 обязательных подписчиков и только 40 частных [12], что также отражает общую тенденцию развития губернских ведомостей [13]. Однако уровень читательской активности на Дону, в том числе количество выписываемых донскими жителями иных периодических изданий, как считает В.Н. Королев, был высок, особенно по сравнению с другими городами и территориями империи [14]. Среди тех, на кого опирался В.Н. Королев в своей оценке, был известный на Дону в середине XIX в. учитель, писатель и журналист А.Г. Филонов, который живописно утверждал в конце 1850-х гг.: «Ежедневные опыты убедят каждого, что любовь к чтению, жажда знания развиты у нас. “Почитаться” кто не хочет? Спросите: кто, имея лишний грош, не выписывает в Новочеркасске газет и журналов? Не недостаток, а излишество в периодической литературе заметите вы. Если бы сделать литературно-полицейский осмотр по Новочеркаску, то можно найти в домах жителей его все русские периодические издания, начиная от “Воскресного чтения” до “Весельчака”... есть дома, где по пяти и более выписывается журналов и газет» [15].

Несмотря на то что по законодательству функции редактора провинциальных ведомостей сводились почти исключительно к административным, тем не менее, благодаря формированию программы неофициальной части и подбору корреспондентов, именно редактор задавал тон газете, определяющий в итоге ее роль в обществе. В июне 1861 г. редактором ДВВ и ее неофициальной части становится И.П. Прянишников. В биографической книге «Донцы XIX века» (1907) ее авторы-составители охарактеризовали И.П. Прянишникову как «честного упряма-казакомана» [16]. Кого сменил Прянишников и, главное, по чьей протекции он получил место редактора – на данный момент выяснить не удалось. Не изобилует подробностями и его биография. Известно, что он родился в 1836 г. в семье простого казака новочеркасской станицы. Учился в местной гимназии, по ее окончании в 1853 г. Иван Павлович подал документы в Харьковский университет на юридический факультет, но поступил не сразу, поэтому примерно полтора года работал учителем истории в Аксайском окружном училище. Получив университетское образование, Прянишников возвращается на Дон. С 1859 г. по 1861 г. он числился младшим учителем русского языка и географии в новочеркасской гимназии, а в 25-летнем возрасте поменял педагогическую деятельность на редакторское поприще, на котором и находился до 1864 г. включительно. Прожил И.П. Прянишников недолго и в январе 1868 г. скоропостижно скончался. В небольшой статье, посвященной И.П. Прянишникову в упомянутой книге «Донцы XIX века», ее авторы (автор?) делают акцент на времени прихода своего героя в ДВВ и на специфических чертах его характера. В их изображении начало 1860-х гг. на Дону представляется периодом, в котором «местное интеллигентное общество» волновалось из-за

планов правительства реформировать казачество, и «не было буквально ни одного образованного человека, который в этих вопросах оставался бы равнодушным зрителем», а «большинство, и притом большое, стояло за сохранение казачьего *status quo* в самых мельчайших подробностях» [17]. Сам же И.П. Прянишников уже в должности редактора «при обсуждении жгучих вопросов, не шел ни на какие компромиссы», особенно выступая «против допущения продажи донских имений иногородним лицам». И хотя новый редактор «не отличался какими-либо особенными талантами», но принадлежал «к ряду людей истинно цельных», «обладая большой силой воли», что, однако, не мешало ему проявлять «излишнюю долю самоуверенности, бестактности, даже нетерпимости» [18].

Эти человеческие качества и/или поддержка со стороны войсковой администрации позволили Прянишникову повысить «показатели» газеты. По сведениям А.К. Ленинова, впрочем требующим проверки, уже через год после прихода нового редактора тираж ДВВ «вырос до 1600 экз. по подписке, не говоря о частной продаже» [19]. Совершенно точно можно утверждать, что с 1860 г. по 1864 г. количество статей, публикуемых в неофициальной части (не считая метеорологических наблюдений), постоянно увеличивалось¹. Это, безусловно, стоит вменить в заслугу Прянишникову, не забывая и о влиянии на динамичное развитие газеты общественно-политического подъема, связанного с отменой крепостного права и деятельностью местного комитета по пересмотру войскового положения.

Условия сотрудничества с ДВВ, вероятно, были такими же простыми, как и в губернских газетах: в подавляющем большинстве случаев гонорар авторам не выплачивался. Библиографические указатели статей, помещенных в неофициальной части ДВВ, дают исчерпывающее представление о корреспондентах газеты [20–21]. Мы проанализировали выходные данные публикаций как дореформенного периода, так и статей, вышедших с 1861 г. по 1864 г., для того чтобы выявить наиболее популярных авторов газеты. С 1852 г. по 1860 г. на страницах ДВВ явно преобладали (по числу статей) А. Филонов – 15, М. Сенюткин – 15, М. Себряков – 12, И. Ульянов – 10, А. Леонов – 9, А. Попов – 5, Г. Левицкий – 4, В. Пудавов – 3, И. Краснов – 2 и пр. В период редакторства Прянишникова с 1861 г. по 1864 г. состав корреспондентов меняется, значительно увеличивается количество авторов, подписывающихся псевдонимами, по-прежнему публикуются А. Леонов – 6, Г. Левицкий – 4, И. Краснов – 2; среди «новых» авторов чаще всего встречаются А. Карасев – 5, Н. Краснов – 5, Х. Попов – 4, «-ов» – 4, А. Поляков – 2 и пр. За каждой упомянутой фамилией скрывается своя история, в той или иной мере уже исследованная, которая дает представление о причинах начала или прекращения сотрудничества с газетой, о тематических предпочтениях местных «журналистов», используемых ими псевдонимах и т.д. К некоторым из них мы присмотримся более внимательно чуть позже. Сейчас же нам важнее количественные показатели, которые противоречат логике милютинского послания, т.к. явного доминирования какого-то круга корреспондентов на страницах ДВВ с 1861 г. по 1864 г. нет.

Таким образом, информацию военного министра, скорее, следует соотнести с жесткой редакторской политикой в этот период, благодаря которой идеи, разделяемые Прянишниковым, вероятно, находили большее отражение в статьях разных авторов, еще и неодинаково концентрированных в тот или иной год (месяцы) выпуска газеты. О такой концентрации как раз и говорится в статье «Письма с Дона», помещенной в 4-м номере «Русского инвалида» за 1863 г. Ее автор – «К.», в котором угадывается И.И. Краснов (о нем подробнее ниже), утверждал, что на Дону некие «партизаны замкнутости» «наводнили местные ведомости статьями, прославляющие старые порядки, и препятствуют помещению в этой же газете статей иного направления». Эти обвинения сравнительно быстро были опровергнуты редакцией донских ведомостей [22]. А тот же И. Краснов еще до опровержения смог опубликовать в № 1 и 4 ДВВ за 1863 г. «Замечания на статью г. “-ова” (о станичном управлении)», с критикой предложений, высказанных «-овым» по поводу разрабатываемого местным комитетом по пересмотру войскового положения проекта

¹ Количество статей по социально-экономическим и общественно-политическим вопросам в ДВВ по годам: 1860 г. – 20; 1861 г. – 27; 1862 г. – 36; 1863 г. – 61; 1864 г. – 132 (подсчет автора).

о станичном управлении. Этой ситуации определенную пикантность придает то обстоятельство, что «-овым» подписывался сам И. Прянишников...

Однако подведем промежуточный итог. Очевидно, что простой «механический», основанный на количественных данных подход, к определению авторов, «мечтающих о невозможном восстановлении донской старины», в нашем случае не работает. Только конкретный анализ идейного содержания статей ДВВ начала 1860-х гг. позволит сгруппировать их авторов по отношению к планируемым или проводимым преобразованиям в казачьих войсках, спорным страницам донской истории и пр. и обнаружить их «партийные» предпочтения. Начать же такой анализ, казалось бы, необходимо с самого Прянишникова. Но «бескомпромиссный» редактор не оставил после себя каких-либо значимых и глубоких статей. Уверенно можно только утверждать, что Прянишников выступал за широкое станичное самоуправление, инициировав обсуждение в ДВВ проекта нового станичного управления, подготовленного комитетом по пересмотру войскового положения, а также неоднократно высказывался против продажи войсковой земли иногородним. И только в некоторых его цитатах особо впечатлительный современный читатель при определенном ракурсе найдет элементы колониального дискурса [23–24].

Также напрашивается разбор статьи, которая стала главным пунктом письма С.С. Робуша к М.Г. Хомутову. Напомним, что именно в этой статье бывший цензор донских ведомостей нашел «оскорбительный» тон в отношении иногородних, а также счел ее выразительным примером «захвата» местной газеты «ничтожной партией Дундукова». Действительно, в 4-м номере ДВВ за 1863 г. содержится статья «По поводу заметки г. Повсеместного», подписанная А. Поляковым декабрем 1862 г., и мы твердо убеждены, что именно ее имел в виду Робуш. Статья Полякова – это критический ответ на публикацию «г. Повсеместного»¹ в «Современной летописи»² [25]. Ничего «оскорбительного» в тексте Полякова мы не заметили. Он всего лишь задается вопросом: действительно ли донские помещики ради корыстных интересов (продажи земли иногородним) готовы поступиться «самобытностью существования войска». Правда, для Полякова это центральный вопрос, т.к., по его мнению, «допущение продажи земли иногородним последовательно и совершенно резонно ведет за собою продажу участков общественного (станичного) надела казаков, что в свою очередь тянет за собою пауперизм». В то же время он не рассматривает «военную службу [казака. – А.В.] как ремесло, да еще исключительное», и высказывает пожелание, «чтобы гражданственность развивалась у нас на существующих началах».

Почему же тогда Робуш выделил именно этого автора? Если идентифицировать «А. Полякова» как Алексея Федоровича Полякова (в начале 1860-х гг. адъютант, а затем чиновник особых поручений при начальнике войскового штаба) [26], в чем мы достаточно уверены, то наша версия пристрастности Робуша будет таковой. Он считал или догадывался, что авторство текста (текстов) Полякова может принадлежать в определенных долях его непосредственному начальнику А.М. Дондукову-Корсакову, который, пользуясь своим должностным положением и продолжая исполнять обязанности начальника штаба вплоть до февраля 1863 г., пытался донести таким образом свое мнение до общественности, разъясняя свою позицию по ключевым вопросам развития ЗВД. Следуя далее за логикой письма Робуша, получается, что большинство размещенного материала в местной газете до опубликования статьи Полякова идейно относится к т.н. «дундуковской партии». Рассмотреть же все статьи по общественным вопросам как до «поляковского» периода, так и после него не представляется возможным в рамках объема данной работы. Поэтому, возвращаясь к анонсированному выше анализу, мы сознательно выбрали только те статьи, риторика которых позволяет, на наш взгляд, распределить их авторов по ценностным предпочтениям. Поводом для публикаций таких статей в большинстве случаев становились те или иные знаковые события внутренней жизни ЗВД (особенно деятельность местного комитета по пересмотру войскового положения), а также критическая реакция на произведения идейных оппонентов как в самих ДВВ, так и в изданиях столичной печати.

¹ Под псевдонимом «г. Повсеместный» скрывался известный журналист П.С. Кораблев [27].

² До 1863 г. еженедельная газета при журнале «Русский вестник», затем стала воскресным прибавлением к знаменитым катковским «Московским ведомостям».

Главными «провоцирующими» статьями, на наш взгляд, являются 2 работы: «Рассмотрение вопроса о допущении иногородних в войско Донское», подписанная «Усть-Медведицким дворянином» 26 января 1862 г., но оказавшаяся в донских ведомостях только в конце июля [28] и «О народности в войске Донском» уже упомянутого генерала И.И. Краснова, опубликованная в апрельской книжке (№ 4) «Военного сборника» за 1862 г. Забегая несколько вперед, отметим, что авторы этих текстов продемонстрировали принципиально разное понимание роли иногородних в истории войска Донского и в перспективах развития ЗВД. Если же приглядеться к биографиям «Усть-Медведицкого дворянина» и И.И. Краснова более внимательно, то эта разница окажется в основе непреодолимого идейного противоречия по отношению к планируемым и проводимым правительством преобразованиям в казачьих войсках, которое в итоге разделит этих авторов и их сторонников по т.н. «партиям». По нашей версии, это размежевание станет важным, если не ключевым, фактором, повлиявшим как на последующие события, так и на их оценку современниками. Поэтому коротко пройдемся по значимым вехам из жизни предполагаемых «зачинщиков» печатных сражений.

Генерал-лейтенант Иван Иванович Краснов (1800–1871) – один из самых ярких представителей известного казачьего дворянского рода Красновых Хоперского округа. История этого рода описывается в объемном очерке В.Н. Королева [29]. Нашему герою он посвятил большую часть очерка, немного попав, как кажется, под влияние патетики некрологов «Русского инвалида» и «Военного сборника», т.к. в этих изданиях Краснов неоднократно печатался сам. Оставим без особых подробностей военную сторону биографии Краснова, отметив в ней лишь два важных обстоятельства. По роду службы, в том числе командуя лейб-гвардии Казачьим полком с 1843 по 1848 гг., Краснов неоднократно бывал, а также длительное время проживал в Санкт-Петербурге. Кроме того, он хорошо знал специфику казачьей службы. Краснов не являлся «кабинетным» генералом и принимал участие как в Кавказской войне, так и в Крымской кампании в должности «походного атамана донских казачьих полков». Имея «благородное» по донским меркам происхождение, Краснов получил хорошее образование. Личный дневник и воспоминания генерала свидетельствуют о том, что он владел иностранными языками (французским и немецким), неплохо знал философию и литературу, увлекался поэзией, интересовался искусством, играл на скрипке, флейте и фортепьяно. Как предполагает Королев, Иван Иванович через близкую дружбу с А.П. Чеботаревым (казачьим офицером, влиятельным чиновником Управления иррегулярных войск Военного министерства) познакомился со многими видными деятелями культуры своего времени. Генерал отличался «добродушием» и «щедрой благотворительностью», вокруг него, как правило, группировалась университетская молодежь, а сам он, «искренне преданный просвещению, употреблял все усилия и способы к развитию между казаками образования». Краснов считается одним из основателей донского Статистического комитета, а его историко-краеведческие и публицистические произведения, написанные преимущественно в 1850–1860-х гг., являются «классическими» в казачьей историографии.

Обильно цитируя часть этих работ, но, к сожалению, не подтверждая их сносками, Королев в своем очерке, по сути, транслирует красновский взгляд на донские события начала 1860-х гг. При таком ракурсе получается, что «донской сепаратизм» и намерение казаков устроить управление Доном подобно великому княжеству Финляндскому и царству Польскому «отыскали» в ЗВД «русские патриоты», которые из-за польского восстания 1863 г. стали подозрительно присматриваться к окраинам империи. Источником для подозрений оказались статьи в донских ведомостях, о которых, не конкретизируя, упоминает генерал и которые вызвали недовольство правительства. Королев пишет о том, что Краснов принял активное участие в борьбе двух «партий»: «местных патриотов» и «русофилов», причем на стороне последних. Вступил же он в борьбу своей статьей «О народности в войске Донском». Здесь неясно, выражал ли Королев свою точку зрения или доверился словам генерала. Для нас же это важный и принципиальный вопрос, потому что мы считаем, что Краснов сданной статьей не **вступил** в эту борьбу, а, скорее, **развязал** ее.

Ну и, пожалуй, главное. При характеристике своеобразных «партийных программ» Королев процитировал Краснова, который утверждал, что партия «гражданских» или

«отсталых» состояла из «приверженцев донской народности, донских патриотов или так называемых **казакоманов** [выделено нами. – А.В.]», а противостоящая им партия «военных» или «передовых» формировалась из «поборников сближения с русскими – прогрессистов или, иначе, русофилов» [30]. Данная цитата Королевым не была хронологически атрибутирована, однако это не помешало утвердиться в современной историографии мнению о том, что именно И.И. Краснов первым в литературе использовал слово «казакоман» [31].

Завершая краткий обзор биографии генерала Краснова, который, заметим, был крупным землевладельцем и, в общем-то, небедным человеком, нельзя не упомянуть о двух его сыновьях, причастных к описываемым в нашей статье событиям. Николай Иванович Краснов (1833–1900), не менее известный, чем его отец, донской генерал и писатель, в начале 1860-х гг., будучи штабс-капитаном и членом Императорского Русского географического общества, работал над книгой о ЗВД многотомной серии «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба». Книга была издана в 1863 г. в Санкт-Петербурге (допущена к печати цензором 11 февраля 1863 г.), т.е. весьма вероятно, что написание какой-то ее части происходило одновременно с подготовкой ключевой статьи И.И. Краснова. В книге довольно подробно освещается разразившаяся полемика среди донского дворянства по поводу преодоления или сохранения «замкнутого» состояния Войска Донского. Неизвестно, насколько близкими были отношения между отцом и сыном, особенно в реализации творческих планов. Однако, если учесть факт использования Н.И. Красновым в своей книге (с его же слов) историко-этнографических материалов отца, идейную близость других текстов И.И. и Н.И. Красновых, а также умелое распоряжение последним отцовским архивом, думается, можно уверенно предположить согласованность их взглядов по наиболее важным и дискуссионным вопросам книги. Вот так, например, Н.И. Краснов детализирует позиции спорящих сторон:

«Большая часть помещиков и тех из дворян, которые кончили образование в столицах, считают необходимым прием иногородних, полагая, что эти последние могли бы своими капиталами разработать те дары природы, которые в земле донских казаков столько времени не имеют движения, как от недостатка рук, занятых военной службою, так и от бедности в капиталах по слабому развитию промышленности. Они считают возможным заменить настоящую воинскую повинность казаков другою системою... Другая сторона... с идеею замкнутости, стремится оставить *statu quo*, боясь, что с изменением службы падет и само казачество. Она находит, что прием иногородних будет вреден в том отношении, что они разберут землю по клочкам, а население вследствие этого обеднеет и в донской земле... проявится пролетариат... Вообще эта сторона боится уничтожения поземельных и других прав казаков» [32].

А в этих словах Н.И. Краснова содержится его собственное отношение к дискуссиям и к идеям оппонентов: «Принимая в соображения чувства национальности, любви к родине, которая говорит так сильно в казаках, нельзя, однако ж, не сознаться, что права и привилегии донского населения не приносят общей пользы... В защиту свою эти поклонники [идеи замкнутости. – А.В.] могут выставить только желание всех коммунистов – равномерное распределение угодий между членами известной ассоциации... Полная собственность помещиков на свои земли – необходима и для благосостояния всей донской области... Нужно очистить его [“Тихий Дон”. – А.В.] от тех стеснений, которые, оставшись в силу донских прав и привилегий, уподобляют Донскую область Японии и Китаю» [33].

В 1861–1862 гг. Н.И. Краснов размещал в донских ведомостях некоторые главы своего труда, в основном статистического характера [34–35]. После издания книги он перестал публиковаться на страницах местной печати, в отличие от своего старшего брата Михаила Краснова, который непосредственно ввязался в газетные баталии. М.И. Краснов (1828–1908) имел юридическое образование, окончил Императорское училище правоведения в Санкт-Петербурге. Его чиновная карьера развивалась преимущественно в гражданской сфере (дослужился до действительного статского советника). В 1860-х гг. М.И. Краснов входил в состав Войскового по крестьянским делам присутствия. В 80–90-х гг. XIX в. активно участвовал в общественно-политической жизни Дона, с 1890 г. являлся редактором газеты «Таганрогский вестник». М. Краснов был женат на дочери состоятельного донского землевладельца полковника А.К. Мелихова, который первым вступил в газетную полемику

с «Усть-Медведицким дворянином». М. Краснов поддержал своего тестя, опубликовав в донских ведомостях свой ответ на статью «Усть-Медведицкого дворянина», в котором сделал упор на правовых аспектах продажи земли иногородним. Причем в этих действиях М. Краснова В.Н. Королев усмотрел (явно при помощи современников своего героя) имущественный интерес, связанный с перспективами добычи угля в одном из имений его жены [36].

Наконец, уделим внимание тому, кто скрывался под псевдонимом «Усть-Медведицкий дворянин». У нас нет абсолютной уверенности, что человек, о котором пойдет речь ниже, подписывался именно этим псевдонимом. Такое допущение в отношении одного из главных «подозреваемых», конечно, делает менее точным наш исследовательский взгляд на донские события начала 1860-х гг. Тем не менее некоторые косвенные сведения дают веские основания предположить, что «Усть-Медведицким дворянином» являлся известный донской генерал и общественный деятель И.С. Ульянов (1803–1874). Современному историку О.М. Морозовой принадлежит интересный по подбору материала очерк, посвященный И.С. Ульянову [37]. Из него мы можем узнать, что Иван Самойлович был родом из небогатой казачьей дворянской семьи Усть-Медведицкого округа, из среды «казачьего офицерства средних чинов». Образование Ульянова ограничивалось полученным в юности умением «читать и писать», однако это не помешало ему превратиться к середине XIX в. в маститого краеведа и публициста, а также оставить после себя значительное эпистолярное наследие. Военная карьера Ульянова развивалась в основном по штабной линии, в 1830–1831 гг. прерванной пленением восставшими поляками. Военную службу Ульянов оканчивает полковником в должности командира казачьего полка. С 1845 по 1854 гг. по выборам дворянства он занимает различные посты в системе гражданского управления Войска Донского, заслужив «репутацию честного человека». Ульянов был женат на Т.И. Карасевой, происходившей из казачьей мелкопоместной семьи, родным племянником которой являлся неоднократно упомянутый нами А.А. Карасев. Именно он напишет первую биографическую заметку об И.С. Ульянове, охарактеризовав его как «“казакомана” в полном смысле этого слова» [38]. Одним из центральных сюжетов повествования О.М. Морозовой является многолетняя дружба между И.С. Ульяновым и И.И. Красновым, свидетельством которой служит их сохранившаяся личная переписка. Анализ писем генералов позволил О.М. Морозовой сделать выводы о содержании и эволюции их общественно-политических взглядов, имевших «определенное своеобразие в ощущении родины»; выяснить, что дружба, делящаяся с 1830-х гг., все же была «явно конъюнктурным союзом с обеих сторон» и что «полный разрыв отношений произошел в 1859 г. по вопросу о праве на недвижимость на войсковых землях». По мнению О.М. Морозовой, Ульянову «не нравилось, что в позиции Краснова было слишком много личного финансового интереса» [39]. Также она утверждает, что богатые донские помещики уличили Ульянова в казачьем сепаратизме, соглашаясь с этим обвинением, но с некоторой оговоркой.

Однако вернемся к анализу упомянутых выше статей. Начнем со статьи «Рассмотрение вопроса о допущении иногородних в войско Донское». Этой работе принадлежит первенство в озвучивании земельного вопроса в печатной форме с публичным изобличением корыстных интересов части донских помещиков. Как признается «Усть-Медведицкий дворянин» (Ульянов), взявшись за написание статьи его заставил земельный вопрос в ЗВД, актуализированный адресами донского дворянства. Весной 1861 г. в ходе выборов на должности в органы войскового и сословного управления часть дворян Хоперского округа (в их числе, надо полагать, находился и И.И. Краснов) подписала «акт... ходатайствующий о разрешении иногородним иметь в пределах войска вечную недвижимую собственность», тем самым выразив несогласие с ранее принятым адресом дворян Усть-Медведицкого округа, отказавшим иногородним в подобном праве.

Основное содержание статьи раскрывается через ответы на вопросы, предварительно сформулированные автором. На первый вопрос – «приносит ли государству войско Донское существенную пользу... или казаки анахронизм» – «Усть-Медведицкий дворянин» категорично утверждает: «приносит», отмечая, что взамен Войско Донское «ничего не требует от казны». Однако это обстоятельство, по его мнению, «не только не оценено, но и не понято». Более того, «на казаках, к сожалению, тяготеет мнение [так в тексте. – А.В.]

неблагоприятное... распространенное вследствие искажения исторических событий, непонимания свойства казаков, а подчас и недоброжелательства». На второй и третий вопросы – «не вредит ли полезности Войска удаление от него внешней границы России» и «есть ли в России войска, народы, племена, которые могут... заменить донское казачество», – «Усть-Медведицкий дворянин» дает почти лаконичный отрицательный ответ. По четвертому вопросу – «имели ли влияние на годность к военной службе и на гражданский быт казаков их права и особенные учреждения, а также есть ли какой смысл в сохранении этих прав и учреждений в настоящее время» – автор, напротив, высказывает положительный ответ, но, обосновывая его, пускается в более пространные рассуждения. Так, например, он говорит о «русском, даже преимущественно великорусском происхождении донских казаков», что «отчасти» доказывается их «верностью своей метрополии в лице ее самодержцев». Наконец, пятый вопрос – «есть ли общественная необходимость допускать в Войско иногородних и в какой мере полезна или вредна эта мера» – удостоивается самых объемных авторских разъяснений. «Усть-Медведицкий дворянин» последовательно подвергает жесткой критике основные положения адреса хоперского дворянства. Он категорически выражает свое несогласие суверенностью хоперских дворян в том, что после расширения прав иногородних, в том числе распространяющихся и на покупку войсковой земли, «благосостояние края не только не уменьшится, но станет быстро возрастать». Автор статьи предпочитает видеть в «действиях сочинителей акта одни мелкие расчеты из-за частных выгод, в жертву которых приносятся древние права народа». Такое почти обвинение «Усть-Медведицкий дворянин» основывает на заключительных словах хоперского адреса, в которых требование о предоставлении помещикам полного права собственности на имения прямо увязывается с их «не принуждением продавать свои земли только одним туземцам».

Нетрудно увидеть идейную близость текста «Усть-Медведицкого дворянина», записки Дондукова-Корсакова, особенно в части, посвященной земельным отношениям и иногородним, а также статьи А. Полякова. О существовании какой-либо другой взаимосвязи между авторами (близкое знакомство или дружеские отношения) можно лишь строить предположения. Так же, как и отнести в область догадок причины желания И.С. Ульянова скрыться под псевдонимом «Усть-Медведицкий дворянин».

Перед тем как перейти к обзору публикации первого оппонента «Усть-Медведицкого дворянина», а именно к статье А. Мелихова «О продаже земли иногородним» [40], напомним, на фоне каких событий появились данные работы. Летом 1862 г. в.н.а. М.Г. Хомутов оставляет ЗВД, управление краем временно переходит к А.М. Дондукову-Корсакову. Войсковая администрация получает от Военного министерства на рассмотрение план радикальных реформ среди казачества, информация о нем просачивается в станицы, казачье недовольство переходит в публичную сферу. И только с назначением в.н.а. П.Х. Граббе и отставкой А.М. Дондукова-Корсакова осенью 1862 г. общественно-политическая ситуация на Дону стабилизируется.

Итак, статья Мелихова не содержит прямой критики идей «Усть-Медведицкого дворянина». Только внимательный читатель, знакомый с контекстом развития земельного вопроса на Дону, может заметить в ней присутствие «духа противостояния». Значительная часть статьи – это краткий пересказ Мелиховым своей же записки, которую он составил 6 февраля 1862 г. и «без подписи» передал на рассмотрение в.н.а. М.Г. Хомутова. В записке Мелихов предлагает предоставить донским землевладельцам право полного распоряжения землею, в том числе продажи ее иногородним. Свою инициативу автор обосновывает следующими выразительными словами:

«Нынешнее состояние хозяйств на Дону неудовлетворительно... Устранить же это затруднение в настоящее время ничем иным нельзя, как устройством хозяйства на вольнонаемном труде, но для этого прежде всего нужны деньги, и, чтобы иметь их, необходимо или заложить имение, или часть его продать (многие имения уже заложены), а покупателями выступают только донские чиновники, которые, не имея капиталов, все более или менее владеют землею и покупать ее им нет особенной надобности, то при отсутствии конкуренции иногородних покупателей и при монополии донских... имения уйдут за бесценок и помещики останутся “без всяких средств к жизни”».

Предложения Мелихова не были поддержаны его коллегами в Войсковом по крестьянским делам присутствии, а также в.н.а. Хомутовым, который, узнав о таком отрицательном заключении, не передал записку в Военное министерство на дальнейшее рассмотрение. Мелихов не упоминает о степени известности своей записки за стенами войсковой администрации, но пишет о появлении в июле 1862 г. «ответной записки без подписи, ходившей по рукам». Эта записка была направлена против иногородних в ЗВД и в ней проводилась мысль о том, что «земля на Дону принадлежит казакам всех званий без различий; она куплена ценою крови предков их и укреплена царскими грамотами в вечную собственность казаков». Далее в статье Мелихов оправдывает свою позицию, попутно упрекая «мелкопоместных и беспоместных служащих в Черкасске» в том, что они при существующем порядке «могут купить [земли. – А.В.] за бесценок». Он утверждает, что если бы вопрос об иногородних был поднят на общем дворянском собрании, «то можно было бы не сомневаться, на какой стороне будет большинство». Наконец, по мнению Мелихова, автор записки просто «завидует» богатым помещикам и хочет их «разорения».

Более объемное обоснование прав донских землевладельцев с одновременной критикой идей «Усть-Медведицкого дворянина» было предпринято зятем Мелихова М. Красновым в статье с характерным названием «О поземельной замкнутости на Дону (ответ Усть-Медведицкому дворянину)». Эта работа была опубликована в ДВВ в марте–апреле 1863 г. [41], т.е. уже после получения в.н.а. П.Х. Граббе от Д.А. Милютина упомянутого ранее письма, предупреждающего о захвате местной газеты «людьми, развивающими ненависть к правительству и ко всему русскому». М. Краснов главный упор делает на разъяснении неприкосновенности права частной собственности и незыблемости «законов политической экономии». Он глубоко убежден, что «право собственности, обеспеченное и свободное от всяких стеснений, само в состоянии исправить, а у нас отвратить те бедствия, против которых бессильны все попытки коммунизма». Краснов рисует такую захватывающую дух картину реализации на Дону классических принципов экономического либерализма с монетаристским привкусом и популистскими красками, что она достойна обильного цитирования:

«По вопросу, какого рода благосостояние разовьется на Дону... с иногородними, ответим: всякого рода, какое согласно с условиями свободного развития края. В каждой местности процветут те именно промыслы, какие ей свойственны... У нас мало денег и рук, чтобы разработать свои богатства. С допущением иногородних с их деньгами этот порядок изменится. Деньги и труд оплодотворят самые бесплодные земли. На Дону явятся свои машины и фабрики. Казаки купят дешево, что им нужно, и с выгодами станут торговать такими произведениями своей земли, которые теперь не имеют сбыта. Зарабатывая много, казак будет лучше снаряжен на службу. Будет ему, из каких источников воспитать детей своих. Пример оборотливых капиталистов не останется без влияния, и из донских жителей хорошие хозяева, променявши часть своей земли на деньги, на остальной улучшат свое хозяйство; другие же, к сельским трудам неспособные, разделившись выгодно со своей землей, найдут лучшее поприще по своим способностям... Да и жители других губерний, не отталкиваемые больше Китайской стеной, лучше на нас будут смотреть – уже не как на касту униженную, которая кичится лишь своим отчуждением; самое же звание казака будет по заслугам более уважено».

При всем доминировании в статье правовых и экономических дефиниций М. Краснов как бы вскользь дает и политическую оценку идеям своего оппонента: «Замкнутость... – это стеснение, нам навязанное прежними политиками, чтобы держать Донцов в черном теле»; «Заботясь о чистокровности “казачьей расы”, наш противник забывает...»; «Противник наш вооружается на нас за то одно, что мы считаем всех Русских соотечественниками». Таким образом, потенциальный читатель статьи М. Краснова вполне мог бы сделать следующий вывод об «Усть-Медведицком дворянине». Он не идет в ногу со временем, неграмотен в правовом плане, не разбирается в действии экономических законов, но разделяет принципы «коммунизма», ставит себя выше русских и тем более иногородних, относя происхождение казаков к отдельной «расе». Досталось «Усть-Медведицкому дворянину» и от столичной прессы. Упомянутый нами журналист «Современной летописи» «г. Повсеместный» в специальном разделе газеты «Что делается в губерниях» [42]

критически отозвался на статью об иногородних, доказывая, что «едва ли благоразумно строить теперь вокруг себя Китайскую стену».

«Усть-Медведицкий дворянин» предпочел не заметить эту критику, за него в дискуссию с «г. Повсеместным» из-за его публикаций на донскую тематику вступились сам И. Прянишников и А. Поляков [43–45]. Он же сконцентрировался на ответах своим местным оппонентам, но успел разместить только одну статью «О продаже земли иногородним А. Мелихова» [46], вторая – против М. Краснова, так и осталась в незаконченном черновом виде [47]. Предпринятый «Усть-Медведицким дворянином» разбор идей А. Мелихова впечатляет своим сарказмом, эмоциональностью и в то же время изобилует примерами из истории земельного вопроса на Дону, ссылками на конкретные юридические нормы, закрепленные в «Положении о войске Донском» 1835 г. и в имперском законодательстве, регулирующие земельные отношения в ЗВД. В статье он называет противоположенную сторону «прогрессистами», сатирически обыгрывает ставшее популярным применительно к донскому краю выражение «Китайская стена» и как бы вскользь пишет о том, что «общественное мнение о казаках должно утвердиться на более сознательных основаниях». «Усть-Медведицкий дворянин» проливает свет на события, произошедшие несколькими месяцами ранее, а именно на факт распространения среди миусских помещиков окружным предводителем дворянства «послания близкого родственника г. Мелихова». В этом письме, как утверждает «Усть-Медведицкий дворянин», преподносилась «благоговейная уверенность в готовности [иногородних. – А.В.] раздавать деньги, кому сколько надо, и на уплату помещичьих долгов, и на заведение в расстроенных поместьях разных хозяйственных машин и улучшенных земледельческих орудий». Более того, он убежден, что «современность печатания статьи г. Мелихова и развозка послания его родственника [скорее всего, это М. Краснов. – А.В.] показывают их общую связь и артельную работу». И все же главными пунктами статьи «Усть-Медведицкого дворянина» являются доказательства того, что требование предоставить донским землевладельцам право продажи земли иногородним противоречит действующему законодательству, а сам Мелихов, еще будучи членом Комитета по улучшению быта крепостных крестьян (1858–1861), вышел за пределы компетенции комитета и не был никем уполномочен поднимать вопрос о правах иногородних в ЗВД. Это обстоятельство дало повод «Усть-Медведицкому дворянину» еще раз заявить, что в данном случае «дело идет о частных выгодах на счет общего добра». Вследствие чего он немалое количество гневных и обличительных слов обращает в сторону крупных донских землевладельцев. Вот их некоторые образчики:

«Что дано вам ни за что несколько тысяч десятин земли, да впридачу потомственно – и это еще мало?»; «Вам, большим панам-помещикам, весело там по гвардиям и столицам время проводить...»; «Что же мы будем платить вам мозолями, что ли, которые не сходят с наших рук? Да вы, г. М. и большая часть вздыхающих вместе с вами, иногда в 1 месяц, в 1 неделю, в 1 вечер потратите... денег для своего развлечения столько, сколько нашему брату в 10 лет не заработать кровавым потом»; «Когда в вашем распоряжении были и безграничные... земли, и даровой труд крестьян, вы не умели сводить концы с концами, а когда закончилось и то, и другое, вы, запасшиися на будущее время одною опытностью жить не по средствам, начинаете толковать об улучшениях»; «На землю помещики наши не приобрели никакого личного права, она дана им только по случаю обладания крестьянами».

«Усть-Медведицкому дворянину» помимо двух уже разобранных статей принадлежит еще одна работа, с критикой проекта о станичном управлении местного комитета по пересмотру войскового положения [48]. Мы не будем углубляться в ее содержание, но даже поверхностное ознакомление с ней позволяет сделать очевидный вывод о том, что И.С. Ульянова, скрывающегося под псевдонимом «Усть-Медведицкий дворянин», по крайней мере в печатном виде, волновали в основном хозяйственно-экономические вопросы, максимум же его «политических» притязаний ограничился отстаиванием принципа «сохранения прежних прав и учреждений казачества». Тем самым он разительно отличался от И.И. Краснова, который, как увидим далее в заключительной, третьей части нашей статьи, более активно апеллировал к истории, уделяя большее внимание общественно-политической тематике.

Примечания:

1. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 169. Карт. 52. Ед. хр. 1. Л. 11. Пропуски слов в данной цитате вынужденные, из-за неразборчивости почерка.
2. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 330. Оп. 7. Д. 109. Л. 1–10б.
3. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860s). Part I // Русская старина. 2015. № 1. С. 30.
4. Очерк истории новочеркасской войсковой гимназии. Новочеркасск, 1907. С. 174.
5. Донские картинки № 4. Из памятной книжки А.А. Карасева. Новочеркасск, 1908. С. 7.
6. А.К. Фельетон. Михаил Григорьевич Хомутов (воспоминания) // Приазовский край. 1893. № 300.
7. Карасев А.А. Атаманская чета (Из воспоминаний) // Исторический вестник. 1901. Т. 83. С. 599.
8. Волвенко А.А. Украинский «след» в донском казакманстве 1860-х гг. // Украинцы юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития. Ростов н/Д, 2013. С. 16–17.
9. Карасев А.А. Атаманская чета... С. 597.
10. Шурупова Е.Е. Губернские ведомости во второй половине XIX — начале XX в. (на материалах Архангельской губернии) // Провинциальная журналистика и жизнь Российской империи в XIX — начале XX в.: сборник научных статей. Петрозаводск, 2008. С. 53.
11. Смит-Питер С. Истоки губернских ведомостей: 1831 — начало 1850-х гг. // Провинциальная журналистика и жизнь Российской империи в XIX — начале XX в... С. 51.
12. РГВИА. Ф. 330. Оп. 6. Д. 148. Л. 20б., 93.
13. Шурупова Е.Е. Губернские ведомости во второй половине XIX — начале XX в... С. 59.
14. Королев В.Н. Библиотеки и чтение на Дону до 1861 г. // Донской временник. 2003. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m16/1/art.aspx?art_id=280 (дата обращения: 23.06.2015).
15. Филонов А. Очерки Дона. СПб., 1859. С. 63–64.
16. Донцы XIX века. Ростов н/Д, 2003. С. 420.
17. Донцы XIX века... С. 420.
18. Донцы XIX века... С. 419, 421
19. Ленивов А.К. Галерея казачьих писателей. Ч. 2. Нью-Йорк, 1970. С. 186.
20. Алфавитный указатель статей, помещенных в неофициальной части Донских областных ведомостей, с 1852 по 1876 год / сост. И.И. Струков. [Б.м.], 1876.
21. Штавдакер Л.А. Указатель статей неофициальной части «Донских войсковых ведомостей» за 1853, 1855 и 1863 годы. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m15/1/art.aspx?art_id=1151 (дата обращения: 23.06.2015).
22. От редакции // ДВВ. 1863. № 13.
23. -овъ. О станичном управлении // ДВВ. 1862. № 9.
24. -овъ. О станичном управлении: ответ г. Краснову // Донские войсковые ведомости. 1863. № 7.
25. Г. Повсеместный. Что делается в губерниях // Современная летопись. 1862. № 41.
26. Донцы XIX века... С. 386–387.
27. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1957. Т. 2. С. 367.
28. Усть-Медведицкий дворянин. Рассмотрение вопроса о допущении иногородних в войско Донское // ДВВ. 1862. № 30, 31, 32.
29. Королев В.Н. Старые Вешки: повествование о казаках. Ростов н/Д, 1991. С. 190–255.
30. Королев В.Н. Старые Вешки: повествование о казаках... С. 229.
31. Казачий Петербург. URL: <http://spbkazak.narod.ru/42.html> (дата обращения: 23.06.2015).
32. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. С. 231.
33. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России... С. 232, 439–440.
34. Краснов Н.И. Очерки из статистики войска Донского о климате и географическом положении Донской области // ДВВ. 1861. № 25–31.
35. Краснов Н.И. Исследование о каменноугольных породах на Дону (геолого-геогностический очерк земли войска Донского // ДВВ. 1862. № 6.
36. Королев В.Н. Старые Вешки: повествование о казаках... С. 250.
37. Морозова О.М. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов н/Д, 2011. С. 4–65.
38. Донцы XIX века... С. 481.
39. Морозова О.М. Цари, казаки, красные командиры... С. Ц1.
40. Мелихов А. О продаже земли иногородним // ДВВ. 1862. № 44, 45.

41. Краснов М. О поземельной замкнутости на Дону (ответ Усть-Медведицкому дворянину) // ДВВ. 1863. № 12, 13, 14.
42. Г. Повсеместный. Что делается в губерниях // Современная летопись. 1862. № 42.
43. Поляков А. О преобразованиях на Дону по поводу статьи «Голос с Дона», помещенной в №28 «Современной летописи» // ДВВ. 1862. № 35, 36.
44. Поляков А. По поводу заметки г. Повсеместного // ДВВ. 1863. №4.
45. -овъ. По поводу заметки г. Повсеместного (Современная летопись, 1862. №41) // ДВВ. 1863. №3.
46. Усть-Меведицкий дворянин. О продаже земли иногородним А. Мелихова (Дон. ведомости. 1862 г. номера 40 и 45) // ДВВ. 1863. № 15. 16 апреля; № 17. 30 апреля.
47. Королев В.Н. Старые Вешки: повествование о казаках... С. 250.
48. Усть-Медведицкий дворянин. О проекте станичного управления // ДВВ. 1863. № 1, 2.

References:

1. Otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki (dalee – OR RGB). F. 169. Kart. 52. Ed. khr. 1. L. 11. Propuski slov v dannoy tsitate vyzhdenyie, iz-za nerazborchivosti pocherka.
2. Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv (dalee – RGVIA). F. 330. Op. 7. D. 109. L. 1–1ob.
3. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Donskoy sluchay (the 1860-e gg.). Part 1 // Russkaya starina. 2015. № 1. S. 30.
4. Ocherk istorii novochoerkasskoy voyskovoy gimnazii. Novochoerkassk, 1907. S. 174.
5. Donskie kartinki № 4. Iz pamyatnoy knizhki A.A. Karaseva. Novochoerkassk, 1908. S. 7.
6. A.K. Felyeton. Mikhail Grigor'evich Khomutov (vospominaniya) // Priazovskiy kray. 1893. № 300.
7. Karasev A.A. Atamanskaya cheta (Iz vospominaniy) // Istoricheskiy vestnik. 1901. T. 83. S. 599.
8. Volvenko A.A. Ukrainskiy "sled" v donscom kazakomanstve 1860-kh gg. // Ukraintsy yuga Rossii: problemy istorii, kul'tury, sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya. Rostov n/D, 2013. S. 16–17.
9. Karasev A.A. Atamanskaya cheta... S. 597.
10. Shurupova E.E. Gubernskie vedomosti vo vtoroy polovine 19 — nachale 20 v. (na materialakh Arkhangel'skoy gubernii) // Provintsial'naya zhurnalistika i zhizn' Rossiyskoy imperii v 19 — nachale 20 v.: sbornik nauchnykh statey. Petrozavodsk, 2008. S. 53.
11. Smit-Piter S. Istoki gubernskikh vedomostey: 1831 — nachalo 1850-kh gg. // Provintsial'naya zhurnalistika i zhizn' Rossiyskoy imperii v 19 — nachale 20 v... S. 51.
12. RGVIA. F. 330. Op. 6. D. 148. L. 2ob., 93.
13. Shurupova E.E. Gubernskie vedomosti vo vtoroy polovine 19 — nachale 20 v... S. 59.
14. Korolev V.N. Biblioteki i chtenie na Donu do 1861 g. // Donskoy vremennik. 2003. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m16/1/art.aspx?art_id=280 (data obrascheniya: 23.06.2015).
15. Filonov A. Ocherki Dona. SPb., 1859. S. 63–64.
16. Dontsy 19 veka. Rostov n/D, 2003. S. 420.
17. Dontsy 19 veka... S. 420.
18. Dontsy 19 veka... S. 419, 421.
19. Lenivov A.K. Galereya kazachikh pisateley. Ch. 2. Nyu-York, 1970. S. 186.
20. Alfavitnyy ukazatel' statey, pomeschennykh v neofitsial'noy chasti Donskikh oblastnykh vedomostey, s 1852 po 1876 god / sost. I.I. Strukov. [B.m.], 1876.
21. Shtavdaker L.A. Ukazatel' statey neofitsial'noy chasti "Donskikh voyskovykh vedomostey" za 1853, 1855 i 1863 gody. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m15/1/art.aspx?art_id=1151 (data obrascheniya: 23.06.2015).
22. Ot redaktsii // DVV. 1863. № 13.
23. -ov. O stanichnom upravlenii // DVV. 1862. № 9.
24. -ov. O stanichnom upravlenii: otvet g. Krasnovu // DVV. 1863. № 7.
25. G. Povsemestnyy. Chto delaetsya v guberniyakh // Sovremennaya letopis'. 1862. № 41.
26. Dontsy 19 veka... S. 386–387.
27. Masanov I.F. Slovar' psevdonimov russkikh pisateley, uchenykh i obshchestvennykh deyateley. M., 1957. T. 2. S. 367.
28. Ust'-Medveditskiy dvoryanin. Rassmotrenie voprosa o dopushchenii inogorodnikov v voysko Donskoe // DVV. 1862. № 30, 31, 32.
29. Korolev V.N. Starye Veshki: povestvovanie o kazakakh. Rostov n/D, 1991. S. 190–255.
30. Korolev V.N. Starye Veshki: povestvovanie o kazakakh... S. 229.
31. Kazachiy Peterburg. URL: <http://spbkazak.narod.ru/42.html> (data obrascheniya: 23.06.2015).
32. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo Shtaba. Zemlya voyska Donskogo. SPb., 1863. S. 231.
33. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii... S. 232, 439–440.

34. Krasnov N.I. Oчерки iz statistiki voyska Donskogo o klimате i geograficheskom poloзhenii Donskoy oblasti // DVV. 1861. № 25–31.
35. Krasnov N.I. Issledovanie o kamennougol'nykh porodakh na Donu (geologo-geognosticheskiy oчерk zemli voyska Donskogo // DVV. 1862. № 6.
36. Korolev V.N. Starye Veshki: povestvovanie o kazakakh... S. 250.
37. Morozova O.M. Tsari, kazaki, krasnye komandiry... Sem' oчерkov v zhanre istoriko-psikhologicheskogo portreta. Rostov n/D, 2011. S. 4–65.
38. Dontsy 19 veka... S. 481.
39. Morozova O.M. Tsari, kazaki, krasnye komandiry... S. 21.
40. Melikhov A. O prodazhe zemli inogorodnim // DVV. 1862. № 44, 45.
41. Krasnov M. O pozemel'noy zamknutosti na Donu (otvet Ust'-Medveditskomu dvoryaninu) // DVV. 1863. № 12, 13, 14.
42. G. Povsemestnyy. Chto delaetsya v guberniyakh // Sovremennaya letopis'. 1862. № 42.
43. Polyakov A. O preobrazovaniyakh na Donu po povodu stat'i "Golos s Dona", pomeschennoy v №28 "Sovremennoy letopisi" // DVV. 1862. № 35, 36.
44. Polyakov A. Po povodu zametki g. Povsemestnogo // DVV. 1863. №4.
45. -ov. Po povodu zametki g. Povsemestnogo (Sovremennaya letopis', 1862. №41) // DVV. 1863. №3.
46. Ust'-Medveditskiy dvoryanin. O prodazhe zemli inogorodnim A. Melikhova (Don. vedomosti. 1862 g. nomera 40 i 45) // DVV. 1863. № 15. 16 aprelya; № 17. 30 aprelya.
47. Korolev V.N. Starye Veshki: povestvovanie o kazakakh... S. 250.
48. Ust'-Medveditskiy dvoryanin. O proekte stanichnogo upravleniya // DVV. 1863. № 1, 2.

УДК 947

Казакоманство. Донской случай (1860-е гг.). Часть II

Алексей Александрович Волвенко

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Российская Федерация
347936, Ростовская область, Таганрог, ул. Инициативная, 46
Кандидат исторических наук
E-mail: avolvenko@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются печатные дебаты, развернувшиеся преимущественно в «Донских войсковых ведомостях», по актуальным вопросам социально-экономического и обществено-политического развития Войска Донского в начале 1860-х гг.

Ключевые слова: «Донские войсковые ведомости», печатные дебаты, Красновы, «Усть-Медведицкий дворянин» (И.С. Ульянов), «казакоманы».

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 14, Is. 2, pp. 108–114, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.14.108

www.ejournal15.com

UDC 332.021.8 (571.12)

The Relationship between Governments and Administrative Authorities in the Towns of Tobolsk Province in the Late 19th – Early 20th Century

Igor S. Tomilov

Tobolsk Complex Scientific Station Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
15, Academician Y. Osipov Street, Tobolsk
Tyumen Region, 626152
E-mail: igor.tomilov.85@mail.ru

Abstract

Regional administration and municipal administration have a strong relationship in virtue of their positions. Its vertically hierarchical expression is due to the occurrence of the municipality into a complex system, in which the sending side is a regional power. Often two levels of management have different interests, matching, overlapping, or conflicting, depending on the situation.

In the second half of the 19th century the control system of the Russian Empire has evolved, the process largely related to issues of local government and municipal authorities. Zemsky, and urban reforms, which followed it, have led to a significant transformation of the everyday life, the formation of a new type of political culture bearer – the voter. The evolution of the local control apparatus occurred during the breaking of the old grand institutions of all spheres of public life, while the government didn't plan radical restructuring of them. Therefore, these processes could not be stable and long lasting, and were constantly in need of refinement and further implementation.

Keywords: government, city Council, city, Tobolsk province, the Governor, administration.

Введение

Балансирование между либерализмом и откровенной реакцией, лавирование в духе бонапартизма среди представителей различных идейных течений наглядно и устойчиво обнаруживаются при проведении всех преобразований во второй половине XIX в. Существенными они стали и для городских реформ 1870 и 1892 гг., которые часто рассматриваются исследователями как единый комплекс мер (с подразделением на этапы) по изменению законодательства и модернизации общества в области городского самоуправления поздней имперского периода.

Новые условия, предъявляемые динамичным экономическим развитием, неизбежно приводили к изменению структуры городского общества в сторону расслоения и дифференциации в зависимости от уровня торгово-промышленного состояния. Влияние этого процесса на повседневность горожан было всеобъемлющим, что повлекло за собой необходимость качественно нового и эффективного законодательного механизма

управления. Городовое положение 1870 г. с целым комплексом цензов и ограничений, отсекающих от участия в выборах неимущие и малоимущие слои, было призвано сформировать органы самоуправления из местных лиц, заинтересованных в ведении грамотного общегородского хозяйства и усилении своего влияния [1].

Материалы и методы

Теоретические и методологические основы исследования связаны с теорией общественного быта. В основу исследования заложены принципы исторического познания: историзм, комплексность, объективность и научная достоверность. Системный подход позволяет рассматривать исторический дискурс как единый комплекс, определяя реальность как сочетание взаимосвязанных и взаимодействующих объектов. Сложность изучаемого объекта, не позволяющая провести исследование в рамках только исторической науки, обуславливает использование междисциплинарного подхода, наработок в области социологии, политологии, демографии, культурологии и других дисциплин.

Исследование опирается на критический анализ широкого круга источников, имеющих специфические характеристики. Метод периодизации используется для выявления изменений объекта во времени, при установлении условий и моментов его трансформации. При обработке количественных данных потребовалось привлечь статистические методы (группировку, составление статистических таблиц, вычисление средних значений, показателей вариации и т.д.).

Обсуждение

Ряд исследователей проблемы полагает, что «взаимоотношение между губернаторами и руководителями городского самоуправления строилось по схеме учитель-ученик» в плоскости ограниченных субъект-объектных отношений [2]. Сибирские ученые-урбанисты К.В. Лен и А.Б. Храмцов придерживаются мнения, что в большинстве случаев вмешательство губернских учреждений в местные дела было оправдано на фоне аморфного состояния городских представительств и определялось патернализмом к муниципальным образованиям. Несмотря на попытки губернаторов ограничить деятельность городского самоуправления, оно не превратилось в их «подсобный орган» и «придаток центрального аппарата на местах». Начальники губернии были заинтересованы в развитии региона, принимали меры к улучшению жизни уездных центров, другой вопрос – какие методы они при этом использовали, как складывались их отношения с городскими властями [3–4].

Еще одна группа сибирских городоведов, отмечая характер отношений между властью и муниципальными органами, говорит о значительном влиянии в этом процессе такой специфической черты городского самоуправления в Сибири, как «неравноправное представительство в рассматриваемых органах членов административных и общественных учреждений из-за отсутствия в регионе земства». Это обстоятельство ставит перед научным сообществом вопрос о разработке правовых вопросов деятельности органов местного самоуправления и, в частности, городского в последней трети XIX – начале XX вв. [5].

Результаты

К концу XIX в. в Тобольской губернии проживало более 1,4 млн чел., из которых только 87 тыс. (6,1 %) – в 10 городах края. Перед началом Первой мировой войны в губернии насчитывалось уже свыше 2,1 млн жителей, из которых на города приходилось порядка 143 тыс. чел. (6,8 %) [6–7]. Процессы урбанизации способствовали росту городов, население которых росло как за счет миграций (переселенцы из Европейской России и приток сельских жителей), так и благодаря естественному приросту. Так, согласно Первой всероссийской переписи 1897 г., на рубеже веков выходцы из сельской местности составляли почти половину (свыше 47 %) числа горожан [8–10]. Обратный переезд из тобольского города в сельскую местность не был массовым и демографического значения не имел. Несмотря на подавляющее превосходство селян, темпы роста городского населения стали значительно быстрее – за 17 лет оно возросло в 2,5 раза против двукратного увеличения сельского. С 1897 по 1914 гг. удельный вес горожан неуклонно повышался, но оставался небольшим (от 6,1 до 6,8 %). В сословной структуре, согласно переписным листам 1897 г., в городах Тобольской губернии преобладали крестьяне (47,3 %) и мещане (39,8 %),

к дворянам и чиновникам себя относили 5,9 %, к почетным гражданам и купцам – 1,9 %, на остальные категории населения приходилось 5,1 % [11–14].

Переходя к освещению вопроса взаимодействия структур, необходимо отметить, что основная цель городской реформы 1892 г. заключалась в усилении именно административной власти на локальном уровне. В свете проводившейся реакционной, по сравнению с линией родителя, политики Александр III решил значительно урезать полномочия и самостоятельность городов в решении вопросов и ведении хозяйственных дел. Ранее, по законодательству 1870 г., порядок взаимоотношений муниципалитетов и государственных ведомств предусматривал обязательное содействие правительственных и сословных учреждений в деле исполнения законных требований общественного управления [15]. В новом положении такая норма отсутствовала, городские думы и управы ставились под жесткий контроль региональной администрации. Рассмотрение спорных вопросов и жалоб на незаконность теперь происходило в новообразованном Губернском по городским делам присутствии, практически целиком (за исключением головы) состоявшем из представителей губернской власти [16–17].

Тобольские губернаторы воспользовались возможностью и усилили надзор за деятельностью городских управ и дум. Это немедленно сказалось на ходе и итогах местных выборов. Участились случаи неутверждения выборных должностных лиц самоуправлений (глав, членов управ и др.): первостепенное внимание губернская администрация уделяла доносам сотрудников своих ведомств на местах и проверке политической благонадежности кандидатов. Почти все важные постановления дум проходили процедуру утверждения у губернатора или министра внутренних дел. Глава губернии мог отменить любое решение, если считал, что оно выходило из сферы полномочий гласных, не соответствовало общей государственной пользе или нарушало интересы жителей. Такая размытая формулировка приводила к постоянному вмешательству губернатора в дела городских самоуправлений с требованием немедленного и беспрекословного выполнения своих распоряжений. Расширение компетенции в отношении городов сопровождалось усилением их произвола и снижением в целом управляемости из центра. Имея общий объект управления, нечетко разделенные прерогативы на местном уровне, возможность напрямую апеллировать к императору, губернаторы и головы с трудом находили возможности для координации действий [18].

Недовольные чрезмерной опекой правительства, депутаты пытались добиться большей свободы деятельности. В начале XX в., ссылаясь на нараставшее недовольство и появление новых общероссийских нормативных актов, думцы выступали за новую реформу местного самоуправления на конституционно-демократических принципах, введение общего, равного, прямого и тайного голосования и др. Другими факторами, влияющими наряду с нормами законодательства на характер отношений губернского правительства и городского общественного управления, являлись реальные дела, личные и деловые качества занимавших руководящие посты лиц. Их предпочтения, способности улаживать острые вопросы и примирять стороны, постановка цели и видение задач дальнейшего развития играли немаловажную, а подчас и ведущую роль в эффективности рассматриваемого процесса. Например, репрессивная политика губернатора Д.Ф. фон Гагмана, в 1908–1909 гг. проводившего обыски во многих домах местной интеллигенции, массово санкционируя аресты, вызвала ярко негативную реакцию со стороны многих членов общественных органов управления. С легкой руки представителей региональной либеральной прессы такая политика получила название «культура с черного крыльца» [19].

Несмотря на явное превосходство администрации в вопросах городской жизни, выборная власть активно пользовалась установленной положением 1892 г. самостоятельностью при решении хозяйственных дел, с чем губернатору приходилось считаться. Зачастую ему приходилось договариваться с думцами, искать компромисс, конфликты с местными властями не всегда решались в пользу начальника губернии. Например, в 1911 г. после продолжительного противостояния тобольский городской голова С.М. Трусов при поддержанном депутатами постановлении и вынесенном решении суда добился сноса столбов, которые самовольно, без разрешения города начал устанавливать глава региона Д.Ф. фон Гагман для электрического освещения занимаемого им губернаторского дома [20].

В 1892 г. была введена упрощенная форма управления для малых поселений. В Тобольском крае ее получила половина городов (Березов, Сургут, Туринск, Тюкалинск, Ялуторовск). Центральное правительство полагало, что такое самоуправление будет ближе к малочисленному населению и сможет теснее взаимодействовать с ним, но просчиталось, нововведение оказалось неэффективным. Во многом это объяснялось значительным цензовым ограничением на выборах, острой нехваткой квалифицированных кадров, узостью полномочий, жестким контролем губернской администрации и финансовой беспомощностью. Усиленный торгово-экономическими причинами, упадок малых городов региона привел к тому, что жители небольших поселений в поисках лучших условий жизни переезжали в более крупные города Тобольской и соседних губерний.

К началу XX в. количество конфликтных ситуаций власти и самоуправления в Тобольской губернии значительно возросло. Тем не менее так же часто периоды конфронтации сменялись конструктивным сотрудничеством. Темпы роста городов вызвали потребность в усилении надзора полиции. Органы общественного управления и полицейские структуры входили в систему Министерства внутренних дел по разным департаментам. Их местные взаимоотношения на практике складывались неоднозначно, зачастую конфликтно, особенно в первые годы совместного существования. Разработчики законодательства четко прописали, а затем внедрили права и обязанности учреждений полиции во все сферы жизни населения, но, дав им широкие полномочия, не установили пределов власти. Пользуясь этим, полицейские чины вторгались в компетенцию органов городского управления. Отсутствие комплексного устава полиции, расплывчатость и большой спектр задач неизменно приводили к массовым злоупотреблениям и произволу администрации, препятствующим надлежащему выполнению органами внутренних дел своей основной миссии – охраны общественного порядка.

В Тобольской губернии отношения местного населения и полиции складывались сложно. Негативную реакцию у городского общества вызывали остававшиеся во многих случаях безнаказанными грубые правонарушения самих стражей порядка, в первую очередь призванных соблюдать закон. Довольно значительное число полицейских заслужили дурную репутацию, скрывая проступки, нарушения, взяточничество, откровенное вымогательство и шантаж, осуществляя «прикрытие» нерадивых граждан за определенное вознаграждение и др. Это ставило сотрудников полиции в один ряд с противостоящими уголовными элементами и преступным миром, не могло способствовать установлению доверительных отношений с гражданами, не видевшими в них своих реальных защитников. Правительство отмечало напряженный и конфликтный характер взаимоотношений органов самоуправления и городского общества с представителями полиции, но менять их не торопилось. Ускорить осуществление дальнейших действий в этом направлении позволила Первая русская революция 1905–1907 гг., в ходе которой в Европейской России и отчасти в Сибири происходили открытые столкновения горожан с полицейскими, вызванные накопившимися обидами с обеих сторон, подстегнутые общим накаленным напряжением, когда люди были доведены до отчаяния существовавшими порядками. Только после подавления революции в местах основных действий (центральные регионы) и умирения «актов неповиновения» в губернии центральная власть решила ввести меры для урегулирования отношений общественных органов и полиции, одновременно усилив состав последней.

Выводы

К концу XIX – началу XX вв., по мере образования и деятельности дум и управ, сложился как определенный официальный протокол, так и практически-бытовой неформальный регламент их взаимодействия с государственными ведомствами. В условиях контроля со стороны региональной администрации и строго ограниченного круга полномочий общественное городское самоуправление было призвано наладить действенный аппарат на низовой ступени иерархической лестницы правительственной структуры.

С течением времени, в период слияния банковского сектора с крупным монополистическим капиталом, закономерным явлением стало доминирование в органах городского общественного управления губерний Европейской России финансового

и торгово-промышленного сектора, стремящегося через рычаги общественных органов и при поддержке юридически закрепленных норм регулировать вопросы городской жизни в нужном для себя русле. В отдаленной от центра Тобольской губернии этот процесс принципиально не отличался от общероссийской тенденции формирования представительных учреждений, но с учетом традиционно сложившихся особенностей жизни горожан имел ряд отличительных черт. К таковым следует отнести основные факторы, влияющие на характер общественно-властных управленческих отношений: неравномерное сословное представительство и отсутствие земства, жесткий административный надзор, сложные взаимоотношения с органами правопорядка, размытые прерогативы чиновников губернии и руководителей городов в случае возникновения спорных вопросов, стремление депутатов к большей самостоятельности в решении дел, недемократическое городское законодательство и избирательное право, личные качества членов самоуправления и высших правительственных чиновников губернии, провал введения упрощенной формы самоуправления в малых поселениях края.

Либеральные реформы 1860–1870-х гг., несмотря на их значительное ограничение и сворачивание при Александре III, способствовали утверждению капиталистических отношений, предопределив дальнейшее развитие страны. В целом царское правительство безуспешно стремилось разрешить проблемы с организацией новой системы местного самоуправления переустройством деятельности органов полиции, а также урегулировать взаимоотношения между городским управлением и административной властью [21].

Примечания:

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 45. СПб., 1874. Ст. 48 498. С. 821–839.
2. Король Ж.В. Отношения градоначальников Западной Сибири с губернаторами в пореформенный период // Словцовские чтения-2004: материалы XVI региональной научно-практической краеведческой конференции. Ч. 1. Тюмень, 2004. С. 17.
3. Лен К.В. Подготовка и проведение Городской реформы 1870 г. в Западной Сибири (на материалах Томской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000. С. 17.
4. Храмцов А.Б. Власть и общество в городах Тобольской губернии конца XIX – начала XX века. Тюмень, 2010. С. 210.
5. Шиловский М.В. Итоги и перспективы изучения городского самоуправления Сибири второй половины XIX – начала XX вв. на рубеже XX и XXI вв. // Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX вв.: сборник материалов региональной научной конференции «Проблемы самоуправления в истории Сибири XIX–XX вв.». Новосибирск, 2004. С. 9.
6. Горюшкин Л.М., Пронин В.И. Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции // Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992. С. 94.
7. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 79. СПб., 1904–1905.
8. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. ... Т. 79. С. 2.
9. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78. СПб., 1904–1905. С. 2.
10. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 81. СПб., 1904–1905. С. 2.
11. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. ... Т. 79. С. 28–29.
12. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. ... Т. 78. С. 46–47.
13. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. ... Т. 81. С. 40–41.
14. Пронин В.И. Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1984. С. 96–97.
15. Полное собрание законов Российской империи... Собр. 2. Т. 45. Ст. 48 498. С. 823.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 12. СПб., 1895. Ст. 8708.

17. Статистический ежегодник России 1913 г. СПб., 1914.
18. Храмов А.Б. Власть и общество в городах Тобольской губернии конца XIX – начала XX века... С. 207–209.
19. Сибирские вопросы. 1909. № 7. С. 41.
20. Сибирские вопросы. 1911. № 5–6. С. 63–64.
21. Храмов А.Б. Власть и общество в городах Тобольской губернии конца XIX – начала XX века... С. 211.

References:

1. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 2. T. 45. SPb., 1874. St. 48 498. S. 821–839.
2. Korol' Zh.V. Otnosheniya gradonachal'nikov Zapadnoy Sibiri s gubernatorami v poreformenny period // Slovtsovskie chteniya-2004: materialy 16 regional'noy nauchno-prakticheskoy kraevedcheskoy konferentsii. Ch. 1. Tyumen', 2004. S. 17.
3. Len K.V. Podgotovka i provedenie Gorodskoy reformy 1870 g. v Zapadnoy Sibiri (na materialakh Tomskoy gubernii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Barnaul, 2000. S. 17.
4. Khramtsov A.B. Vlast' i obschestvo v gorodakh Tobol'skoy gubernii kontsa 19 – nachala 20 veka. Tyumen', 2010. S. 210.
5. Shilovskiy M.V. Itogi i perspektivy izucheniya gorodskogo samoupravleniya Sibiri vtoroy poloviny 19 – nachala 20 vv. na rubezhe 20 i 21 vv. // Mestnoe samoupravlenie v istorii Sibiri 19–20 vv.: sbornik materialov regional'noy nauchnoy konferentsii "Problemy samoupravleniya v istorii Sibiri 19–20 vv.". Novosibirsk, 2004. S. 9.
6. Goryushkin L.M., Pronin V.I. Naselenie Sibiri nakanune Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii // Istoricheskaya demografiya Sibiri. Novosibirsk, 1992. S. 94.
7. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. T. 79. SPb., 1904–1905.
8. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. ... T. 79. S. 2.
9. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. T. 78. SPb., 1904–1905. S. 2.
10. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. T. 81. SPb., 1904–1905. S. 2.
11. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. ... T. 79. S. 28–29.
12. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. ... T. 78. S. 46–47.
13. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. ... T. 81. S. 40–41.
14. Pronin V.I. Gorodskoe i sel'skoe naselenie Sibiri v kontse 19 – nachale 20 vv. // Gorod i derevnya Sibiri v dosovetskiy period. Novosibirsk, 1984. S. 96–97.
15. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii... Sobr. 2. T. 45. St. 48 498. S. 823.
16. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 3. T. 12. SPb., 1895. St. 8708.
17. Statisticheskiy ezhegodnik Rossii 1913 g. SPb., 1914.
18. Khramtsov A.B. Vlast' i obschestvo v gorodakh Tobol'skoy gubernii kontsa 19 – nachala XX veka... S. 207–209.
19. Sibirskie voprosy. 1909. № 7. S. 41.
20. Sibirskie voprosy. 1911. № 5–6. S. 63–64.
21. Khramtsov A.B. Vlast' i obschestvo v gorodakh Tobol'skoy gubernii kontsa 19 – nachala 20 veka... S. 211.

УДК 332.021.8 (571.12)

**Взаимоотношения органов самоуправления и административной власти
в городах Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв.**

Игорь Сергеевич Томилов

Тобольская комплексная научная станция
Уральского отделения Российской
академии наук, Российская Федерация
626152, Тюменская область, Тобольск
улица имени академика Ю. Осипова, 15
E-mail: igor.tomilov.85@mail.ru

Аннотация. Региональное и муниципальное управления в силу своего положения имеют между собой прочную связь. Ее вертикально-иерархическое выражение обусловлено вхождением муниципального образования в сложную систему, в которой направляющей стороной является региональная власть. Зачастую два уровня организации управления обладают разными интересами, совпадающими, пересекающимися или противоречащими друг другу в зависимости от сложившейся ситуации.

Во второй половине XIX в. система управления Российской империи претерпела изменения, в значительной степени коснувшиеся вопросов местных государственных и муниципальных органов власти. Проведенные земская, а следом – городская реформы привели к весомой трансформации повседневной жизни населения страны, формированию нового типа носителя политической культуры – избирателя. Эволюция аппарата локального управления происходила в период грандиозной ломки старых институтов функционирования всех сфер жизнедеятельности государства, коренную перестройку которого правительство осуществлять не планировало. Поэтому эти процессы не могли быть стабильными и долговечными, постоянно нуждаясь в доработке и дальнейшем внедрении.

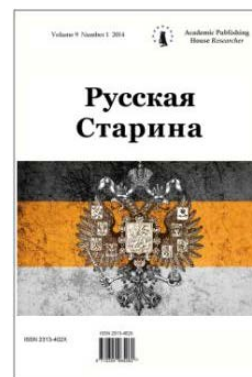
Ключевые слова: органы самоуправления, городская дума, город, Тобольская губерния, губернатор, администрация.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 14, Is. 2, pp. 115–129, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.14.115
www.ejournal15.com

UDC 94(47).084.8(470.61)

“The Winter Happened to Be Severe...”: The Impact of the Weather Conditions on the Battles on the Big Bend of the Don in November 1942 – February 1943

Vladimir I. Afanasenko

Institute of Social-Economic Research and Humanities
Southern Scientific Center
Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41, Chekhov Avenue, Rostov-on-Don, 344006
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Evgeny F. Krinko

Institute of Social-Economic Research and Humanities
Southern Scientific Center
Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41, Chekhov Avenue, Rostov-on-Don, 344006
Dr (History)
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Abstract

The Big bend of the Don has become a place of decisive battles between the Red Army and the Wehrmacht in 1942–1943. The region’s natural peculiarities considerably determined the choice of the strategy and tactics used by the opposing forces. The article studies the influence of the weather conditions on the course and outcome of the battles in strategic and front operations in late 1942 – early 1943: operation *Uranus* (19.11–2.12.1942), Kotelnikovo defensive operation of the Stalingrad Front (12–31.12.1942), operation *Little Saturn* of the South-Western Front (16–31.12.1942), operation *Ring* of the Don Front (10.01–2.02.1943), Salsk-Rostov offensive operation of the Southern and North-Caucasian Front (1.01–4.02.1943) Ostrogozhsk-Rossosh offensive operation of the Voronezh and South-Western Fronts (13–27.01.1943).

Keywords: Great Patriotic War, big bend of the Don, Red Army, Wehrmacht, natural factor, weather, military strategy and tactics.

Введение

Влияние природного фактора на боевые действия в большой излучине Дона в 1942–1943 гг. только в последнее время стало привлекать внимание историков, найдя отражение в общих и специальных публикациях [1–2]. Однако в первую очередь в них рассматривались особенности рельефа, в то время как воздействие погодных условий на ход и итоги боевых операций остается недостаточно исследованным, что и обуславливает целесообразность специального обращения к данному вопросу.

Погодные условия включают широкий круг метеорологических явлений, присущих в определенный момент времени той или иной местности. Это атмосферное давление, температура и влажность воздуха, сила и направление ветра, облачность, осадки, атмосферные явления (туманы, метели, грозы) и другие элементы. В отличие от климата, анализ которого содержит устойчивую характеристику состояния атмосферы на основе измерений за длительный период времени, погода относится к ее текущему состоянию и подвержена постоянным изменениям, носящим периодический и непериодический характер. Периодические связаны с вращением Земли вокруг своей оси (изменения в течение суток) и вокруг Солнца (смена времен года). Непериодические изменения обусловлены передвижением воздушных масс, придающих те или иные свойства погоде.

Военачальникам в ходе планирования и проведения военных кампаний всегда требовалось учитывать погодные условия, расплачиваясь в ином случае потерями личного состава, боевой техники и вооружений, а то и поражениями. Появление новых технических возможностей, казалось бы, сделало человека более независимым от природы. Однако Великая Отечественная война показала, что практически всем видам и родам войск в той или иной степени приходилось учитывать метеорологическую обстановку. В регулярных и надежных сведениях о погоде нуждались не только летчики и моряки, но и артиллеристы, танкисты, саперы, зенитчики и представители многих других воинских специальностей.

Это обстоятельство учитывало и советское руководство. До войны информацию о погоде в Вооруженные силы СССР предоставляли отдел гидрометеорологической службы Наркомата Военно-морского флота СССР и метеорологическое управление Главного управления Военно-воздушных сил Красной армии, снабжавшее сводками погоды и сухопутные войска. Но в начале войны на решение данных задач были мобилизованы и гражданские метеорологи: 15 июля 1941 г. на основании постановления Государственного комитета обороны СССР Ставка Верховного главнокомандования приняла специальный приказ № 0054. Согласно данному приказу, Главное управление Гидрометеослужбы при Совнаркоме СССР со всеми подведомственными ему учреждениями было включено в состав Наркомата обороны СССР на правах Главного управления гидрометеослужбы Красной армии (далее – ГУГМС КА). Начальником ГУГМС КА был назначен прежний руководитель Главного управления Гидрометеослужбы при СНК СССР, известный полярник, Герой Советского Союза, академик АН СССР Е.К. Федоров, которому было присвоено звание генерал-лейтенанта инженерно-технической службы. На ГУГМС КА возлагались задачи обеспечения командования и частей метеорологическими прогнозами и сводками погоды, руководства всеми органами гидрометеорологической службы частей Красной армии и ВМФ, комплектование органов гидрометеослужбы Красной армии специалистами, снабжение приборами и пособиями, развертывание гидрометеослужбы на театрах военных действий [3].

В штабах фронтов и округов на основе республиканских и местных управлений гидрометеослужбы были созданы гидрометеорологические отделы. Во всех воевавших странах метеосводки были засекречены, все государства перешли на собственные метеорологические шифры. Сведения о погоде стали военной тайной, за соблюдением которой строго следили органы государственной безопасности. Так, 22 апреля 1942 г. управление особых отделов НКВД СССР издало директиву № 16/13 733 «О мерах по обеспечению конспирации в работе гидрометеослужбы Красной армии». В ней обращалось внимание всех начальников особых отделов фронтов, округов, флотов и флотилий на нарушения правил ведения шифрования гидрометеорологических сведений. В целях устранения недостатков предлагалось провести проверку выполнения правил использования и хранения гидрометеорологических шифров и секретных материалов гидрометеослужбы Красной армии, докладывать о выявленных нарушениях командованию и привлекать виновных к ответственности [4].

Вследствие советского отступления в начальный период Великой Отечественной войны гидрометеорологическая служба лишилась значительной части метеостанций и метеоточек в западных регионах страны, что снижало возможность точного прогноза погоды. Поэтому стали применяться и совершенствоваться методы работы с «обрезанными» картами, на которых целые страны и регионы выглядели белыми пятнами, широко внедрялись карты барической топографии, технические средства прогнозирования, а также

авиационная разведка погоды. Сведения о погоде с оккупированных территорий предоставляли партизаны и разведчики. Точная оценка метеорологической обстановки и ее правильное использование позволили достичь успеха в ряде боевых операций уже в первые годы войны, а наибольшую известность, пожалуй, получил знаменитый парад на Красной площади 7 ноября 1941 г., проведение которого стало возможным вследствие нелетной для немецкой авиации погоды.

В то же время опыт первых лет войны выявил немало трудностей и недостатков в использовании метеорологических сведений военным командованием, включая и технические сложности в доведении имевшейся информации до войск. Так, анализ передачи по радио артиллерийским частям и соединениям РККА специальных метеосводок «Артель» летом 1942 г. показал, что только в дневное время слышимость была «от удовлетворительной до хорошей», а в ночное время «в основном очень плохая по всем фронтам. В большинстве случаев прием сводок затруднен из-за помех работавших на близких волнах других радиостанций». Прием метеосводок затруднялся также из-за быстроты передачи, неполного и нечеткого произношения отдельных цифр диктором, отсутствия повторений радиопередач и некомплекта радиоаппаратуры. Само качество метеосводок характеризовалось как неудовлетворительное вследствие недостаточного количества данных, поступающих в Центральный институт прогнозов [5].

Значение погодных условий для боевых действий в большой излучине Дона в 1942–1943 гг. (подробнее о природно-климатических особенностях региона см. [6]) увеличивалось под воздействием ряда факторов. Здесь существовала невысокая плотность населенных пунктов, представлявших возможности для укрытия и обогрева личного состава, отсутствовали крупные лесные массивы, позволявшие решать проблемы со строительным материалом и топливом. Для зимней погоды в открытой степной местности были характерны пронизывающие ветры, частые смены температур, метели и ледяные дожди. Слабо развитая дорожная сеть затрудняла мобильность войск. В распоряжении немецкого командования находились всего две железнодорожные линии: Миллерово – Калач-на-Дону – Сталинград и Сальск – Котельниково – Сталинград, с невысокой пропускной способностью. Снабжение советских войск в значительной степени обеспечивала Приволжская железная дорога. Для повышения ее пропускной способности были построены 20 новых развязок на линиях Поворино – Качалино, Урбах – Баскунчак – Астрахань, введен в эксплуатацию участок Ахтуба – Паромная с выходом к Волге. С 7 августа поехали по участку Иловля – Петров Вал, а с 11 сентября – на участке от Петрова Вала до Саратова. Новые пути сообщения, несмотря на систематические бомбардировки люфтваффе, обеспечили успешную подготовку советского контрнаступления.

Общепринятым правилом ведения боевых действий в обороне при статичной линии фронта является создание полевых укрытий (блиндажей, землянок, траншей и капониров с перекрытиями) не только для защиты от огневых средств противника, но и в качестве пунктов обогрева, питания и ночлега личного состава, мест складирования боеприпасов, медикаментов, ГСМ, продовольственного и вещевого снабжения. На передовой личный состав должен нести боевое дежурство в течение строго определенного времени в специальной экипировке, позволяющей выдержать отрицательные температуры. Необходимо периодически производить смену войск для отдыха и пополнения, регулярно осуществлять санитарно-гигиенический контроль над состоянием личного состава и противозидемическую профилактику, а также ремонтно-регламентные работы с тяжелым оружием и боевой техникой и другие мероприятия. От технических, ветеринарных и санитарных служб требуется обеспечение войск зимней смазкой, антифризом, мазями от обморожения, кормами и укрытиями от холода для лошадей, мулов, цепями для колес автомобилей, санями для гужевого транспорта, лыжами для пехоты и санками для пулеметов и легких минометов. Очевидно, что любые сбои в системе снабжения и обеспечения войск в данных условиях ведут к снижению боеспособности армии в зимний период. Но в еще в большей степени влияют погодные условия на ход и результаты наступательных операций, с перемещениями многочисленных войсковых группировок с тысячами танков, орудий, автомобилей, тракторов, самолетов в открытой

всем ветрам и метелям степи. Именно это и происходило в большой излучине Дона зимой 1942–1943 гг.

Материалы и методы

Статья написана на основе документов, хранящихся в фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ), а также опубликованных воспоминаний непосредственных участников боевых действий в большой излучине Дона – советских и немецких военачальников. Для составления помесечных сводок погоды использовались метеосводки полевых управлений 2-й, 8-й и 16-й воздушных армий, сводки Генерального штаба РККА и штабов фронтов, а также свидетельства самих участников боев. Разные источники нередко содержат противоречивую информацию по данному вопросу, поэтому они сопоставлялись, применялись методы источниковедческого анализа к использованным в исследовании документам и мемуарам. Авторы опирались на принцип историзма и системный подход, рассматривая влияние погодных условий на боевые действия РККА и вермахта в комплексе, во взаимосвязи, в контексте определенной исторической ситуации, определявшейся общим ходом боевых операций на южном участке советско-германского фронта в 1942–1943 гг.

Обсуждение и результаты

19 ноября 1942 г. контрнаступлением северной группировки Красной армии под Сталинградом началась стратегическая операция советских войск «Уран». Очевидец событий, в тот момент – начальник оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта, принимавший непосредственное участие в планировании и осуществлении операции по разгрому войск вермахта под Сталинградом, генерал-майор С.П. Иванов впоследствии вспоминал: «Артподготовка представляла собой очень эффектное зрелище. Вслед за залпом гвардейских минометных частей началась артиллерийская обработка оборонительных позиций противника. 3500 орудий и минометов громили неприятельскую оборону. Один час велся огонь на разрушение и двадцать минут – на подавление. Мощная канонада нанесла врагу немалый урон и произвела на него **сильное моральное воздействие** [выделено авторами. – В.А., Е.К.]. Однако из-за плохой видимости далеко не везде оборона была сокрушена, особенно на фланговых участках прорыва. Как только артиллеристы перенесли огонь в глубину расположения противника, пехотинцы и поддерживающие их танкисты устремились вперед. Им пришлось в ряде случаев преодолевать не нарушенные артиллерией участки обороны – минные поля, проволочные заграждения, а местами и глубокие рвы» [7]. Слова о «сильном моральном воздействии» на врага проведенной артиллерийской подготовки звучат красиво, но на самом деле скрывают ее низкую эффективность, затруднившую выполнение боевых задач стрелковыми и бронетанковыми частями, о чем и говорится автором мемуаров в следующем предложении.

Командующий 65-й армией Донского фронта генерал-лейтенант П.И. Батов так описал день начала контрнаступления под Сталинградом: «Над Доном занималось хмурое утро... Ни черта не видно! Туман отгородил плацдарм плотным занавесом. Медленно падал снег и таял в каше тумана, лишь уплотняя его непроницаемость». Представитель 16-й воздушной армии предупредил: «Ввиду нелетной погоды авиация работать не будет». А затем позвонил командующий фронтом: «Заверещал зуммер полевого телефона. У провода К.К. Рокоссовский:

– Какова у вас видимость, Павел Иванович?

– С трудом просматриваю на двести метров, – ответил я с тайной надеждой услышать приказ об отсрочке до улучшения погоды».

Но командующий фронтом сказал: «Начинать будем вовремя» [8].

На следующий день, 20 ноября 1942 г., перешла в наступление южная ударная группировка советских войск. Командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник А.И. Еременко вспоминал: «К 7 часам 30 минутам я был уже на передовом наблюдательном пункте 57-й армии, на высоте 114,3, откуда при хорошей видимости открывался замечательный обзор большого участка, во всяком случае, всего участка главного удара. К сожалению, сгустившийся туман ухудшил видимость, которая не превышала 200 метров...

Таким образом, начало контрнаступления Сталинградского фронта из-за тумана было отодвинуто на два часа» [9].

Это означало, что сотни тонн снарядов и мин ушли в туман вслепую, так и не разрушив систему стрелково-пулеметного и артиллерийско-минометного огня противника, не подорвав его минные поля в полосе ввода советских танковых и механизированных корпусов. К чему это привело, можно прочесть в воспоминаниях тех, кто 19 и 20 ноября рвал оборону румынских соединений с плацдармов у Клетской и Серафимовича. Так, Герой Советского Союза полковник Н.Д. Козин, командир 63-й стрелковой дивизии, писал: «Приближалось утро 19 ноября 1942 года. Над Доном и степью расстился густой грязновато-серый туман. В 8 часов 50 минут 226-й и 346-й стрелковые полки 63-й дивизии при поддержке танков прорвали передний край обороны противника на участке 6 километров, но, встретив сильное огневое сопротивление, к исходу дня продвинулись вперед всего на один-полтора километра. А тут еще дало себя знать неудачное наступление нашего правого соседа – 96-й стрелковой дивизии, подразделения которой не смогли сломить врага и отошли на исходные позиции» [10].

В полосе 5-й танковой армии генерал-лейтенанта П.Л. Романенко, действовавшей на направлении главного удара с клетского плацдарма, разведывательные дозоры, высланные от танковых корпусов в боевые порядки стрелковых дивизий, «не смогли в густом тумане быстро сориентироваться на ровной, заснеженной местности и установить местонахождение пехоты. Из-за этого танковые бригады, вышедшие к 10 часам на южную и юго-восточную окраины хутора Калмыковский, вынуждены были основательно подзадержаться здесь» [11]. Но задержка танковых корпусов – еще не самое страшное. 159-ю танковую бригаду подполковника С.П. Хайдукова командарм направил восточнее ранее намеченного маршрута. В результате бригада потеряла на минном поле 12 танков [12].

В последующие два дня, когда танки, кавалерия и пехота углубились в тылы противника, а погодные условия по-прежнему оставляли желать лучшего, открылись еще новые обстоятельства. О них честно рассказал П.И. Батов: «У командного состава в ротах и батальонах нет еще навыка быстрой ориентировки на однообразной открытой, голой равнине, без ярко выраженных местных предметов. Из-за этого артиллерия иногда попусту бросает свои снаряды. Вся полковая и дивизионная артиллерия фактически перешла на ручную тягу. Транспорт изношен, горючего не хватает. Все делает пехота. Тянет изо всех сил, зная, что без пушки в этих местах шагу вперед не сделаешь и дня не проживешь» [13].

Необходимо отметить, что погодные условия в донской излучине ухудшились практически с конца октября, когда на смену промозглой осени пришла суровая морозная зима. Уже в середине ноября пошел снег, в отдельные дни температура опускалась до -18°C , что достаточно холодно для этих мест. Подробнее представить погодные условия в начале операции «Уран» позволяет таблица 1.

Таблица 1. Сводка погоды в большой излучине Дона, ноябрь 1942 г. [14–21]

Дата	Температура воздуха	Облачность	Осадки, ветер	Состояние дорог
4.11.1942	от 0 до -1°C	переменная		проходимы
5.11.1942	от -3 до -5°C	сплошная	ледяной ветер 5–9 м/с	труднопроходимы, гололедица
6.11.1942	от -5 до -8°C	переменная		труднопроходимы
7.11.1942	от -7 до -9°C	ясно	ледяной ветер	проходимы
8.11.1942	-15°C	ясно	солнечно	проходимы
9.11.1942	до -15°C	постоянная	ледяной ветер, 9–13 м/с	проходимы
10.11.1942	до -18°C	сплошная		проходимы

Окончание таблицы 1

11.11.1942	-15 °С	постоянная, плохая видимость		проходимы
12.11.1942	от -9 до -11 °С	низкая сплошная	сильный снегопад, метель	труднопроходимы, снежные заносы
13.11.1942	от -10 до -11 °С	постоянная	ветер, снег, метель	труднопроходимы, снежные заносы
14.11.1942	нет сведений			
15.11.1942	нет сведений			
16.11.1942	нет сведений			
17.11.1942	от +1 до -5 °С	низкая сплошная, туман, видимость 1-2 км		труднопроходимы, гололедица
18.11.1942	от +3 до -2 °С	сплошная, туман, видимость 1-2 км	местами снег с дождем, ветер 2-3 м/с	труднопроходимы
19.11.1942	от -2 до +3 °С	сплошная, туман, видимость до 200 м	снег, дождь, ветер 3-5 м/с	труднопроходимы, гололед
20.11.1942	около 0 °С	низкая, видимость 300-500 м, местами туман		труднопроходимы
21.11.1942	от -1 до +1 °С	сплошная		труднопроходимы
22.11.1942		сильная, туман, видимость до 500 м		труднопроходимы, гололед
23.11.1942				
24.11.1942		переменная		
25.11.1942	нет сведений			
26.11.1942	нет сведений			
27.11.1942	от 0 до +1 °С	10 баллов	временами дождь, мокрый снег	труднопроходимы
28.11.1942	нет сведений			
29.11.1942	нет сведений			
30.11.1942	нет сведений			

Приводимые сведения и воспоминания очевидцев свидетельствуют, что погодные условия создавали немало трудностей для подготовки операции «Уран». Так, заместитель командующего авиацией дальнего действия (далее – АДД) генерал-лейтенант авиации Н.С. Скрипко отмечал: «В начале ноября на полевой аэродром в районе Камышина мы решили перебазировать 17-ю авиадивизию генерала Е.Ф. Логинова. Но погода внесла свои коррективы. Рано начались обильные снегопады. Положение усложнялось тем, что на новом полевом аэродроме совершенно отсутствовала снегоуборочная техника. Пришлось обратиться за помощью к местному населению и мобилизовать колхозников на расчистку взлетно-посадочной полосы, самолетных стоянок и рулежных дорожек». После перебазирования экипажи 17-й авиадивизии АДД приступили к боевой работе, совершая

в хорошую погоду по два-три боевых вылета за ночь. Особенно сильные удары по позициям противника были нанесены в ночь на 9 и в ночь на 11 ноября. Однако «часто шли морозящие дожди, перемежаемые снегопадами. Ненастье сопровождалось сильными туманами» [22].

Как уже отмечалось, непогода не позволила нанести удар с воздуха по позициям противника и накануне советского наступления: «В дни, предшествовавшие операции «Уран», усилились снегопады. Севернее Сталинграда повсеместно стояла сплошная низкая облачность, исключавшая боевое применение авиации... 50-я авиадивизия сумела взлететь, однако не смогла обнаружить целей из-за сплошных облаков и обильного снегопада» [23]. В то же время плохая погода помешала и летчикам люфтваффе обнаружить скопление советских войск в местах базирования, а затем не дала им возможности нанести удар по перешедшим в наступление советским войскам. Перенос же даты советского наступления, скорее всего, не дал бы положительных результатов, поскольку в последующие дни сохранилась ненастная погода.

Когда наступающие советские войска замкнули кольцо окружения и создали внутренний и внешний фронты, наступила неизбежная пауза. За две недели боев обе противоборствующие стороны понесли значительные потери. Войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов – 70 312 чел., из них 24 222 чел. – безвозвратные потери. Немецкие и румынские войска (6-я полевая, 4-я танковая немецкие, 3-я и 4-я румынские армии) – 164 850 солдат и офицеров, из них 86 328 чел. – убитыми и умершими от ран [24].

Немецкое командование предприняло попытку нанести деблокирующий удар силами 4-й танковой армии генерал-полковника Г. Гота (57-й немецкий танковый, 6, 7-й румынские армейские корпуса) из района Котельниково на Сталинград (операция «Зимняя гроза»). Из-за погодных условий (наступила оттепель, раскисли грунтовые дороги, облачность и туман не позволяли использовать авиацию) и задержек с переброской по железной дороге частей усиления время начала операции было решено перенести с 8 на 12 декабря [25].

В ходе Котельниковской операции Сталинградского фронта в период с 12 по 30 декабря 1942 г. погода также оказала существенное влияние на ход и итоги боевых действий. Из-за оттепели в период 14–16 декабря на трое суток был задержан ввод в сражение 17-й танковой дивизии генерала Ф. фон Зенгера, способной усилить таранный удар 6-й и 23-й танковых дивизий 57-го корпуса. За это время Ставка Верховного главнокомандования перенацелила 2-ю гвардейскую армию в составе трех корпусов с внутреннего фронта окружения на рубеж речки Мышкова для противодействия прорывавшейся к Паулюсу группировки Гота. Совершив в условиях бездорожья, глубокого снега и сильных морозов (до -22 °С днем, до -28 – -30 °С ночью) двухсоткилометровый марш, 1-й и 13-й стрелковые, 2-й механизированный гвардейские корпуса 19 декабря сходу вступили в бой на рубеже Нижне-Кумский – Громославка – Васильевка. В тылу 1-го гвардейского стрелкового корпуса сосредотачивались 6-й механизированный и 7-й танковый корпуса. Задачей армии по директиве Ставки ВГК являлся разгром котельниковской группировки противника. В течение пяти суток соединения 2-й гвардейской и 51-й армии Сталинградского фронта отражали атаки танков и мотопехоты противника. 24 декабря последовал ответный контрудар советских войск, и к исходу 30 декабря враг был отброшен на 60–70 км, освобождены Котельниково и Зимовники. Трехнедельные бои стоили больших потерь в личном составе и бронетехнике. Потери 4-й танковой армии составили 36 447 солдат и офицеров, из них 25 098 чел. – безвозвратные. Советские войска в этом сражении потеряли 71 315 воинов, из них 23 602 чел. убитыми и умершими от ран.

В период с 16 по 30 декабря была успешно проведена Среднедонская наступательная операция советских войск под кодовым наименованием «Малый Сатурн». Эффективность артиллерийской и авиационной подготовки утром 16 декабря была низкой, ввиду густого тумана. В ходе этой операции четыре танковых и один механизированный корпус во взаимодействии с пехотой и кавалерией разгромили основные силы 8-й итальянской армии, остатки 3-й румынской армии и немецкую оперативную группу «Холлидт». В условиях глубокого снежного покрова, при сильных морозах, действуя на пересеченной местности, 24-й танковый корпус генерал-майора танковых войск В.В. Баданова совершил

240-километровый рейд по тылам противника и разгромил основную базу снабжения окруженных войск Паулюса в станице Тацинской. Обстановка требовала от войск быстрых и внезапных действий, высоких темпов продвижения и стремительных ударов, проявления искусства в маневре и ведении боя, а погода затрудняла эти действия. Стояла морозная и снежная зима. В период рейда, с 20 по 28 декабря, температура воздуха опускалась до -27°C [26].

Снежный покров местами был больше метра, особенно в лощинах. К стеклам приборов наблюдения и стрельбы налипал снег. Видимость из танков во время движения в колоннах и в бою была ограничена, особенно ночью. Пользоваться фарами запрещалось. Снег проникал через смотровые щели внутрь танков, забивал их и затруднял управление. В степи было проложено много новых, не нанесенных на карту дорог, что затрудняло ориентировку. Пришлось выделить и подготовить специальных колонновожатых из числа лучших офицеров, в помощь им разрешалось привлекать местных жителей. Для предохранения личного состава от обмороживания, а также для очистки приборов наблюдения и стрельбы от снега приказывалось проводить через каждый час остановку. Во время привалов и дневок назначались дежурные из состава экипажей, которые следили за тем, чтобы температура в танке была не ниже $+10^{\circ}\text{C}$. Трудная, напряженная обстановка требовала от каждого солдата и офицера сознательного отношения к выполнению возложенных на них задач, предельного напряжения физических и моральных сил. Моторы танков в морозном декабре работали круглые сутки, расходуя много горючего. Когда его запасы иссякли, танкисты под руководством инженер-подполковника В.И. Орлова создали необходимое топливо сами, взяв за основу трофейные запасы авиационного масла и бензина на аэродроме в Тацинской. Авиационное масло подогревали в жестяных бочках до жидкого состояния, затем размешивали в пропорции три к одному с бензином и заливали в баки танков. В ночь с 27 на 28 декабря остатки 24-го (с 26 декабря – 2-го гвардейского Тацинского) танкового корпуса прорвали кольцо окружения и соединились с главными силами в районе Ильинки и Недежевки.

В ходе Среднедонской операции был прорван вражеский фронт шириной до 340 км. Разгромлены 11 дивизий и 3 бригады союзников Германии (румын и итальянцев). Понесли тяжелые потери 4 пехотные и 2 танковые немецкие дивизии. Советскими войсками были захвачены около 60 000 пленных, почти 2 000 орудий, 176 танков, около 370 самолетов. Выход советских войск в тыл группы армий «Дон» заставил немецкое командование отказаться от дальнейших планов по деблокированию 6-й армии Паулюса. Наиболее отличившиеся в ходе операции соединения получили почетные наименования «Донские», «Кантемировские» и «Тацинские». Потери советских войск составили 95 690 чел., в том числе 20 301 чел. убитыми и умершими от ран. Противник потерял 118 249 солдат и офицеров, в том числе 57 174 чел. безвозвратно [27].

В январе 1943 г. советские войска приступили к ликвидации окруженной группировки Паулюса. Опираясь на укрепления сталинградских оборонительных обводов, немецкие войска создали прочную оборону, рассчитывая на помощь извне. Предложение советского командования о почетной капитуляции было отклонено. Опыта разгрома столь крупной группировки немецких войск, занимавших подготовленную оборону на сложно-пересеченной местности, да еще зимой, с непредсказуемой изменчивой погодой, у советских войск не было. Из-за просчетов разведки в определении численности окруженной группировки не было и необходимого превосходства в силах и средствах. Будущий маршал, а тогда, в январе 1943 г., командующий Донским фронтом генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский в своих мемуарах вспоминал: «По обоим берегам Россошки густо расположены населенные пункты, которые противник превратил в узлы сопротивления. Прибавьте сюда снег – он толстым слоем покрыл все оборонительные сооружения врага, и обнаружить их нам было нелегко... Зима выдалась суровой. Сильные ветры с метелями, морозы до 32 градусов необычайно затрудняли наступление» [28].

Но еще более страдали от наступившей зимы войска окруженной 6-й полевой армии Ф. Паулюса. Об этом писал генерал-майор вермахта Э. фон Бутлар: «На внутреннем фронте окружения русские поначалу ограничивались только тем, что прочно удерживали оборону. Воздушного транспорта явно не хватало на то, чтобы успевать эвакуировать раненых и больных. К тому же увеличивалось и число обмороженных, так как войска не имели

теплого зимнего обмундирования. Морозы и недостаточное питание вызывали большое количество дополнительных жертв. Вследствие плохого питания и трудных условий физическое состояние даже здоровых солдат и офицеров быстро ухудшалось, а воля их к сопротивлению постепенно слабела» [29].

Проблемы со снабжением у группировки Паулюса начались задолго до начала операции «Уран». Уже в сентябре 1942 г. фактический рацион продовольствия, который получали солдаты 6-й армии, составлял около 1800 калорий в сутки, при потребности с учетом нагрузок в 3000–4000 калорий. В дальнейшем нормы сокращались. 1 декабря норму выдачи хлеба пришлось уменьшить до 300 г, в январе – до 50–100 г, и только солдаты на передовой получали по 200 г. В последние дни существования сталинградского «котла» большинство больных и раненых вообще не получали никакой пищи. Трудности со снабжением и постоянно нараставшее физическое и психическое истощение солдат и офицеров в условиях непрерывных боев с наступавшей Красной армией ухудшали отрицательное воздействие на них постоянного переохлаждения. Степь постоянно продувал резкий и сырой холодный ветер. К тому же здесь почти полностью отсутствовали деревья. Единственным местом, откуда теоретически можно было бы доставить топливо (дрова или уголь) был сам Сталинград. Однако доставлять его было не на чем [30].

Сводные данные метеосводок Донского, Сталинградского, Юго-Западного и Южного (с 1 января 1943 г.) фронтов за декабрь 1942 г. и январь 1943 г. приведены в таблицах № 2 и № 3. Они свидетельствуют, что зима в донских и приволжских степях действительно была холодной. Сильные морозы ударили 17–19 декабря, а затем уже с 26 декабря и до конца месяца. В первые дни нового 1943 года наступило потепление, с 5 января опять началось похолодание, особенно усилившееся во второй половине месяца. В то же время сопоставление сведений таблиц со средними температурами за предшествующий и последующий периоды времени не позволяет считать такие погодные условия экстремальными для данной местности.

Таблица 2. Сводка погоды в большой излучине Дона, декабрь 1942 г. [31]

<i>Дата</i>	<i>Температура воздуха днем</i>	<i>Облачность</i>	<i>Осадки, ветер</i>	<i>Состояние дорог</i>
1.12.1942	от 0 до –1 °С	дымка		проходимы
2.12.1942	0 °С	низкая и средняя		проходимы
3.12.1942	0 °С			проходимы
4.12.1942	0 °С	сплошная		проходимы
5.12.1942	0 °С	низкая сплошная		проходимы
6.12.1942	от 0 до –2 °С	сплошная	мокрый снег	труднопроходимы
7.12.1942	от 0 до +2 °С	сплошная низкая	слабый дождь, снег	труднопроходимы
8.12.1942	от –2 до –5 °С	низкая сплошная		проходимы
9.12.1942	от 0 до +2 °С	низкая сплошная	снег и дождь	труднопроходимы
10.12.1942	от 0 до –2 °С	низкая сплошная		труднопроходимы

Окончание таблицы 2

11.12.1942	от -5 до -8 °С	средняя	ветер северо-западный 4-7 м/с	проходимы
12.12.1942	-6 °С	сплошная		проходимы
13.12.1942	от -2 до -5 °С	слабая		проходимы
14.12.1942	от 0 до -3 °С	ясно		проходимы
15.12.1942	от 0 до +2 °С	10 баллов		труднопроходимы
16.12.1942	от +2 до -2 °С	сплошная		труднопроходимы
17.12.1942	от -4 до -17 °С	сплошная	местами туман	проходимы
18.12.1942	от -12 до -18 °С	ясно		проходимы
19.12.1942	от -12 до -21 °С	средняя		проходимы
20.12.1942	от -2 до -6 °С	сплошная		проходимы
21.12.1942	от 0 до -5 °С	сплошная	местами снегопад	проходимы
22.12.1942	от 0 до -5 °С	сплошная		проходимы
23.12.1942	от -2 до -6 °С	низкая сплошная		проходимы
24.12.1942	от -1 до -6 °С	низкая сплошная	снегопад	труднопроходимы
25.12.1942	от -3 до -6 °С	сплошная	снегопад, туман	проходимы
26.12.1942	от -13 до -20 °С	слабая		проходимы
27.12.1942	от -15 до -24 °С	ясно		проходимы
28.12.1942	от -22 до -27 °С	ясно		проходимы
29.12.1942	от -13 до -24 °С	ясно		проходимы
30.12.1942	от -14 до -28 °С	ясно		проходимы
31.12.1942	от -8 до -14 °С	сплошная		проходимы

Таблица 3. Сводка погоды в большой излучине Дона, январь 1943 г. [32]

Дата	Температура воздуха днем	Облачность	Осадки, ветер	Состояние дорог
1.01.1943	от -3 до -9 °С	сплошная	местами снегопад	проходимы
2.01.1943	от -1 до -5 °С	сплошная	местами снегопад, туман	труднопроходимы
3.01.1943	от +2 до -2 °С	сплошная	дождь, ливневый дождь, ветер 8-12 м/с	труднопроходимы
4.01.1943	от +2 до -2 °С	сплошная, высотой 200-400 м	дождь	труднопроходимы
5.01.1943	от -3 до -6 °С	сплошная	без осадков, ветер 5-10 баллов	труднопроходимы, обледенение
6.01.1943	от -10 до -18 °С	сплошная	без осадков, ветер 3-5 баллов	проходимы
7.01.1943	от -9 до -11 °С	сплошная	местами снегопад	труднопроходимы
8.01.1943	от -6 до -8 °С	сплошная, высотой 100-300 м	снегопад, туман	труднопроходимы
9.01.1943	от -1 до -7 °С	сплошная, высотой 100-300 м	снегопад, туман	труднопроходимы
10.01.1943	от -4 до -6 °С	сплошная, высотой 200-400 м	туман	труднопроходимы
11.01.1943	от -2 до -5 °С	сплошная, высотой 600-1000 м	снегопад, ветер 7-10 баллов	труднопроходимы
12.01.1943	от -10 до -13 °С	сплошная, высотой 200-400 м	слабый снег, ветер 10 баллов	проходимы
13.01.1943	от -10 до -14 °С	сплошная, высотой 300-600 м	местами снегопад, ветер 3-10 баллов	проходимы
14.01.1943	от -13 до -18 °С	сплошная	слабый снег, туман	проходимы
15.01.1943	от -18 до -24 °С	сплошная, высотой 600-1000 м	местами снегопад, ветер 9-10 баллов	проходимы
16.01.1943	от -23 до -28 °С	небольшая	ветер северный 3-5 м/с	проходимы
17.01.1943	от -25 до -31 °С	ясно	ясно	проходимы
18.01.1943	от -20 до -24 °С	ясно	ясно	проходимы
19.01.1943	от -15 до -28 °С	небольшая	ветер 4-5 баллов	проходимы
20.01.1943	от -15 до -28 °С	постоянная	слабая метель, ветер 4-5 баллов	проходимы
21.01.1943	от -12 до -15 °С	сплошная, высотой 600-1000 м	местами снегопад, ветер 8-10 баллов	проходимы

22.01.1943	от –8 до –13 °С	сплошная, высотой 400–600 м	местами туман, ветер до 10 баллов	проходимы
23.01.1943	от –7 до –12 °С	небольшая	местами снегопад, ветер до 10 баллов	труднопроходимы
24.01.1943	от –9 до –20 °С	сплошная, высотой 200–300 м	местами снегопад, ветер 8–10 баллов	труднопроходимы
25.01.1943	от –12 до –17 °С	сплошная, высотой 200–500 м	местами туман, ветер до 10 баллов	проходимы
26.01.1943	от –16 до –23 °С	ясно	ясно, ветер 1–2 балла	проходимы
27.01.1943	от –14 до –20 °С	ясно	ясно, ветер 1–2 балла	проходимы
28.01.1943	от –14 до –28 °С	ясно	ясно, ветер 1–2 балла	проходимы
29.01.1943	от –16 до –21 °С	небольшая	ветер 4–6 баллов	проходимы
30.01.1943	от –12 до –15 °С	небольшая	ветер 6–8 баллов	проходимы
31.01.1943	от –15 до –22 °С	небольшая	ветер 8–9 баллов	проходимы

В условиях, когда человек может согреться и отдохнуть, когда он нормально питается, длительное пребывание на холоде не представляет для него особой опасности. Следует отметить, что германское командование учло уроки первой зимней кампании 1941–1942 гг. Для вермахта были разработаны теплые ватные комплекты, меховые шапки-ушанки и масса приспособлений для обогрева блиндажей. Часть этого снаряжения попала и в 6-ю армию, однако всем солдатам теплой одежды не хватило. Еще хуже ситуация обстояла со снабжением теплым обмундированием войск союзников Германии. Обморожения и отморожения, обострение хронических заболеваний, проблемы иммунной системы, пневмония, заболевания почек, фурункулез, экзема и многие другие заболевания стали следствием постоянного переохлаждения. В результате холод стал настоящим «тихим убийцей».

В ходе операции «Кольцо» немецкая группировка в Сталинграде 2 февраля 1943 г. была ликвидирована. Суммарные потери противника составили 255 245 чел., из них погибшими – 147 200 чел. Донской фронт потерял 65 458 бойцов и командиров, в том числе 17 986 чел. убитыми и умершими от ран [33].

1 января 1943 г. началась Ростовская наступательная операция войск 5-й ударной, 2-й гвардейской, 51-й и 28-й армий Южного фронта. С первого дня наступления они встретили ожесточенное сопротивление врага. Бои за станицу Цимлянскую, превращенную врагом в мощный узел сопротивления на пути наступления 2-й гвардейской армии, приняли затяжной характер. Тогда 2-я гвардейская армия генерал-лейтенанта Р.Я. Малиновского блокировала Цимлянскую и направила подвижные части на запад для захвата станицы Константиновской и переправ через Северский Донец и Дон. В середине января подвижные соединения 2-й гвардейской армии вышли на оперативный простор, но нехватка горючего замедлила темп наступления. 51-я и 28-я армии Южного фронта наступали на сальском направлении. На рубеже реки Маныч враг контрударами танковых и моторизованных соединений 4-й танковой армии на две недели сковал главные силы Южного фронта, что позволило через Батайск и Ростов вывести с Кавказа 1-ю танковую армию. В итоге Ростов-на-Дону был освобожден лишь 14 февраля. С выходом 17 февраля на рубеж реки Миус, где противник занял хорошо укрепленный рубеж, войска Южного фронта перешли к обороне.

В ходе полуторамесячных непрерывных боев в сальских степях обе противоборствующие стороны понесли большие потери, в том числе и от обморожений. Южный фронт потерял 28 331 воинов, из них 9809 убитыми и умершими от ран [34]. Потери противника составили 39 818 человек, из них 13 286 – безвозвратные.

Острогожско-Россошанская наступательная операция войск Воронежского фронта продолжалась 15 дней, с 13 по 27 января 1943 г., в условиях сильных зимних морозов, при глубоком снежном покрове. Из 15 дней операции в 11 погода была нелетной, и авиация не смогла оказать значительной поддержки наземным войскам. Вместо 700 запланированных самолетовылетов в день авиация 2-й воздушной армии производила ежедневно в среднем немногим более 100 самолетовылетов. Несмотря на это в ходе операции советские войска разгромили 2-ю венгерскую армию, итальянский альпийский и 24-й немецкий танковый корпуса и большую часть сил оперативного резерва группы армий «Б» — немецкого корпуса особого назначения генерала Крамера. Всего было разгромлено свыше 15 вражеских дивизий, а 6 дивизиям противника было нанесено тяжелое поражение. Советские войска взяли в плен свыше 86 000 солдат и офицеров противника, большое количество боевой техники, военного имущества и снаряжения. Общие потери противника в двухнедельных боях составили 143 955 человек, советских войск – 28 315 бойцов и командиров, в том числе убитыми и умершими от ран – 9265 человек [35].

Выводы

Боевые действия в большой излучине Дона и под Сталинградом зимой 1942–1943 гг. стали переломными в ходе Великой Отечественной войны. Противник понес огромные потери в живой силе и технике, войска сателлитов Германии были фактически разгромлены [36]. Огромную роль в поражении вермахта и его союзников сыграли природно-климатические условия этого театра боевых действий. Анализ зимних операций показал, что в условиях маневренных боевых действий, при подвижной линии фронта, при отрицательных температурах и недостаточном питании боеспособность войск резко снижается уже через две недели, а потери личного состава от обморожений, болезней, физического и морального истощения вполне сравнимы с боевыми потерями от огневых средств. Советское командование при планировании и сроках операций не всегда учитывало данные метеосводок и метеопрогнозов, что негативно сказывалось на результатах артиллерийского и авиационного воздействия на оборону противника (операции «Уран» и «Малый Сатурн»). Состояние погоды влияло и на мобильность служб боевого обеспечения, снабжения, эвакуации, на объемы расхода ГСМ, боеприпасов. Опыт проведения стратегических наступательных операций зимой 1942–1943 гг. на Дону и под Сталинградом был усвоен советским командованием. Подтверждением этому стали последующие успешные операции на Украине зимой 1943–1944 гг. и в Польше зимой 1944–1945 гг.

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

Примечания:

1. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д, 2012.
2. Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф., Артюхин Ю.В. Влияние природных факторов на ход и характер боевых действий в большой излучине Дона во время Великой Отечественной войны // Вестник Южного научного центра. 2014. Т. 10. № 2. С. 83–92.
3. Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2–2). Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. М., 1997. С. 26.
4. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. Крушение «блицкрига». 1 января – 30 июня 1942 года. М., 2003. С. 375.
5. ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 1. Л. 29.
6. Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф., Артюхин Ю.В. Влияние природных факторов на ход и характер боевых действий в большой излучине Дона во время Великой Отечественной войны...
7. Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М., 1990. С. 460.

8. Батов П.И. В походах и боях. М., 1984. С. 188, 189.
9. Еременко А.И. Сталинград. Записки командующего фронтом. М., 1961. С. 347.
10. Козин Н.Д. Гвардейцы в боях. Барнаул, 1975. С. 111, 112.
11. Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой... С. 462–463.
12. Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой... С. 463.
13. Батов П.И. В походах и боях... С. 203.
14. Зубов Д.В., Дегтев Д.М. Прерванный полет «Эдельвейса». Люфтваффе в наступлении на Кавказ. М., 2014.
15. Скрипко Н.С. По целям ближним и дальним. М., 1981.
16. Метельман Г. Сквозь ад за Гитлера. М., 2009.
17. Губин Б.А., Киселев В.Д. Восьмая воздушная. Военно-исторический очерк боевого пути 8-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны. М., 1980.
18. Исаев А.В. Сталинград. За Волгой для земли нет. М., 2008.
19. ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 590. Д. 47. Л. 43.
20. ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 268. Д. 13. Л. 75.
21. ЦАМО РФ. Ф. 368. Оп. 6512. Д. 25. Л. 4, 7.
22. Скрипко Н.С. По целям ближним и дальним... С. 240–242.
23. Скрипко Н.С. По целям ближним и дальним... С. 243.
24. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 105–117, 119–121, 130–131, 180–181.
25. Манштейн Э., фон. Проигранные победы. Личные записки генерала вермахта. 1939–1944. М., 2009. С. 320.
26. ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1072. Д. 12. Л. 1–243.
27. Великая Отечественная война без грифа секретности... С. 346–347.
28. Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1988. С. 157, 158.
29. Мировая война 1939–1945. Взгляд побежденных. М., 2002. С. 274–275.
30. Пернавский Г. Почему погибли сталинградские пленные? // Мифы Великой Отечественной. М., 2008. С. 113–146.
31. ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1072. Д. 481л. Л. 26–243.
32. ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1072. Д. 1. Л. 1–297.
33. ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 262. Д. 189. Л. 131–134.
34. Великая Отечественная без грифа секретности... С. 180.
35. Великая Отечественная без грифа секретности... С. 121.
36. Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф., Афанасенко В.И., Медведев М.В. Разгром «нацистского интернационала» на Дону (1942–1943) // Вестник ЮНЦ РАН. 2015. Т. 11. № 2. С. 87–96.

References:

1. Matishov G.G., Afanassenko V.I., Krinko E.F., Kurbat T.G. Voyna. Yug. Perelom (leto 1942 – osen' 1943 gg.). Rostov n/D, 2012.
2. Matishov G.G., Krinko E.F., Artyukhin Yu.V. Vliyanie prirodnykh faktorov na khod i kharakter boevykh deystviy v bol'shoy izluchine Dona vo vremya Velikoy Otechestvennoy voyny // Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra. 2014. T. 10. № 2. S. 83–92.
3. Russkiy arkhiv: Velikaya Otechestvennaya: T. 13 (2–2). Prikazy narodnogo komissara oborony SSSR. 22 iyunya 1941 g. – 1942 g. M., 1997. S. 26.
4. Organy gosudarstvennoy bezopasnosti SSSR v Velikoy Otechestvennoy voynе. T. 3. Kn. 1. Krushenie "blitskriga". 1 yanvarya – 30 iyunya 1942 goda. M., 2003. S. 375.
5. TsAMO RF. F. 232. Op. 590. D. 1. L. 29.
6. Matishov G.G., Krinko E.F., Artyukhin Yu.V. Vliyanie prirodnykh faktorov na khod i kharakter boevykh deystviy v bol'shoy izluchine Dona vo vremya Velikoy Otechestvennoy voyny...
7. Ivanov S.P. Shtab armeyskiy, shtab frontovoy. M., 1990. S. 460.
8. Batov P.I. V pokhodakh i boyakh. M., 1984. S. 188, 189.
9. Eremenko A.I. Stalingrad. Zapiski komanduyushego frontom. M., 1961. S. 347.
10. Kozin N.D. Gvardeytsy v boyakh. Barnaul, 1975. S. 111, 112.
11. Ivanov S.P. Shtab armeyskiy, shtab frontovoy... S. 462–463.
12. Ivanov S.P. Shtab armeyskiy, shtab frontovoy... S. 463.
13. Batov P.I. V pokhodakh i boyakh... S. 203.
14. Zubov D.V., Degtev D.M. Prervannyy polet "Edel'veysa". Lyuftvaffe v nastuplenii na Kavkaz. M., 2014.
15. Skripko N.S. Po tselyam blizhnim i dal'nim. M., 1981.
16. Metel'man G. Skvoz' ad za Gitlera. M., 2009.
17. Gubin B.A., Kiselev V.D. Vos'maya vozdushnaya. Voенно-istoricheskiy ocherk boevogo puti 8-y vozdushnoy armii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. M., 1980.

18. Isaev A.V. Stalingrad. Za Volgoy dlya nas zemli net. M., 2008.
19. TsAMO RF. F. 229. Op. 590. D. 47. L. 43.
20. TsAMO RF. F. 206. Op. 268. D. 13. L. 75.
21. TsAMO RF. F. 368. Op. 6512. D. 25. L. 4, 7.
22. Skripko N.S. Po tselyam blizhnim i dal'nim... S. 240–242.
23. Skripko N.S. Po tselyam blizhnim i dal'nim... S. 243.
24. Velikaya Otechestvennaya bez grifa sekretnosti. Kniga poter'. M., 2010. S. 105–117, 119–121, 130–131, 180–181.
25. Manshteyn E., fon. Proigrannye pobedy. Lichnye zapiski generala vermakhta. 1939–1944. M., 2009. S. 320.
26. TsAMO RF. F. 16. Op. 1072. D. 12. L. 1–243.
27. Velikaya Otechestvennaya voyna bez grifa sekretnosti... S. 346–347.
28. Rokossovskiy K.K. Soldatskiy dolg. M., 1988. S. 157, 158.
29. Mirovaya voyna 1939–1945. Vzgljad pobezhdennykh. M., 2002. S. 274–275.
30. Pernavskiy G. Pochemu pogibli stalingradskie plennye? // Mify Velikoy Otechestvennoy. M., 2008. S. 113–146.
31. TsAMO RF. F. 16. Op. 1072. D. 4811. L. 26–243.
32. TsAMO RF. F. 16. Op. 1072. D. 1. L. 1–297.
33. TsAMO RF. F. 206. Op. 262. D. 189. L. 131–134.
34. Velikaya Otechestvennaya bez grifa sekretnosti... S. 180.
35. Velikaya Otechestvennaya bez grifa sekretnosti... S. 121.
36. Matishov G.G., Krinko E.F., Afanasenko V.I., Medvedev M.V. Razгром “natsistskogo internatsionala” na Donu (1942–1943) // Vestnik YuNTs RAN. 2015. T. 11. № 2. S. 87–96.

УДК 94 (47).084.8(470.61)

«Зима выдалась суровой...»: влияние погодных условий на сражения в большой излучине Дона в ноябре 1942 г. – феврале 1943 г.

Владимир Иванович Афанасенко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук
Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Евгений Федорович Кринко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук
Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Аннотация. Большая излучина Дона стала местом решающих сражений между Красной армией и вермахтом в 1942–1943 гг. Природные условия региона в значительной степени определяли выбор стратегии и тактики противоборствующими войсками. Статья посвящена влиянию погодных условий на ход и результаты боев в стратегических и фронтовых операциях конца 1942 г. – начала 1943 г.: операции «Уран» (19.11–2.12.1942), Котельниковской наступательной операции Сталинградского фронта (12–31.12.1942), операции «Малый Сатурн» Юго-Западного фронта (16–31.12.1942), операции «Кольцо» Донского фронта (10.01–2.02.1943), Сальской фронтовой наступательной операции войск Южного и Северо-Кавказского фронтов (1.01–4.02.1943), Острогужско-Россошанской наступательной операции войск Воронежского и Юго-Западного фронтов (13–27.01.1943).

Ключевые слова: Великая Отечественная война, большая излучина Дона, Красная армия, вермахт, природный фактор, погода, военная стратегия и тактика.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 14, Is. 2, pp. 130–138, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.14.130

www.ejournal15.com

UDC 78(470)

The Origins of Soviet Musical Subculture (1950–1960s)

Alexander A. Venkov

Gymnasium № 14, Rostov-on-Don, Russian Federation
8, 30th line street, Rostov-on-Don, 344037
PhD (History)
E-mail: venkov_alex@mail.ru

Abstract

The article analyzes the process of formation of a fundamentally new phenomenon – youth music subculture in the Soviet Union in 1950–1960s. The phenomenon of Soviet dudes (*stilyagi*) and its impact on youth subculture is characterized. The author identifies the main trends in youth music subculture.

Keywords: music subculture, Soviet youth, *stilyagi* (dudes), rock'n'roll, Soviet authorities, official ideology, lifestyle.

Введение

При изучении проблем крушения СССР, как правило, основное внимание исследователя сосредоточено на проблемах и издержках советской системы плановой экономики, развитии межнациональных отношений, вопросах эффективности советского партийно-государственного аппарата, ходе «перестройки». Иными словами, исследователь в первую очередь сосредоточивается на политико-экономических проблемах. В то же время незаслуженно мало уделяется внимания состоянию самого советского общества, его проблемам и чаяниям. Тому, насколько перемены, постигшие Россию на данном этапе ее исторического пути, были обусловлены именно общественными запросами. Однако мы придерживаемся той точки зрения, согласно которой именно социум выступает основой государственного устройства и экономической системы общества. Конкретное государство и экономическая система являются если не оптимальными, то наименее противоречивыми для своего общества. И все крупные, судьбоносные изменения в государстве в первую очередь обусловлены именно состоянием общества. Соответственно, корни крушения Советского Союза стоит искать не в последнюю очередь в состоянии советского общества, тенденциях его развития и запросах.

Материалы и методы

Основу работу составили источники личного происхождения: интервью, воспоминания, мемуары лиц, непосредственно причастных к анализируемым явлениям и процессам. Также использованы материалы советской печати, посвященные исследуемой проблематике. В качестве основного метода исследования выбран историко-генетический подход, нацеленный на изучение генезиса конкретных исторических явлений в процессе их развития.

Обсуждение и результаты

Определенным показателем серьезных трансформаций советского общества стало появление в его недрах общественных движений, не связанных напрямую с официальной системой общественных и общественно-политических организаций советского общества – КПСС, комсомолом, профсоюзами. Так, А.В. Шубин выделяет следующие направления данных течений: идейные течения (западники, славянофилы и социалисты); диссидентское движение (оппозиция) и неформальные движения [1]. Объектом нашего исследования являются неформальные движения, или субкультуры, и в первую очередь музыкальная субкультура. Поскольку в отличие от идейных течений и диссидентства советская музыкальная субкультура, появившаяся в 1970-х гг., была куда более многочисленна, с одной стороны, и сформировала определенный ценностный базис, могла оказать серьезное влияние на советское общество – с другой, что позволило в известной степени подготовить почву для последующих перемен. Однако данную роль советская музыкальная субкультура могла сыграть лишь в зрелом своем состоянии – с середины до конца 1980-х гг. До этого ей предстоял долгий путь зарождения, становления и развития. Именно изучение процесса формирования и развития советской музыкальной субкультуры является целью данного исследования.

Из альтернативных музыкальных субкультур рассматриваемого периода мы можем выделить два основных течения: бардовскую песню и рок-музыку. Принципиально важно отметить то, что, несмотря на определенную схожесть, бардовская песня и отечественная рок-музыка (на этапе своего появления в СССР более распространенным было название «биг-бит») имеют совершенно разные корни. Историк музыки и публицист И.В. Смирнов определяет, что в основе бардовской школы лежит национальная поэтическая традиция, в основе роковой школы – интернациональная музыкальная традиция середины XX в. [2]. В этом и заключается их принципиальное отличие друг от друга. И если поэзию «шестидесятничества» и бардовскую песню мы можем в известной степени назвать бронзовым веком русской поэзии, то рок-музыка оказывается обращенной к совершенно иному опыту, иному ценностному и культурному коду.

Предметом нашего исследования является рок-музыка и увлеченные ею люди как одна из основных советских молодежных субкультур, оказавших влияние на формирование ценностного и культурного базиса советской молодежи 1970–1980-х гг. Как отмечает Г.С. Кнабе, «рок-музыка – контркультура – культура – общество – история представляют собой члены единого ряда, и понять первые два можно только на фоне двух последних (как, впрочем, и наоборот). Во-вторых, рок никогда не был только музыкой, но прежде всего стилем жизни и общественной позицией – социокультурный смысл этой позиции можно понять лишь из связи ее с остальными сторонами явления» [3]. Данное значение рок-музыки в жизни общества обуславливает заявленную цель исследования.

С конца 1940-х гг. советская власть на страницах главного сатирического журнала страны «Крокодил» осуждает молодых людей, которые «лишь порхают по поверхности жизни» [4], тем самым декларирует появление в основном столичной молодежной субкультуры, так называемых стилияг. Именно с этого времени, на закате сталинской эпохи, мы можем отметить появление принципиально новой для советского общества субкультуры – стилиажничества. Суммируя ряд определений данного феномена, можно сделать вывод, что стилиажничество – это относительно локальная молодежная субкультура конца 1940-х – начала 1960-х гг., взявшая в качестве эталона западный (преимущественно американский) образ жизни. Стилияг отличала нарочитая аполитичность, определенный цинизм в суждениях, отрицательное (или безразличное) отношение к некоторым нормам советской морали. Подражание западному образу жизни выражалась в повышенном интересе к западной музыке (в первую очередь к джазу), танцам, моде, в ряде случаев интерес распространялся на современные американские литературу и живопись. Главным источником информации о западной моде и «стиле жизни», наравне с фильмами «Серенада Солнечной долины» и «Девушка моей мечты», были чрезвычайно редкие в СССР и оттого чрезвычайно ценные зарубежные журналы.

Рис. 1. Обложка журнала «Cosmopolitan». 1941. № 2

Рис. 2. Мари-Элен Арно – французская актриса, модель, модельер, фотография, опубликованная в журнале «Лайф», автор – Лумис Дин, 1957 г. [5]

Возможно, при всех своих попытках тотального контроля над сферами жизни советского гражданина советская власть не очень представляла себе, что же это за явление – стилиажничество. Об этом свидетельствует текст одного из первых фельетонов, посвященных данной проблеме. Описывая поверхностность образования и узость кругозора стилиаги, автор отмечает: «Стилиага знаком с модами всех стран и времен, но не знает, как мы смогли убедиться, Грибоедова. Он детально изучил все фоксы, танго, румбы, линды, но Мичурина путает с Менделеевым и астрономию с гастрономией. Он знает наизусть все арии из «Сильвы» и «Марицы», но не знает, кто создал оперы «Иван Сусанин» и «Князь Игорь»» [6]. Однако жанр оперетты был так же далек от вкусов стилиажничества, как и жанр оперы. Да и в целом образ стилиаги в фельетоне – это образ беззаботного, бессодержательного, бесполезного для страны и народа мотылька или «пустоколоски», как выразился автор фельетона. Возможно, это и спасло стилиага от более крутых мер, чем фельетоны, приводы в ближайшее отделение милиции для «профилактической беседы», «проработки» на комсомольских собраниях или, как крайние меры, исключение из вуза или рядов ВЛКСМ. Напомним, что начиная с 1948 г. по стране шагает одна из последних сталинских кампаний – борьба «с безродным космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом». И осозная власть, что творится прямо под боком, что «крайне несознательные» советские юноши и девушки слушают исключительно западную музыку, преимущественно американскую, читают западную литературу, преимущественно американскую, одеваются, как герои «Серенады Солнечной долины», общаются между собой на языке, состоящем преимущественно из англицизмов, то едва ли дело обошлось бы только фельетонами. Также ситуацию смягчал и тот факт, что изрядную долю стилиаг составляли представители советской «золотой молодежи» – дети партийных функционеров, военной элиты, ученых, которые имели довольно широкий доступ как к информации о западном образе жизни, так и к конкретным атрибутам этого образа.

Рис. 3–4. Главный сатирический журнал страны «Крокодил» представлял стилиг в виде крайне омерзительных персонажей: поганок, обезьян [7, 8]

Рис. 5. Костюм «с искрой», галстук «с обезьянкой» – неперенные атрибуты молодого бездельника и шалопа из «приличной» семьи [9]

Бесспорно, феномен стилижничества был куда более глубоким, чем его представляла советская власть. Данная субкультура явилась своеобразным стихийным протестом против навязываемых стереотипов поведения, а также против единообразия в одежде, музыке и в стиле жизни. Стилижничество не создало полноценных самостоятельных образцов молодежной культуры. Однако мировоззрение стилиг оказало немалое влияние

на умонастроения последующих молодежных неформальных объединений. По сути, оно стало неким культурным каналом связи советской молодежи, и западной культуры в целом, и музыкальной модой в частности. И факт непонимания властью сущности и содержания стиляжничества говорит о том, что с конца 1940-х гг. между властью, идеологией и весьма немногочисленной на первых порах, но активной частью советской молодежи образовалась трещина, а затем и пропасть незнания и непонимания друг друга.

К началу 1960-х гг. стиляжничество постепенно сходит на нет. Причины этого мы видим главным образом в том, что рубеж 1950–1960-х гг. становится своего рода зарей новой эпохи. Подробный анализ этого периода составили П. Вайль и А. Генис в своей монографии «60-е. Мир советского человека» [10]. Отметим основные события, которые существенно, напрямую или опосредованно, повлияли на сознание советского общества и, в частности, молодежи. Это Международный фестиваль молодежи и студентов в Москве и запуск первого искусственного спутника Земли в 1957 г., полет Гагарина в космос, «дружба» с Кубой после событий на Пляя-Хирон и принятая на XXII съезде КПСС Программа построения коммунизма в 1961 г. Отныне оппозиционность, общественный изоляционизм оказались не в чести, их место заняли сопричастность жизни великой страны, тяга к знаниям и покорениям новых вершин, оптимистический взгляд в будущее, революционный романтизм. Однако эти изменения в сознании молодежи несколько не повлияли на интерес к западной популярной музыке. Более того, советская молодежь следовала строго в фарватере западных тенденций. Так, например, в киноповести Марлена Хуциева о молодежи рубежа 1950–1960-х гг., о ее проблемах и стремлениях «Мне двадцать лет (Застава Ильича)» в качестве музыкального сопровождения вечеринки в сцене с картошкой звучат барочный менуэт, современная французская эстрада и американский рок-н-ролл. Что характерно, герои фильма не стиляги, а обычная советская молодежь, которой, по замыслу автора, и предстоит строить будущее. И подобное музыкальное сопровождение не вступает в диссонанс со спорами в той же сцене о том, «о чем можно говорить серьезно» – о революции, патриотизме, войне, 1937 года, о том, что «у нас, почти всех, нет отцов».

Первым опытом непосредственного контакта советской молодежи с западной культурой стал Международный фестиваль молодежи и студентов в Москве в 1957 г. Вместе с ним в Советский Союз приходит мода на новое американское веяние – «прогрессивная» советская молодежь оказалась «полностью зачарована и заморожена неслышанными доселе ритмом и мелодиями – американским рок-н-роллом» [11]. На что вскоре вполне определенно отреагировала власть. На XIII съезде комсомола в 1958 г. первый секретарь ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепин заявил, что «американский танец рок-н-ролл воспитывает разболтанность, поощряет ненужные и нежелательные чувства» [Цит. по: 12]. Однако дальше простого осуждения дело не пошло, и рок-н-ролл становится все более и более популярным.

Новая мода породила и новые тенденции. На данном этапе развития советского музыкального андеграунда в Москве, Ленинграде и столицах прибалтийских республик, в первую очередь в Риге, появляются первые самостоятельные музыкальные группы, ориентированные на исполнение западной рок-музыки. Появление первых групп в столице и портовых городах было обусловлено тем, что здесь молодежь имела широкий доступ к новинкам западной музыкальной культуры, западным музыкальным периодическим изданиям, музыкальным инструментам.

Новоявленные коллективы играют композиции западных популярных рок-н-рольных групп и исполнителей: Чака Берри, Билла Хэйли, Литтла Ричарда, Элвиса Пресли и других. Основное внимание уделяется аутентичному звучанию, внешнему облику, манере держаться на сцене: «Самыми преданными фанатами англо-американского рока были сами наши музыканты. Их священной миссией и главной заботой было спеть и сыграть как можно ближе к оригиналу, скопировать в точности каждый звук, тембр каждого голоса. И это вовсе не считалось недостойным имитированием – напротив, было очень почетным и целиком соответствовало ожиданиям публики. Записи оставались вещью не очень доступной, дискотек не было, и живые меломаны в форме местных бит-групп отчасти компенсировали музыкальный голод» [13].

Рис. 6. Элвис Пресли. Кадр из кинофильма “Jailhouse Rock” [14]

Основной аудиторией новоявленных групп были посетители молодежных кафе и студенческих клубов и аудиторий. Вот как описывает атмосферу концертов основатель одной из первых в СССР рок-н-рольных или «биг-битовых» групп “Melody Makers” Пит Андерсон: «Везде, где бы группа ни играла, – в школах, на частных вечеринках (часто также под видом чьего-то дня рождения устраивали концерт), в техникумах и институтах, на свадьбах и т.д. – полуподпольные концерты группы сопровождал прием слушателей, близкий к экстазу. Люди танцевали, как сумасшедшие, кричали, – по сути, просто адекватно принимали музыкантов и рок-н-ролл, но в то время это считалось поведением, не соответствующим облику “строителя коммунизма” <...> Излюбленным местом проведения концертов была всегда Академия художеств (“Акушка”), известная своим свободомыслием и либеральным отношением как со стороны студентов, так и со стороны преподавателей. Каждый раз, когда “Makers” играли в Академии, фаны “штурмовали” ее, пытаясь пролезть внутрь, используя все возможные и невозможные пути – через окна туалетов, крышу, подвалы, просто силой и обманом проталкиваясь и пробиваясь через охрану у входных дверей» [15]. Однако несмотря на все расширяющуюся популярность увлечение рок-музыкой уже очевидно вышло за пределы столиц – власть фактически игнорировала это явление: «...вся бит-сцена существовала абсолютно вне всяких связей с официальной культурной и общественной жизнью. Это был даже не оппозиционный и критикуемый “андеграунд”, а просто нечто совершенно отдельное и независимое. О новорожденном советском роке не писали в газетах и не говорили на совещаниях, им не интересовались концертные организации и Министерство культуры» [16]. Возможно, это было связано с тем, что официальные органы, осознав очевидную бесперспективность борьбы с неизменно устойчивой модой у молодежи на западную музыку, попытались взять эту музыку «на вооружение». Однако власть реагировала на молодежную моду с очевидным опозданием, и потому на протяжении ряда последующих лет в творчестве «официальных» советских композиторов регулярно появляются песни, выполненные в «классической», явно запаздавшей твистовой стилистике: «Лучший город Земли», «Королева красоты» Арно Бабаджаняна в исполнении Муслима Магомаева, «Последняя электричка» Давида Тухманова, «Черный кот» Юрия Саульского и ряд других.

Качественно иное увлечение рок-музыкой начинается с середины 1960-х гг., что практически совпадает по срокам с волной «битломании» в Европе и США. Как вспоминает А. Градский: «Я хотел петь, но в голове творился полный сумбур. И так было до 1963 года, когда я впервые услышал “Битлз”. Со мной был шок, истерика. Пришли эти ребята и сразу

все поставили на место. До них была только прелюдия» [17]. «Рок-н-ролл был для меня магической комбинацией звуков <...> эти звуки являлись чисто религиозным откровением (наподобие горящего куста) и навсегда отменяли пресный мир моих родителей», – пишет Б. Гребенщиков [18], без преувеличения, один из «столпов» отечественной рок-музыки.

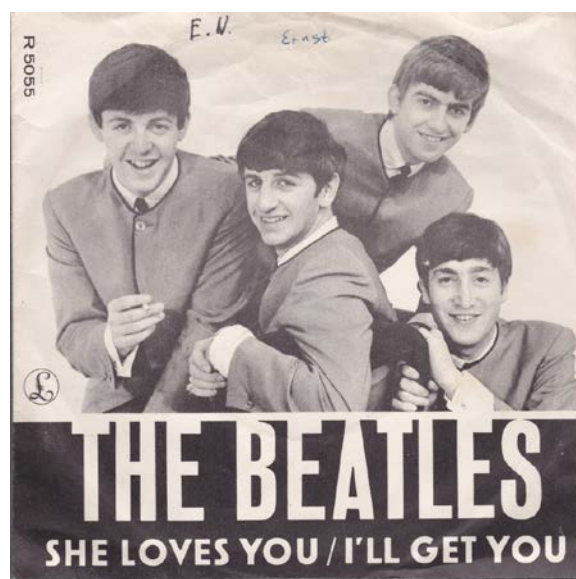

Рис. 7. Обложка сингла “The Beatles” “She loves you / I’ll get you”, положившего в 1963 г. начало битломании – явлению скорее социальному, нежели культурному

В чем же заключался секрет широкой популярности западной рок-музыки у советской молодежи? Тот же И. Смирнов приводит две основные причины данного явления. Во-первых, это новая эстетика, включавшая в себя такие элементы, как запретность и очевидная альтернативность официальной советской эстраде, фольклорная простота, доступность и универсальность, и, во-вторых, это массовое распространение портативных магнитофонов, что позволило с легкостью копировать и распространять музыкальные записи [19]. Музыкальный критик, публицист А. Троицкий видит причину популярности “Beatles” не только в ценностных и технических причинах, но и в сугубо музыкальной составляющей: «Элвис и рок-н-ролл были хороши, но слишком экзотичны для нас. Жесткий “черный” ритм, быстрый темп, гиперсексуальный голос – колоссально, неслыханно, идеально для новых танцев, – но можно ли рок-н-рольные “крикунов” представить “своими ребятами”? А Beatles были рядом, и не географически, а душевно. <...> У Beatles были мелодии. Для русского уха это необходимо. Хороший ритм и сочный звук всегда приветствуются, но без красивых, напевных мелодических линий шансы на настоящий успех сводятся к минимуму» [20]. На феномен мировой «битломании», настолько чуждый по форме советской молодежи, не могла не отреагировать официальная пресса: в чрезвычайно популярной «Литературной газете» 19 декабря 1964 г. появляется разгромный фельетон Н.В. Богословского «Из жизни “пчел” и навозных “жуков”» [21], в котором автор в чрезвычайно критичных тонах характеризует творчество “Beatles”, предрекая славу на «год-полтора», не более. Однако, осуждая на словах, уже в 1967 г. фирма грамзаписи «Мелодия» в диск «Музыкальный калейдоскоп № 8» включает песню “Girl” из альбома “Beatles” 1965 г. “Rubber Soul” без ссылки на группу, указав в качестве авторов Дж. Леннона и П. Маккартни. Разумеется, говорить о легализации творчества ливерпульцев не приходится. Фактически власть попросту «закрывает глаза» на такое явление, как повальная мода на западную музыку, тем самым сделав ее безопасной для советской молодежи. «Тотальный контроль отошел в прошлое, на смену ему пришло тотальное игнорирование» [22].

Как отмечает И.В. Смирнов, именно «творчество “Битлз” стало катализатором резкой смены типа молодежной музыки и разбудило в наших “стилягах” собственные творческие

потенции» [23]. К этому можно добавить, что помимо творчества “Beatles” свое влияние оказали относительная легкость распространения зарубежных пластинок в «столицах», доступность «западных голосов» и возможность переписать оригинальные музыкальные записи. Действительно, зачем слушать «клон», когда есть возможность услышать оригинал? И уже в 1965–1966 гг. в Москве появляются группы с аутентичным русскоязычным «бигбитовым» репертуаром – «Славяне» и «Скоморохи», основанные А. Градским. В Эстонии в то же время Пит Андерс основывает группу “Optimistid”, исполняющую рок-н-ролл на эстонском языке. В 1969 г. в Ленинграде В. Рекшаном основывается группа «Санкт-Петербург», программа которой уже составлена целиком из песен на русском языке.

Выводы

Подводя итоги, отметим, что в конце 1940-х гг., вопреки официальной идеологии и борьбе с космополитизмом, для определенной части городской молодежи своеобразным ориентиром становится современная западная культура, в первую очередь англо-американская, и «западный образ жизни» (музыка, мода, времяпрепровождение). Постепенно данное «увлечение» превращается в полноценную субкультуру, в первую очередь музыкального характера, в которой присутствуют свои идеальные образцы, свои подвижники, круг поклонников (адептов), свой сленг. Принципиальным является то, что в отличие от многих возникших в это время неформальных течений в советском обществе данная культура никоим образом не противопоставляла себя «официальному курсу», существуя и развиваясь словно бы вне контекста политического строя. Немаловажно и то, что советская молодежь, несмотря на очевидную сложность, фактически невозможность контактов с западными сверстниками, практически без опоздания воспринимала западные музыкальные тенденции и моду. Это подтверждает мнение о том, что «эпоха 1960-х» не только музыкальное, но и социальное явление, перешагнувшее государственные и идеологические границы.

Рубежом между этапами формирования субкультуры становится вторая половина 1960-х гг., когда простое музыкальное заимствование становится недостаточным. В это время появляются первые музыкальные группы, пытающиеся создать свои, доморощенные образцы культуры, обращающиеся к отечественной поэтической традиции, что знаменует новый этап в формировании советской молодежной субкультуры.

Примечания:

1. Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1977–1985 гг. М., 2000.
2. Смирнов И.В. Время Колокольчиков – жизнь и смерть русского рока. М., 1994. С. 7.
3. Кнабе Г.С. Избранные труды. Теория и история культуры. М.; СПб., 2006. С. 20.
4. Беляев Д.Г. Стиляга // Крокодил. 1949. № 7. С. 7.
5. Loomis Dean. Marie-Hélène // LIFE Magazine. 1957. № 5.
6. Беляев Д.Г. Стиляга... С. 7.
7. Кукрыниксы. Поганки // Крокодил. 1960. № 2.
8. Худяков Л. Обезьяны // Полиграфическая мастерская ЛССХ «Боевой карандаш». Л., 1957.
9. Пророков Б. На папиной «Победе» // Крокодил. 1954. № 6.
10. Вайль П.Л., Генис А.А. 60-е. Мир советского человека. М., 2013.
11. Pete Anderson. Official Site. URL: <http://www.pitsandersons.lv/rus/biography/childhood> (дата обращения: 12.04.2015).
12. Парфенов Л.Г. Намедни. Наша эра. 1946–1960. М., 2015. С. 242.
13. Троицкий А.К. Back in the USSR. СПб., 2007. С. 34.
14. Jailhouse Rock. Metro-Goldwyn-Mayer, Inc. Reproduction Number: LC-USZ6-2067 Location: NYWTS – BIOG.
15. Pete Anderson. Official Site. URL: <http://www.pitsandersons.lv/rus/biography/> 60s (дата обращения: 12.04.2015).
16. Троицкий А.К. Back in the USSR... С. 35.
17. Троицкий А.К. Back in the USSR... С. 31.
18. Гребенщиков Б.Б. Не песни. М., 2002. С. 175.
19. Смирнов И.В. Время Колокольчиков – жизнь и смерть русского рока... С. 10.
20. Троицкий А.К. Back in the USSR... С. 31–32.
21. Богословский Н.В. Из жизни «пчел» и навозных «жуков» // Литературная газета. 1964. 19 декабря.

22. Троицкий А.К. Back in the USSR... С. 34–35.
23. Смирнов И.В. Время Колокольчиков – жизнь и смерть русского рока... С. 10.

References:

1. Shubin A.V. Ot “zastoya” k reformam. SSSR v 1977–1985 gg. M., 2000.
2. Smirnov I.V. Vremya Kolokol’chikov – zhizn’ i smert’ russkogo roka. M., 1994. S. 7.
3. Knabe G.S. Izbrannye trudy. Teoriya i istoriya kul’tury. M.; SPb., 2006. S. 20.
4. Belyaev D.G. Stilyaga // Krokodil. 1949. № 7. S. 7.
5. Loomis Dean. Marie-Hélène // LIFE Magazine. 1957. № 5.
6. Belyaev D.G. Stilyaga... S. 7.
7. Kukryniksy. Poganki // Krokodil. 1960. № 2.
8. Khudyakov L. Obezany // Poligraficheskaya masterskaya LSSKh “Boevoy karandash”. L., 1957.
9. Prorokov B. Na papinoy “Pobede” // Krokodil. 1954. № 6.
10. Vayl’ P.L., Genis A.A. 60-e. Mir sovetskogo cheloveka. M., 2013.
11. Pete Anderson. Official Site. URL: <http://www.pitsandersons.lv/rus/biography/childhood> (data obrascheniya: 12.04.2015).
12. Parfenov L.G. Namedni. Nasha era. 1946–1960. M., 2015. S. 242.
13. Troitskiy A.K. Back in the USSR. SPb., 2007. S. 34.
14. Jailhouse Rock. Metro-Goldwyn-Mayer, Inc. Reproduction Number: LC-USZ6-2067 Location: NYWTS – BIOG.
15. Pete Anderson. Official Site. URL: <http://www.pitsandersons.lv/rus/biography/60s> (data obrascheniya: 12.04.2015).
16. Troitskiy A.K. Back in the USSR... S. 35.
17. Troitskiy A.K. Back in the USSR... S. 31.
18. Grebenshchikov B.B. Ne pesni. M., 2002. S. 175.
19. Smirnov I.V. Vremya Kolokol’chikov – zhizn’ i smert’ russkogo roka... S. 10.
20. Troitskiy A.K. Back in the USSR... S. 31–32.
21. Bogoslovskiy N.V. Iz zhizni “pchel” i navoznykh “zhukov” // Literaturnaya gazeta. 1964. 19 dekabrya.
22. Troitskiy A.K. Back in the USSR... S. 34–35.
23. Smirnov I.V. Vremya Kolokol’chikov – zhizn’ i smert’ russkogo roka... S. 10.

УДК 78(470)

Истоки советской музыкальной субкультуры (1950–1960-е гг.)

Александр Андреевич Венков

Гимназия № 14 города Ростова-на-Дону, Российская Федерация
344037, Ростов-на-Дону, 30-я линия, 8
Кандидат исторических наук
E-mail: venkov_alex@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется процесс формирования в Советском Союзе в 1950–1960-х гг. принципиально нового явления – молодежной музыкальной субкультуры. Рассматривается феномен стиляг и его влияние на молодежную субкультуру. Выявляются основные тенденции развития молодежной музыкальной субкультуры.

Ключевые слова: музыкальная субкультура, советская молодежь, стиляги, рок-н-ролл, советская власть, официальная идеология, образ жизни.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 14, Is. 2, pp. 139–147, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.14.139

www.ejournal15.com

Casus: The History of Russia in the Small Peas

UDC 94 (47)

Everyday Life of the Black Sea Beaches in the Late 19th – Early 20th Century (on the Example of the Caucasian Coast)

Anna V. Krivokon

Krasnodar State University of Culture and Arts, Russian Federation
33, 40 Years of Victory Street, Krasnodar, 350072
PhD (History)
E-mail: AyutaKR@yandex.ru

Abstract

The article discusses everyday life on the beaches of the Black Sea coast in the aspect of the global trends. The main focus is put on the architecture of the beaches, their improvement and the behavioral practices of tourists.

Keywords: everyday life, summer resorts, beaches, the Black Sea coast, Caucasus, late 19th – early 20th century.

Введение

Ежегодно с наступлением летнего сезона каждый задается вопросом, где провести свой отпуск. Одних привлекает море, других – горы, многие ищут возможность поправить здоровье, но больше всего туристов привлекают районы, сочетающие в себе целый ряд достоинств. Среди них особо выделяется черноморское побережье, которое относится к природным территориям, обладающим уникальным ландшафтным разнообразием и неисчерпаемым рекреационно-оздоровительным потенциалом. С конца XIX в. Крым и Кавказ – главные курортные зоны России. В это же время туризм становится массовым явлением. В Западной Европе первые курорты на побережье появились еще в XVIII в. Правда, предназначались они исключительно для высших слоев общества.

Простолюдины, как справедливо отмечает британский ученый Ф. Грей, начали использовать морские купания для терапевтических и рекреационных целей раньше, чем представители высших сословий. Для элиты необходимо было сначала изобрести побережье и научить ее представителей его «потреблять». Курорты открыли море как сферу удовольствия и здоровья и сделали его предметом потребления [1].

Курорты черноморского побережья Кавказа изначально не были уважаемыми. Здесь отдыхали представители различных сословий, в первую очередь небогатая интеллигенция. По словам сочинца К.А. Гордона, состоятельные люди России «предпочитали более обжитые и комфортабельные курорты Крыма или Минеральных Вод или фешенебельные средиземноморские курорты Франции и Италии. Исключение

составляли только некоторые богатые владельцы дач, приезжавшие на 1–2 летних месяца, но их было очень немного» [2].

В данной работе рассматривается «пляжная» повседневность курортников рубежа XIX–XX вв. Основное внимание сконцентрировано на черноморском побережье Кавказа.

Материалы

Статья основывается в первую очередь на материалах периодической печати («Анапский листок», «Медвежонок» – приложение к «Черноморской газете», «Черноморский альманах», «Туапсинские отклики», «Кубанская жизнь»). Источниковая база также включает путеводители по черноморскому побережью Кавказа начала XX в. и источники личного происхождения, представленные воспоминаниями сочинца К.А. Гордона.

Обсуждения и результаты

К настоящему времени выпущено много работ, посвященных современному состоянию и проблемам черноморских курортов. К истории же их развития в конце XIX – начала XX в. обращаются реже. Существует ряд научных статей, диссертационных исследований, рассматривающих отдельные аспекты данного вопроса, но полноценный монографический труд до сих пор не создан. Например, становление Анапы как курорта нашло отражение в работах З.Е. Харалдиной [3]. Исследования И.А. Тверитинова раскрывают особенности социально-экономического развития Сочинского округа [4]. Крымский, кавказский и волжский массовый туризм в конце XIX – начала XX в. были изучены К.И. Голоцваном [5]. Вопрос же повседневной жизни отдыхающих в этот период остается практически не освещенным в научной литературе.

В 2004 г. в Симферополе опубликована монография А.В. Мальгина «Русская Ривьера: курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи: конец XVIII – начало XX в.», отдельная глава которой повествует об обитателях крымской Ривьеры, их жизни и нравах.

Замечательный концептуальный и фундаментальный труд об истории западных курортов был подготовлен британским ученым Ф. Греем [6]. Он выявляет общие тенденции и отличительные черты развития мировых курортов, что позволяет проводить параллели и объяснять реалии морских курортов России. Автором проанализированы природа и архитектура курортов, репрезентация берега, социальный аспект, досуг отдыхающих и их поведенческие практики. Именно поведенческие практики составили предметную область и данного исследования.

В Крыму для обозначения посетителей побережья с конца XIX в. использовали слово «курсист» [7], на черноморском побережье Кавказа – «курсовой». Второе понятие нами будет применяться далее в тексте.

Летний сезон начинался в апреле, когда «первые ласточки курортной весны» появлялись на черноморском побережье. Одни снимали дачи на весь сезон, другие – квартиры или комнаты, реже – гостиничные номера. Вид на море – привлекательнейшая черта береговой зоны – считался достоинством гостиничного номера или сдаваемой квартиры, правда, заодно увеличивал стоимость апартаментов.

Курортная инфраструктура только начинала развиваться на кавказском побережье Черного моря, и процесс этот шел довольно медленно. Местная пресса часто указывала на неблагоустроенность и дороговизну, критиковала квартирных хозяев за грубость и жажду наживы, а городские власти – за пассивность.

«Собственный корреспондент» «Кубанской жизни» в 1906 г. сетовал на то, что раньше «Анапа считалась самым дешевым, тихим и спокойным курортом, правда, и самым неблагоустроенным», но эти времена миновали. Теперь цены сильно выросли, а в плане благоустроенности ничего практически не поменялось. «Анапцы, обирая приезжающих, совершенно не заботятся об их удобствах» [8], – данная мысль является лейтмотивом нескольких статей, принадлежащих перу этого автора.

Со страниц газет звучали призывы заняться благоустройством курортов. Учреждались специальные общества, задававшиеся этой целью, но не всегда добивавшиеся успеха [9].

Что касается пляжей, то их санитарное состояние являлось зачастую неудовлетворительным, из-за чего пользоваться морем было неприятно и потенциально

небезопасно. Впрочем, подобная проблема была характерна и для европейских курортов, например, на протяжении XIX в. для английских [10].

Доктор медицины А.А. Кисель писал в редакцию «путеводителей» Г. Москвича, характеризуя недостатки курортов черноморского побережья Кавказа: «...они совершенно не благоустроены в гигиеническом отношении и о какой бы то ни было санитарии в них еще не думают», «не принимается никаких мер против загрязнения моря у курортов». Доктор выражал опасения, что в результате создастся столь же плачевная ситуация, что и в Ялте, «где море уже настолько загрязнено, что нет возможности купаться» [11].

В разделе «Местная хроника» газеты «Анапский листок» в 1909 г. раздавались жалобы на то, что весь купальный берег Песков запущен и неблагоустроен, вокруг грязь, «загаженность», беспорядочно натканные столбы. Такое положение вещей вызывало неудовольствие купающихся [12].

Пляжная архитектура была представлена платными купальнями и «раздевальнями». В Анапе, например, к 1914 г. функционировали большая купальня в большой бухте, 2 малые купальни в Малой бухте и 2 «раздевальни» на Песках. Плата за разовое посещение купальни составляла 5 коп., 100 билетов стоили 3 руб., в раздевальнях взимали 2 коп. за раз [13]. Принадлежали купальни в основном частным лицам. Это были довольно большие и хорошо устроенные заведения, предлагающие широкий спектр услуг.

В Новороссийске первые общественные купальни были открыты в 1888 г. И.Е. Данесисом. Вскоре возникли купальни П.Г. Клоссида, Д.С. Серафимовича. В 1904 г. на берегу бухты построены купальни товарищества на паях «Новороссийский курорт», которые имели 80 номеров (40 мужских и 40 женских), площадку для «солнечного лечения», буфет на верхней площадке, а с берегом соединялись открытой эстакадой с навесом от солнца.

Купальни Серафимовича считались одними из лучших в Новороссийске и включали 80 мужских и женских номеров, общее отделение, 13 номеров с теплыми морскими и грязевыми ваннами, отделение с душем Шарко. Отдыхающих здесь обеспечивали купальными костюмами и плавательными поясами, подавали им прохладительные напитки и сладости. На берегу находилось двухэтажное здание буфета [14].

Купальни, находившиеся в собственности городского управления, значительно уступали частновладельческим. В Анапе в 1909 г. многие купающиеся, и детишки, и взрослые, раздевались прямо на берегу, и никто не желал пользоваться «убогими и крошечными», как писала местная газета, городскими купальнями. Городская управа приходила в отчаяние, т.к. купальни не давали сбора [15].

Сочи, как свидетельствует Г. Москвич в своем путеводителе за 1914 г., будучи преимущественно курортным городом, заботы о пляжах, которые были изрядно загрязнены, практически не проявлял и купален не имел [16]. Однако в 1909 г. в Сочи открылся единственный по своему размаху и комфортабельности на всем морском побережье Кубани и Черноморья курортный комплекс «Кавказская Ривьера». В него входили четыре гостиницы, водолечебница, театр, кинематограф, кафе, ресторан, здание администрации, собственный пляж и тропический сад с террасами. Комплекс к тому же имел электростанцию, водопровод и канализацию (чего не имел посад Сочи) [17–18].

Побережье – это эротическое пространство, наполненное приятным возбуждением, обещаниями, приключениями и злключениями. Пляж и в пространственном, и в культурном смысле расположен на кромке. Во втором случае на кромке общества. Здесь «условностями и запретами повседневной жизни можно пренебречь», пусть и ненадолго [19].

<...>Здесь подпав под власть Эрота,
Люди шепчут в забытьи:
“К черту, книги! Прочь забота!
Мать-природа, мы твои!”
“Босоногая” медичка
С математиком в “лаптях”
Целый день резва, как птичка,
В наших солнечных краях.
Вот филолог с шевелюрой
С юридичкой сел у скал

И “красе” притворно-хмурой
Напевает мадригал <...> [20].

Рис. 1. Сочи. Купальный пляж. Начало XX в.

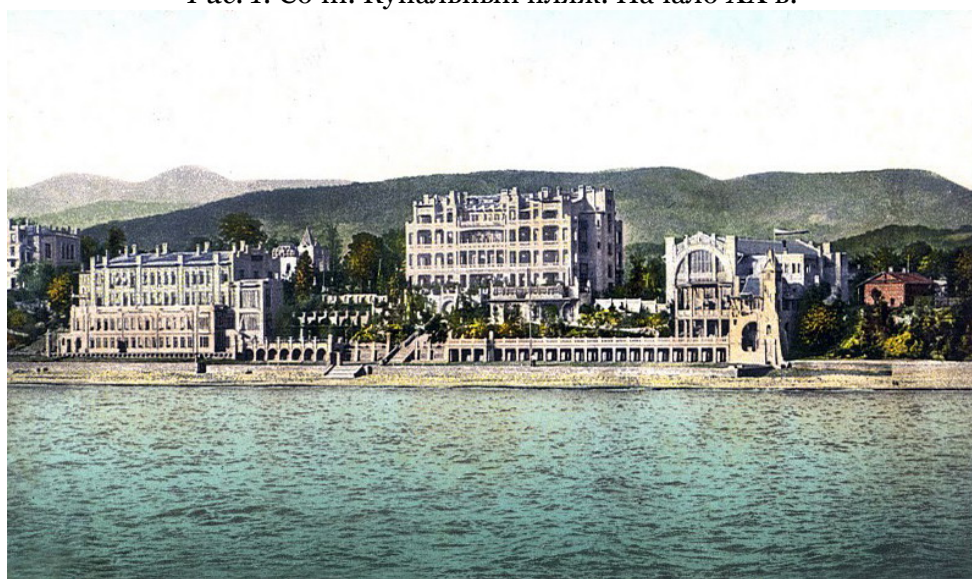

Рис. 2. Сочи. Курорт «Кавказская Ривьера»

О поведении молодых людей, курортных романах были распространены анекдоты следующего характера:

«На курорте.

– Около вашей дочки кавалеры так и увиваются... Как мухи липнут!..

– Именно: как мухи, шельмы этикие – сейчас помелом не отгонишь, а осенью все до одного пропадут!» [21]

Воззрения на то, каким должно быть поведение на пляже, были различны. Существовали общепринятые негласные правила приличия, и, конечно, находились те, кто этих правил не придерживался. В прессе того времени встречаются заметки о неподобающем поведении некоторых «курсовых»: загорание в обнаженном виде, подглядывание за женщинами, хулиганство.

В 1914 г. на новороссийском пляже загорающая обнаженная девушка явилась чем-то из ряда вон выходящим. Этому случаю в местном сатирическом издании «Медвежонок» были

посвящены анекдот и стихотворение, описывающее реакцию публики (любопытство мужчин и негодование женщин):

Растянулася на пляже
Дева прямо над волною,
Не прикрылась дева даже
Полотенцем, простынею.

Солнце жжет девичье тело,
По груди лучами бродит;
Гимназистик сзади зрелый
На нее “Кодак” наводит;

Разрезая волны прямо,
Близ нее проходит лодка;
Отвернулись в лодке дамы:
– Фи, какая идиотка!

– Сумасшедшая какая!
– Безобразье! Невозможно!..
По кустам крадется стая
Любопытных осторожно;

Вот – директор учрежденья
Из кредитных... Гласный старый...
Рты раскрыв от восхищенья,
Сзади них студентов пара...

Тут же, рядом, у баркаса
И у лодок, что налево,
Ухмыляясь, точат лясы
Рыбаки, глядя на деву.
Кат-Кат [22].

15 июля 1909 г. в анапской Кучух-бухте «какой-то нахал <...> позволил лежать себе совершенно раздетым по дороге, ведущей к женским купальням. Вероятно, он принимал так называемую солнечную ванну. Но место выбрал неудачное и тем самым лишил женщин возможности купаться» [23].

На рубеже XIX–XX вв. в западном мире появляется движение нудистов (натуристов). Суть натурализма – солнечные ванны, а также купание, плавание, подвижные игры в воде [24]. Возможно, это как раз были приверженцы данного течения.

В Британии в конце XIX в. внешний облик некоторых отдыхающих также определяли как «обнаженный», но, как считает Ф. Грей, эту «наготу» не стоит понимать буквально, возможно она относится к слишком откровенному купальному костюму [25]. Вопрос остается открытым.

Если обратиться к европейскому опыту, то в Англии велись дебаты по поводу того, «как следует купаться, нагишом или используя специальные костюмы, и могут ли мужчины и женщины находиться в море по соседству друг от друга» [26]. На большинстве английских курортов «муниципальные власти требовали ношения купальных костюмов и отдельного купания мужчин и женщин в гендерно разграниченных зонах». Большинство женщин стали носить купальные костюмы, но многие мужчины продолжили их отвергать и купались обнаженными, что вызывало осуждение со стороны блюстителей приличий [27]. Сегрегационные правила купания разлучали членов одной семьи. Когда большинство мужчин согласилось одеться, стало возможным совместное купание мужчин и женщин. Все большее значение стал приобретать совместный семейный отдых [28].

В России купались и в плавательных костюмах, и без них, последнее нередко вызывало у остальных возмущение [29]. На черноморском побережье Кавказа, по словам корреспондента «Анапского листка», существовал обычай «не обращать друг на друга равно никакого внимания». Поэтому всеобщее возмущение вызвал «господин с женой и ребенком», расположившийся возле «голых и полуголых» купальщиц и тем самым не дававший им выйти из воды. И только после вмешательства городского, пригрозившего нарушителю спокойствия участком, удалось заставить его уйти [30].

Присутствие на пляже блюстителя порядка, видимо, было обычной практикой. И притом необходимой. К примеру, в анапской Кучух-бухте существовал постоянный пост городского, но в 1909 г. по неизвестным причинам он был снят. И за этот купальный сезон в местной газете не раз печатались заметки об инцидентах на этом пляже. Звучали просьбы вернуть пост городского [31].

В Кучух-бухте были неудобно устроены купальни. Рядом с женской купальней находилась постройка рыбаков, никак от них не отгороженная. Женщинам приходилось «жаться» к купальне. Второе неудобство – общий спуск по откосу для мужчин и для женщин, который к тому же проходил внизу неподалеку от раздевающихся женщин. Необходим был второй спуск для мужчин. К тому же ежедневно кто-то из «нескромных» мужчин «выползал» на наружный балкон купальни и беззастенчиво демонстрировал «формы своего тела». «Зрелище вовсе не приятное и возмутительное не только для женщин» [32]. Двое каких-то «саврасов» пытались заставить собаку идти в воду, швыряя камнями в женскую купальню [33].

По-прежнему продолжались в Анапе наблюдения в бинокль «мужчинами купающихся с берега женщин», а некоторые «нахалы» без церемонии располагались среди женщин купать своих детей [34]. В июне 1909 г. в купальне Малой бухты произошел инцидент с двумя екатеринодарцами Аведовыми (скорее всего, имеются в виду крупнейшие маслобойщики Кубани братья Аведовы), которые с площадки купальни рассматривали в бинокль купающихся женщин. Анапский ветеринарный врач Надеждин указал на неприличие их поступка, начались пререкания. Прекратили свое занятие Аведовы только после того, как им предложил это сделать мимо проходивший пристав [35].

К пляжной повседневности относится также вопрос внешнего вида купальщиков, появляющихся на улицах курортного города, прилегающих к пляжу. В настоящее время выходить за пределы пляжа в купальном костюме или полуобнаженным неприлично, но многие не придерживаются этого правила. В конце XIX – начале XX вв. такое было просто недопустимо. «Ненормальные господа» – так отозвался в анапской прессе один из приезжих о двух мужчинах, вышедших из купальни лишь в соломенных шляпах, туфлях на босу ногу, один в красной женской блузе, одетой на голое тело, а другой в синей рубахе и простыне ниже пояса. Они прошли мимо купающихся женщин и детей и направились далее по улице [36].

Ключевыми элементами, привлекавшими публику на побережье, были лечебные и оздоровительные свойства морской воды. Кроме того, побережье всегда ценилось за красоту окружающей природы и за чистоту воздуха. Поэтому одним из популярных видов времяпрепровождения являлись прогулки на лодках, по берегу, по окрестностям, которые давали возможность наслаждаться видами и дышать морским воздухом.

Англичане для морских прогулок использовали также молы и пирсы. В XIX в. в Британии строились специальные развлекательные пирсы-променады, вход на которые был платным. Предназначались они в основном для респектабельных посетителей [37]. С конца XIX в. «увеселительными» пирсами обзавелись и курорты Соединенных Штатов и стран континентальной Европы (Франции и Германии) [38]. В России данный вид прогулок не был распространен, а специальные развлекательные пирсы-променады никогда здесь не существовали.

Выводы

Итак, на рубеже XIX–XX вв. повседневная жизнь отдыхающих на черноморских пляжах Кавказа включала морские купания, солнечные ванны, прогулки, пешие – по берегу и морские – на лодках, и была регламентирована правилами приличия, действовавшими в обществе. Данные правила соблюдались не всеми, что вызывало осуждение окружающих.

Пляжная архитектура была представлена только купальнями и «раздевальнями», что невыгодно отличало ее от наблюдавшегося уже тогда разнообразия форм пляжных сооружений на курортах Западной Европы. Достоинством черноморских курортов, по сравнению с европейскими, являлась их демократичность: открытость для всех слоев общества.

Примечания:

1. Грей Ф. История курортов: архитектура, общество, природа / пер. с англ. Е. Ляминой, М. Неклюдовой. М., 2009. С. 22, 26.
2. Архивный отдел администрации муниципального образования город Сочи. Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 62. Л. 11–12.
3. Харалдина З.Е. Становление города-курорта Анапы в конце XIX – начале XX века // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 2. С. 63–65.
4. Тверитинов И.А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX вв. Сочи, 2000.
5. Голоцван К.В. Становление массового туризма в России в конце XIX – начале XX века: Крым, Кавказ, Волга: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2009.
6. Грей Ф. История курортов: архитектура, общество, природа...
7. Мальгин А.В. Русская Ривьера: курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи: конец XVIII – начало XX в. Симферополь, 2004. С. 285.
8. Анапа // Кубанская жизнь. 1906. № 75. 29 июня.
9. Из нашей жизни // Туапсинские отклики. 1913. № 1. 24 ноября.
10. Грей Ф. История курортов: архитектура, общество, природа... С. 196–197.
11. Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. 21-е изд. Краснодар, 2013. С. 370.
12. Анапский листок. 1909. № 6. 17 июня.
13. Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу... С. 378.
14. Нагаева Г.А. Историко-культурное наследие дореволюционного Новороссийска: новые ракурсы // Теоретические и практические вопросы науки XXI века: сборник статей Международной научно-практической конф. 28 февраля 2014 г.: в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа, 2014. С. 12.
15. О Песках // Анапский листок. 1909. № 7. 18 июня.
16. Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу... С. 428.
17. Гусева А.В. Курортный комплекс «Кавказская Ривьера» // 100-летие курорта Сочи: историко-культурные, лечебно-оздоровительные и природно-географические аспекты: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Сочи, 3–5 июля 2009 г.). Сочи, 2009. С. 10.
18. Мамадалиев А.М. К развитию Сочи в дореволюционный период: санаторно-курортный аспект // 100-летие курорта Сочи: историко-культурные, лечебно-оздоровительные и природно-географические аспекты... С. 81–82.
19. Грей Ф. История курортов: архитектура, общество, природа... С. 162.
20. Экскурсанты // Черноморский альманах. 1914. № 1. Январь. С. 55.
21. На курорте // Медвежонок. 1914. № 19. 4 мая (Приложение к «Черноморской газете». 1914. № 62).
22. Курортная картинка // Медвежонок. 1914. № 27. 29 июня (Приложение к «Черноморской газете». 1914. № 146).
23. Местная хроника // Анапский листок. 1909. № 31. 17 июля.
24. Грей Ф. История курортов: архитектура, общество, природа... С. 42.
25. Грей Ф. История курортов: архитектура, общество, природа... С. 204.
26. Грей Ф. История курортов: архитектура, общество, природа... С. 192.
27. Грей Ф. История курортов: архитектура, общество, природа... С. 197.
28. Грей Ф. История курортов: архитектура, общество, природа. С. 200, 202.
29. Черноморское побережье // Кубанский край. 1911. № 461–139. 24 июня.
30. Науменко Т.Ф. Анапские картинки // Анапский листок. 1909. № 8. 19 июня.
31. Местная хроника // Анапский листок. 1909. № 31. 17 июля.
32. Местная хроника // Анапский листок. 1909. № 13. 25 июня.
33. Местная хроника // Анапский листок. 1909. № 31. 17 июля.
34. Местная хроника // Анапский листок. 1909. № 31. 17 июля.
35. Местная хроника // Анапский листок. 1909. № 25. 10 июля.
36. Местная хроника // Анапский листок. 1909. № 41. 29 июля.
37. Грей Ф. История курортов: архитектура, общество, природа... С. 259–267.
38. Грей Ф. История курортов: архитектура, общество, природа... С. 291, 303.

References:

1. Grey F. Istoriya kurortov: arkhitektura, obschestvo, priroda / per. s angl. E. Lyaminoy, M. Neklyudovoy. M., 2009. S. 22, 26.
2. Arkhivnyy otdel administratsii munitsipal'nogo obrazovaniya gorod Sochi. F. R 279. Op. 1. D. 62. L. 11–12.
3. Kharaldina Z.E. Stanovlenie goroda-kurorta Anapy v kontse 19 – nachale 20 veka // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2008. № 2. S. 63–65.
4. Tveritinov I.A. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Sochinskogo okruga vo vtoroy polovine 19 – nachale 20 vv. Sochi, 2000.
5. Golotsvan K.V. Stanovlenie massovogo turizma v Rossii v kontse 19 – nachale 20 veka: Krym, Kavkaz, Volga: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. M., 2009.
6. Grey F. Istoriya kurortov: arkhitektura, obschestvo, priroda...
7. Mal'gin A.V. Russkaya Rivyera: kurorty, turizm i otdykh v Krymu v epokhu Imperii: konets 18 – nachalo 20 v. Simferopol', 2004. S. 285.
8. Anapa // Kubanskaya zhizn'. 1906. № 75. 29 iyunya.
9. Iz nashey zhizni // Tuapsinskie otkliki. 1913. № 1. 24 noyabrya.
10. Grey F. Istoriya kurortov: arkhitektura, obschestvo, priroda. S. 196–197...
11. Moskvich G. Illyustrirovannyi prakticheskiy putevoditel' po Kavkazu. 21-e izd. Krasnodar, 2013. S. 370.
12. Anapskiy listok. 1909. № 6. 17 iyunya.
13. Moskvich G. Illyustrirovannyi prakticheskiy putevoditel' po Kavkazu... S. 378.
14. Nagaeva G.A. Istoriko-kul'turnoe nasledie dorevol'yutsionnogo Novorossiyska: novye rakursy // Teoreticheskie i prakticheskie voprosy nauki 21 veka: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 28 fevralya 2014 g.: v 2 ch. Ch. 2 / otv. red. A.A. Sukiasyan. Ufa, 2014. S. 12.
15. O Peskakh // Anapskiy listok. 1909. № 7. 18 iyunya.
16. Moskvich G. Illyustrirovannyi prakticheskiy putevoditel' po Kavkazu... S. 428.
17. Guseva A.V. Kurortnyy kompleks "Kavkazskaya Rivyera" // 100-letie kurorta Sochi: istoriko-kul'turnye, lechebno-ozdorovitel'nye i prirodno-geograficheskie aspekty: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Sochi, 3–5 iyulya 2009 g.). Sochi, 2009. S. 10.
18. Mamadaliev A.M. K razvitiyu Sochi v dorevol'yutsionnyy period: sanatorno-kurortnyy aspekt // 100-letie kurorta Sochi: istoriko-kul'turnye, lechebno-ozdorovitel'nye i prirodno-geograficheskie aspekty: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Sochi, 3–5 iyulya 2009 g.). Sochi, 2009. S. 81–82.
19. Grey F. Istoriya kurortov: arkhitektura, obschestvo, priroda... S. 162.
20. Ekskursanty // Chernomorskiy al'manakh. 1914. № 1. Yanvar'. S. 55.
21. Na kurorte // Medvezhonok. 1914. № 19. 4 maya (Prilozhenie k "Chernomorskoy gazette". 1914. № 62).
22. Kurortnaya kartinka // Medvezhonok. 1914. № 27. 29 iyunya (Prilozhenie k "Chernomorskoy gazette". 1914. № 146).
23. Mestnaya khronika // Anapskiy listok. 1909. № 31. 17 iyulya.
24. Grey F. Istoriya kurortov: arkhitektura, obschestvo, priroda... S. 42.
25. Grey F. Istoriya kurortov: arkhitektura, obschestvo, priroda... S. 204.
26. Grey F. Istoriya kurortov: arkhitektura, obschestvo, priroda... S. 192.
27. Grey F. Istoriya kurortov: arkhitektura, obschestvo, priroda... S. 197.
28. Grey F. Istoriya kurortov: arkhitektura, obschestvo, priroda... S. 200, 202.
29. Chernomorskoe poberezhye // Kubanskiy kray. 1911. № 461–139. 24 iyunya.
30. Naumenko T.F. Anapskie kartinki // Anapskiy listok. 1909. № 8. 19 iyunya.
31. Mestnaya khronika // Anapskiy listok. 1909. № 31. 17 iyulya.
32. Mestnaya khronika // Anapskiy listok. 1909. № 13. 25 iyunya.
33. Mestnaya khronika // Anapskiy listok. 1909. № 31. 17 iyulya.
34. Mestnaya khronika // Anapskiy listok. 1909. № 31. 17 iyulya.
35. Mestnaya khronika // Anapskiy listok. 1909. № 25. 10 iyulya.
36. Mestnaya khronika // Anapskiy listok. 1909. № 41. 29 iyulya.
37. Grey F. Istoriya kurortov: arkhitektura, obschestvo, priroda... S. 259–267.
38. Grey F. Istoriya kurortov: arkhitektura, obschestvo, priroda... S. 291, 303.

УДК 94 (47)

**Повседневная жизнь черноморских пляжей на рубеже XIX–XX вв.
(на примере кавказского побережья)**

Анна Владимировна Кривоконь

Краснодарский государственный университет
культуры и искусств, Российская Федерация
350072, Краснодар, ул. 40-летия Победы, 33
Кандидат исторических наук
E-mail: AyutaKR@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается пляжная повседневность черноморского побережья Кавказа в ключе общемировых тенденций. Основное внимание сконцентрировано на архитектуре пляжей, их благоустройстве и на поведенческих практиках отдыхающих.

Ключевые слова: повседневная жизнь, летние курорты, пляжи, черноморское побережье Кавказа, рубеж XIX–XX вв.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 14, Is. 2, pp. 148–149, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.14.148

www.ejournal15.com

Reviews and Surveys

UDC 94(47)(093)

“Entrusted to Remember...” Don Archives for the 70th Anniversary of the Great Victory. Collection of Documents and Materials. Rostov-on-Don: Altair Publishing House, 2015. 280 p.

Sergey V. Yanush

Stavropol State Agrarian University, Russian Federation
12, Zootechnical Lane, Stavropol, 355017
Dr (History)
E-mail: iancos@mail.ru

Abstract

The review considers the collection of documents and materials “Entrusted to Remember...: Don Archives for the 70th anniversary of the Great Victory”. The collection contains text sources and photographs about the events of the Great Patriotic War stored in the funds of the Rostov region archives.

Keywords: Great Patriotic War, archive, Rostov region, documents, photographs, historical sources.

В рецензируемом издании представлены извлеченные из фондов архивов Ростовской области подлинные документы и фотодокументы, освещающие события Великой Отечественной войны. Его подготовка и выход в свет стали результатом усилий большого авторского коллектива. В редакционную коллегию во главе с председателем комитета по управлению архивным делом Ростовской области В.Е. Захаровым вошли председатель Южного научного центра (далее – ЮНЦ) РАН академик Г.Г. Матишов, директор Центра документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО) С.Д. Кононыхина, заместитель директора Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН доктор исторических наук Е.Ф. Кринко, заместитель директор ЦДНИРО Л.В. Левендорская, директор Таганрогского филиала Государственного архива Ростовской области И.О. Омелянюк. В составлении сборника и подборе документов участвовали также архивисты и научные сотрудники О.В. Валуйскова, И.А. Енина, А.В. Королева, Т.Г. Курбат, В.Ю. Мартыненко, М.В. Медведев, С.А. Новиков, А.В. Пехтелева, Е.И. Точеная, В.В. Янковская. Научным редактором издания являлся Е.Ф. Кринко, на протяжении целого ряда лет раскрывающий в своих работах малоизученные и неизвестные страницы Великой Отечественной войны, а его ответственным составителем – Л.В. Левендорская.

Несомненно, что данный труд вызовет у исследователей профессиональный интерес, ведь большая часть приводимых в нем материалов публикуется впервые. Составителями было уделено серьезное внимание вопросам перевода всей жизни Ростовской области на

«военные рельсы». Документы объективно и рельефно рассказывают о тяжелых днях немецко-фашистской оккупации, восстановлении экономики и социальной сферы после освобождения. В сборнике раскрыто участие жителей в боевых действиях на всех фронтах Великой Отечественной войны, а также отражение военных событий в исторической памяти и мемориальной культуре Дона. Рассматриваемые сюжеты, составившие самостоятельные разделы книги, охватывают наиболее значимые страницы военной летописи Ростовской области с 1941 по 1945 гг. и по настоящее время.

Публикации предшествовала тщательная работа по отбору архивных документов и их подготовке к публикации. Сами документы предваряются обращением губернатора Ростовской области В.Ю. Голубева, ветерана Великой Отечественной войны Г.Г. Никанорова, а также вступительной статьей, подготовленной Е.Ф. Кричко и содержащей глубокий анализ представленных исторических источников.

Безусловно, книга будет востребована самой широкой читательской аудиторией: научными работниками, исследователями военной истории, учащимися и студентами высших учебных заведений, ветеранами войны и военной службы, а также всеми, кто интересуется немеркнущими событиями периода Великой Отечественной войны. Сборник хорошо иллюстрирован, материал представлен в форме, удобной для его использования и изучения студентами и преподавателями в учебном процессе. Издание позволит студентам и аспирантам исторических факультетов, преподавателям и студентам всех других специальностей углубить изучение актуальных вопросов отечественной военной истории. Особенно она будет полезна при подготовке, организации и проведении занятий по таким учебным дисциплинам, как история России, всеобщая история, военная история.

Авторам представленного труда, несомненно, удалось основательно и достаточно подробно рассмотреть основные этапы истории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны и ее отражения в памяти жителей Дона в последующие годы. Считаю, что научно-популярное издание «Завещано помнить... Донские архивы – 70-летию Великой Победы. Сборник документов и материалов», является достойным вкладом в выполнение Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы».

УДК 94(47)(093)

**Завещано помнить... Донские архивы – 70-летию Великой Победы.
Сборник документов и материалов. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2015. 280 с.**

Сергей Владимирович Януш

Ставропольский государственный аграрный университет, Российская Федерация
355017, Ставрополь, переулок Зоотехнический, 12
Dr (History)
E-mail: iancos@mail.ru

Аннотация. Рецензия посвящена сборнику документов и материалов «Завещано помнить: Донские архивы – 70-летию Великой Победы». В сборнике представлены документы и фотографии о событиях Великой Отечественной войны из фондов архивов Ростовской области.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, архив, Ростовская область, документы, фотографии, исторические источники.

Obituary

In memory of Tatiana Pavlovna Khlynina

10 июня 2015 г. после тяжелой болезни на 49-м году жизни скончалась Татьяна Павловна Хлынина – главный редактор журнала «Русская старина» (с начала 2014 г.), доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории истории и этнографии Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук. Это тяжелая потеря не только для родных, близких и всех остальных людей, знавших ее лично. Значительную утрату понесла историческая наука России – из жизни ушел выдающийся ученый, работы которого вносят немалый вклад в изучение широкого круга сложных и актуальных исследовательских проблем.

Татьяна Павловна родилась 9 января 1967 г. в городе Сенеже Солнечногорского района Московской области. Блестяще окончила Адыгейский государственный педагогический институт (1989), затем очную аспирантуру Института российской истории РАН (1993), докторантуру в Московском государственном областном университете (2003). Защитила кандидатскую диссертацию по отечественной истории (1993), через десять лет – докторскую диссертацию по историографии, источниковедению и методам исторических исследований (2003).

Период профессионального становления Т.П. Хлыниной пришелся на время работы в Адыгейском республиканском институте гуманитарных исследований в Майкопе, в котором она прошла путь от младшего до ведущего научного сотрудника. В 2008 г. она переехала в Ростов-на-Дону, начала работу в Южном научном центре РАН, затем, с момента создания, – в Институте социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН, занимала должности ведущего и главного научного сотрудника лаборатории истории и этнографии. Именно эти годы стали периодом ее главных научных успехов и достижений. В ЮНЦ РАН и ИСЭГИ ЮНЦ РАН она участвовала в реализации многих научных проектов, была руководителем и ответственным исполнителем ряда исследовательских проектов, выполнявшихся в рамках программ фундаментальных исследований Президиума РАН и Отделения историко-филологических наук, а также по грантам РГНФ.

Сфера научных интересов Татьяны Павловны всегда была чрезвычайно широка. Ее кандидатская и докторская диссертации были посвящены вопросам национально-государственного строительства на Северном Кавказе и их отражению в отечественной историографии. Помимо вопросов истории и теории национальных отношений, советской и современной национальной политики, значительное внимание она уделяла проблемам исторического познания, взаимоотношениям истории и политики, социальной истории и повседневной жизни в советский период.

Татьяна Павловна была настоящим человеком науки. Она пришла в нее на изломе эпох, когда многие не только молодые, но и уже состоявшиеся научные работники искали для себя другие сферы деятельности. Будучи талантливым и блестяще эрудированным человеком, она не только не ушла из профессии, хотя могла, вероятно, найти различное применение своим разнообразным способностям. Напротив, придала ей новые грани своей деятельностью, никогда не замыкавшейся в рамках традиционных сюжетов и «кабинетных» исследований.

Возможно, именно поэтому ее всегда привлекала студенческая аудитория. Она преподавала в Адыгейском государственном университете, Майкопском государственном технологическом университете, Донском государственном техническом университете, филиале Российского государственного социального университета в городе Майкопе и других вузах. Вела лекции и практические занятия по истории, культурологии, социальной политике, семиотике, а также страноведению, проектированию, прогнозированию и моделированию в социальной работе, другим общим и специальным дисциплинам, разработав за свою сравнительно недолгую преподавательскую жизнь не один спецкурс, руководила дипломными проектами, неизменно удостоивавшимися самых высоких оценок. Татьяна Павловна была превосходным лектором, ярким оратором, настоящим трибуном, никогда не оставлявшим равнодушной аудиторию, хорошо чувствовавшую ее искренность. Лишь в последние полтора года по состоянию здоровья ей пришлось отказаться от преподавания, но она не теряла надежды к нему вернуться. Эти планы, как и многие другие, сохранились у нее почти до конца.

Профессиональная судьба не дала ей возможности руководить аспирантами и докторантами, хотя, безусловно, она могла создать яркую плеяду учеников, продолжавших разработку поднятых ею проблем, и собственную научную школу. В то же время Татьяна Павловна неоднократно выступала официальным оппонентом на защитах кандидатских и докторских диссертаций, готовила отзывы ведущей организации или писала собственные отзывы на диссертационные исследования. И даже к этим, казалось бы, «ходульным» формам относилась творчески, находя в каждой рецензируемой работе свою «изюминку», сочетая внимательный критический разбор с доброжелательностью к соискателям. Это хорошо знали не только в регионе, но и в Москве: порой ее оценка служила немаловажным основанием для вынесения соответствующих решений по присуждению ученой степени. Никогда не отказывала она в профессиональной помощи и другим коллегам, особенно начинающим исследователям.

Татьяна Павловна прожила короткую, но яркую жизнь, успев сделать невероятно много за отпущенное ей время. Об этом свидетельствует уже ее историографическое наследие – более 450 опубликованных работ, включая почти два десятка монографий, брошюр и коллективных трудов. И это не считая той огромной работы, которую она осуществляла как научный редактор, готовя к печати десятки трудов, сборников,

периодических изданий, не считая учебных пособий, адресованных как самым маленьким читателям – дошкольникам, так и совсем взрослым – студентам вузов различных специальностей. Талант ученого и преподавателя сочетался с качествами организатора: Татьяна Павловна активно участвовала в подготовке и проведении многих научных мероприятий, конференций, форумов, круглых столов.

Ее порядочность и принципиальность были хорошо известны профессиональному сообществу. Несмотря на свое хрупкое телосложение, она всегда боролась с проявлениями несправедливости – как в профессиональной среде, так и в обычной жизни. На любом месте и в любое время проявляла высокую ответственность, профессиональное отношение к делу, доброжелательность и стремление помочь людям.

Татьяна Павловна очень любила жизнь и очень хотела жить. Но судьба распорядилась иначе. Она ушла от нас на пике своей профессиональной карьеры. Светлая ей память.

Редакционная коллегия журнала «Русская старина»